L. eleg. g. 592 f

<36609062520010 S

<36609062520010

Bayer. Staatsbibliothek

ОПЫТЪ
РИТОРИКИ,

сочиненный
въ Санктпетербургскомъ Горномъ
Кадетскомъ Корпусѣ

Иваномъ Рижскимъ,

нынѣ
съ нѣкоторыми исправленіями, въ пользу училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа

третьимъ тисненіемъ

изданный
ИМПЕРАТОРСКИМЪ
Харьковскимъ Университетомъ.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи,
1822 года.

Съ одобренія Университетскаго Совѣта.

L. eleg. g. 592 f

Bayerische
Staatsbibliothek
München

bms

103

F8/87/50487

ОПЫТЪ РИТОРИКИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

§ 1.

Силою слова проницать въ душу другихъ, повелѣвать ихъ умами, разтрогать ихъ чувствительность разительнымъ изображеніемъ нравственнаго, возхитить ихъ воображеніе живѣйшимъ выраженіемъ естественнаго изящества, есть искуство краснорѣчія, составляющее предметъ Риторики. Иногда одна опытность доводитъ до нѣкотораго совершенства въ семъ дѣлѣ; и есть люди, которые при помощи отличнаго ума, пылкаго воображенія, чувствительнаго сердца и навыкомъ приобрѣтеннаго вкуса изъясняются весьма приятно, убѣдительно, сильно. Но ихъ умъ безъ просвѣщенія часто не можетъ объять всего, что принадлежитъ къ самому дѣлу, и безъ наставленія еще чаще заблуждается; ихъ вообраІженіе и чувствительность безъ вѣрнаго путеводителя иногда доходятъ до излишествъ; ихъ вкусъ,

Краснорѣчіе есть предметъ Риторики.

Краснорѣчіе, приобрѣтенное навыкомъ недостаточно.

не имѣющій основаніемъ истиннаго и общаго понятія объ изящномъ, погрѣшаетъ и бываетъ болѣе вкусомъ ихъ вѣка и отечества. Отъ сего ихъ слово по большой части бываетъ то не достаточно, то избыточно до излишества, то не естественно связано, или вовсе безъ связи, а всего чаще наполнено мнимыми красотами вмѣсто истинныхъ. По сей причинѣ самая щастливая природа имѣетъ нужду въ руководствѣ науки, которой правила суть не что иное, какъ общія о краснорѣчіи умозаключенія, извлеченныя изъ замѣчаній и опытовъ всѣхъ временъ. Наука не можетъ намъ дать дарованій, когда ихъ не дала природа; но въ противномъ случаѣ она одна ихъ образуетъ и усовершаетъ. Самые творческіе умы (génies) въ началѣ едва ли могутъ обойтися безъ ней.

И потому требуетъ кромѣ природныхъ дарованій еще науки.

§ 2. При всемъ томъ не возможно заслужить вниманія, кольми паче уваженія слушателей такимъ словомъ, въ которомъ не видно обширнаго и основательнаго просвѣщенія. Витія есть прорицалище, отъ котораго всегда ожидаютъ че-

Витія долженъ быть просвѣщенъ;

го нибудь новаго и рѣдкаго въ томъ родѣ, въ которомъ онъ говоритъ: поелику всѣ предполагаютъ, что кто принимаетъ на себя долгъ наставлять другихъ, тому необходимо надобно имѣть отличныя предъ прочими знанія. Чемъ же онъ можетъ удовлетворить сему любопытству, сему предубѣжденію слушателей въ его пользу, естьли разумъ его не обогащенъ свойственными просвѣщенному человѣку познаніями? По сей причинѣ всегда было признано за неоспоримую истинну, что краснорѣчіе имѣетъ тѣснѣйшую связь съ Философіею, разумѣя сію въ обширномъ смыслѣ. Она наставляетъ насъ здраво судить, управляетъ нашимъ воображеніемъ и вкусомъ, и открывая природу страстей и нравственныхъ склонностей показываетъ витіи слабую сторону человѣка, а чрезъ то даетъ ему надежнѣйшее орудіе повелѣвать другимъ. При семъ не менѣе нужно ему знаніе Исторіи, которая снабдѣваетъ его примѣрами, сими сильнѣйшими средствами къ преклоненію другихъ. Поелику въ примѣрѣ, особливо когда онъ близокъ къ намъ въ разсужденіи вре-

и особенно знать Философію

и Исторію.

мени, мѣста, состоянія и личныхъ обстоятельствъ, мы видимъ нѣкоторымъ образомъ самихъ себя.

Первоначальное краснорѣчіе сходствовало съ естественною и обыкновенною рѣчію;

§ 3. Ежели всѣ вещи идутъ постепенно къ своему совершенству; то краснорѣчіе первыхъ временъ должно быть такое, которое близко къ обыкновенной рѣчи; (поелику природа всегда предшествуетъ искуству); и не прежде вышло за сіи предѣлы, какъ уже тогда, когда утонченное искуство научило человѣка гораздо плѣнительнѣйшему, но нѣсколько удаленному отъ естественнаго слова нарѣчію. Просто сказать, рѣчь первыхъ витій была не что иное, какъ изображеніе свободнымъ словомъ изящнаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ природѣ: но когда человѣческій умъ узналъ способы, творить самъ изящное, и при томъ такое, которое болѣе естественнаго еще поражаетъ наше воображеніе; и когда между тѣмъ найдено, что пріятное согласіе звуковъ, которое имѣетъ великое дѣйствіе надъ нашимъ сердцемъ, можетъ быть нѣкоторымъ образомъ введено въ наше слово, то есть, когда составляющіе оное

но послѣ введена въ оное нѣкоторая мѣра.

звуки будутъ соотвѣтствовать себѣ взаимно въ разсужденіи мѣры и числа ихъ: то отъ соединенія сихъ двухъ открытій въ человѣческой рѣчи сдѣлалась она живописнѣйшею и пріятнѣйшею. Отъ сего произошли два извѣстные рода краснорѣчія; одно прозаическое, или просто называемое прозою, а другое стихотворческое, иначе называемое стихами.

Отъ сего краснорѣчіе есть прозаическое и стихотворческое.

§ 4. Изъ сего видно, что и прозаикъ и стихотворецъ имѣютъ одинъ главный предметъ, то есть, подѣйствовать на другаго красотою и пріятностію своего слова: однако какъ тотъ, такъ и другой достигаютъ до сего разными, такъ сказать, путями. Первый, имѣя подлинникомъ то, что дѣйствительно находитъ въ природѣ, изображаетъ сіе съ такимъ искусствомъ, что рѣчь его при всѣхъ украшеніяхъ не удаляется чрезвычайно отъ естественной и обыкновенной въ общежитіи: а вторый, не уважая того, что слово его не будетъ казаться обыкновеннымъ, истощаетъ все, чтобы достигнуть своей цѣли, то есть, чтобы привести въ воз-

Сличеніе обоихъ родовъ краснорѣчія.

торгъ воображенiе: для сего онъ не довольствуется тѣмъ, что представляетъ ему природа, но избирая изъ того самое блестящее, часто дополняетъ еще своими вымыслами, дабы чрезъ то произвести что нибудь весьма разительное: и при томъ все сiе изображаетъ словомъ, имѣющимъ отличную искуственную складкозвучность. И такъ хотя есть нѣкоторыя совершенства слова, которыя украшаютъ какъ прозу, такъ и стихи; однако каждый изъ сихъ двухъ родовъ краснорѣчiя имѣетъ свои собственныя красоты и правила.

Прозаическому Краснорѣчiю учитъ Риторика, а стихотворческому Поэзiя.

§ 5. По сему наука краснорѣчiя раздѣляется на Риторику и Поэзiю. Риторика, показавъ общiя прозаическаго и стихотворческаго краснорѣчiя правила, особенно наставляетъ первому; а Поэзiя занимается единственно тѣмъ, что касается до стихотворенiя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О совершенствахъ слова, которыя произходятъ отъ мыслей, или о изобрѣтеніи.

Зависящія отъ мыслей совершенства слова.

§ 6. Всѣ зависящія отъ выраженій совершенства и красоты слова останутся вовсе не дѣйствительными, когда сочиненіе не имѣетъ ничего достойнаго вниманія со стороны мыслей. Душа читателя и слушателя есть отголосокъ того, что произходитъ въ душѣ витіи: она воображаетъ, судитъ, умствуетъ, трогается, возхищается тѣмъ, въ той степени, чѣмъ и сколько бываетъ занятъ витія. Что же можетъ онъ сообщить ей отличнаго, когда самъ мыслитъ и чувствуетъ также, какъ и всякой другой. И по сему опытные писатели съ искуственными красотами слова всегда соединяютъ изящество мыслей; и въ ихъ твореніяхъ отъ цѣлыхъ смысловъ до послѣдняго подобнозначащаго и прилагательнаго каждое реченіе содержитъ подъ собою что нибудь такое, что

можетъ занять слушателя. Есть даже случаи, въ которыхъ наборъ великолѣпныхъ словъ и выраженій отнялъ бы много достоинства у мыслей. Таковы бываютъ высокія истинны, занимающія собою, такъ сказать, весь умъ; таковы чрезвычайные возторги и страсти, наполняющіе собою совершенно душу. Предоставляя изъяснить сіе въ своемъ мѣстѣ, здѣсь замѣтимъ, что многоразличныя совершенства и достоинства мыслей, входящихъ въ составъ сочиненія, могутъ быть ограничены слѣдующимъ: то есть, когда онѣ 1) изобильны, 2) справедливы, 3) новы, 4) соразмѣрны предмету слова и сочиненія, 5) ясны, 6) естественны, 7) предложены съ нѣкоторымъ благоразумнымъ сокращеніемъ. Но еще болѣе украшаютъ слово мысли такъ называемыя, 8) отличныя, а именно, острыя, сильныя, отважныя, выразительныя, тонкія, откровенныя; наконецъ 9) искренній, и показывающія въ писателѣ глубокое знаніе человѣческихъ 10) нравовъ и 11) страстей.

Изобиліе мыслей

§ 7. Изобиліе мыслей требуетъ не того, чтобы писатель говорилъ сколько можно болѣе о предметѣ

своего слова, и не опустилъ бы въ немъ ничего, что только можно о томъ сказать. Напротивъ сего онъ совершенно изобиленъ мыслями тогда, 1) когда ихъ въ сочиненіи столько, сколько нужно для достиженія цѣли онаго; 2) и когда онѣ при томъ достойны вниманія просвѣщеннаго читателя. Ибо къ чему послужитъ вся плодовитость витіи, когда послѣ обширнаго слова его слушатель остается ни убѣжденъ, ни возхищенъ, ни тронутъ? Съ другой стороны какъ можетъ быть доволенъ благоразумный читатель, видя, что тотъ, кто принялъ на себя удовлетворить ему своимъ словомъ, не размышлялъ о томъ, въ чемъ хочетъ показать свое искуство, и думаетъ занять его только извѣстными всякому, давно прежде его обдуманными, или ничего не значащими понятіями?

состоитъ въ достаточномъ ихъ количествѣ для достиженія цѣли сочиненія;

Для сего витіи нужно живое воображеніе, чтобы посредствомъ его онъ могъ, такъ сказать, разложить свой предметъ на составляющія его части, то есть, представить себѣ подробно все то, что только оный въ себѣ содержитъ, или что только съ нимъ имѣетъ связь. Но чтобы содержать въ надлежащихъ пред-

Для сего нужно имѣть пылкое воображеніе;

и знать правила

изобрѣтенія. лахъ сію пылкую способность; и чтобы возбудить ее, когда она отъ долговременнаго и сильнаго напряженія ослабѣетъ: то для сего необходимо нужна помощь науки, которая, предписывая правила, какъ должно изобрѣтать мысли, тѣмъ самимъ показываетъ истинный путь воображенію, и вознаграждаетъ случающееся съ нимъ иногда оскудѣніе.

Правила изобрѣтенія. § 8. Риторическое изобрѣтеніе есть не что иное, какъ представленіе въ умѣ близкихъ къ матеріи сочиненія мыслей. Для сего писатель раздѣливъ ее на главныя и обыкновенныя ея части, то есть, на подлежащее и сказуемое, къ каждому изъ нихъ особенно, равно и къ другимъ находящимся въ ней понятіямъ, посредствомъ воображенія прииcкиваетъ все то, что только имѣетъ къ нимъ отношеніе. Впрочемъ когда онъ намѣревается произвести какое нибудь не большое сочиненіе; то иногда сыскиваетъ къ нимъ только подобнозначащія слова и выраженія, противныя понятія, къ существительнымъ именамъ приличныя прилагательныя, а къ глаголамъ нарѣчія; иногда же

— Для малыхъ сочиненій.

дѣлая самъ себѣ нѣкоторые вопросы, изобрѣтаетъ такіе къ нимъ отвѣты, которые содержатъ въ себѣ относящіяся къ матеріи понятія. Онъ вопервыхъ спрашиваетъ, *кто?* и въ отвѣтѣ на сей вопросъ показываетъ обыкновенное и отличительное свойство того предмета, къ которому изобрѣтаетъ. Потомъ сдѣлавъ себѣ вопросъ, *что?* показываетъ въ отвѣтѣ дѣйствіе, или страданіе онаго. Поступая далѣе вопрошаетъ себя, *какимъ способомъ?* Отвѣтъ его въ семъ случаѣ долженъ содержать въ себѣ то, что служитъ или орудіемъ, или побужденіемъ къ произведенію того предмета, къ которому онъ изобрѣтаетъ, судя по тому, къ Физическимъ, или ко нравственнымъ вещамъ относится оный. На вопросъ, *гдѣ?* въ отвѣтѣ своемъ представляетъ себѣ обыкновенное его мѣсто; на вопросъ, *когда?* его время; на вопросъ, *отъ чего, или для чего?* его причину. Наконецъ вопрошая себя, *какъ?* въ отвѣтѣ воображаетъ его въ самой высочайшей степени.

§ 9. Постараемся изъяснить сіе примѣромъ. Пусть будетъ матеріею сочиненія слѣдующее пред- Примѣръ.

ложеніе: *соболѣзнованіе утѣшаетъ нещастнаго.* Подлежащимъ здѣсь соболѣзнованіе, а сказуемымъ утѣшеніе; сверьхъ сего есть третіе, относящееся къ сказуемому, понятіе, то есть, нещастный. И такъ предметомъ изобрѣтенія вопервыхъ будетъ

Соболѣзнованіе.

Къ нему прииframмъ

Подобнозначащія слова: сожалѣніе, состраданіе.

— Выраженіе: человѣколюбивое участіе въ горестяхъ ближняго.

Прилагательныя имена: искреннее, усердное.

Противныя понятія: нечувствительность, безпристрастіе.

Отвѣтъ на вопросъ, кто? Имѣющій чувствительное сердце.

— — Что? Желаетъ помочь.

— — Какимъ способомъ? Видя страданія подобнаго себѣ.

— — Для чего? Для удовлетворенія своему человѣколюбію.

— — Какъ? Даже до слезъ; даже до ненависти къ гонителю.

— — Когда? Естьли самъ испыталъ когда нибудь подобную участь.

Возмемъ теперь сказуемое, то есть,

Утѣшенiе,

И къ нему также прищемъ
Подобнозначащее слово: отрада.
— Выраженiе: уменьшенiе горести другаго.
Прилагательныя имена: возхитительное, трогающее.
Противныя понятiя: огорченiе, оскорбленiе.
Отвѣтъ на вопросъ, кто? Благоразумный.
— — Что? Приводитъ въ радостныя слезы.
— — Гдѣ? Въ темницахъ, на смертномъ одрѣ.
— — Какимъ способомъ? Совѣтами, примѣрами.
— — Отъ чего? По причинѣ дружества, привязанности.
— — Какъ? Заставляетъ нещастнаго забыть на время свое состоянiе.
— — Когда? Во время отчаянiя.
Остается еще третiе, находящееся въ матерiи понятiе, то есть,

Нещастный.

Равнымъ образомъ и къ нему будутъ присканы слѣдующiя мысли:

Подобнозначащія слова: Бѣдствующій, злополучный.
— Выраженія: гонимый, утѣсняемый судьбою.
Нарѣчія: невинно, внезапно.
Противныя понятія: благополучіе, благоденствіе.
Отвѣтъ на вопросъ, кто? Малодушный.
——Что? Плачетъ, ропщетъ.
——Гдѣ? въ обществѣ, въ семействѣ.
——Отъ чего? Отъ злобы и зависти другихъ, или отъ собственной неосторожности.
——Какъ? Такъ что лишается всего.
——Когда? Во время или юности, или мужества, или старости.

Правила изобрѣтенія для большихъ сочиненій, или Риторическія мѣста.

§ 10. Хотя показанныя правила изобрѣтенія могутъ произвести въ умѣ сочинителя довольно относящихся къ его матеріи мыслей: однако когда онъ располагается сочинить большое какое нибудь сочиненіе, то старается объять своимъ воображеніемъ все то, что только относится къ предмету его слова. Для сего онъ употребляетъ уже другія гораздо изобильнѣйшія правила изобрѣтенія, которыя из-

вѣстны у витій подъ общимъ названіемъ Риторическихъ мѣстъ, и всегда составляли важную часть науки краснорѣчія.

§ 11. Первое изъ сихъ Риторическихъ мѣстъ есть родъ и видъ. Родомъ называется такое приличное многимъ вещамъ свойство, которое бываетъ общимъ, или нарицательнымъ ихъ именемъ, а видами, тѣ вещи; *на прим. городъ есть родъ; напротивъ сего Москва, Тверъ, Псковъ, словомъ, всѣ тѣ селенія, которымъ прилично сіе имя, будутъ виды сего рода.* Превосходные витіи, приискавъ къ предмету слова его родъ, своимъ о немъ разсужденіемъ разпространяютъ сочиненіе. Разумноженіе сего рода у нихъ называется общими мѣстами; и по большой части составляя начало пространной рѣчи не чувствительно приготовляетъ читателя къ настоящему ея содержанію; когда же бываетъ употребляемо въ срединѣ оной, то отвлекая на время его вниманіе отъ матеріи слова, представляетъ ему пріятное нѣкоторое отдохновеніе. *Такъ на примѣръ Плиній, приступая къ похваламъ Императора Траяна,* Родъ. Примѣры.

*2

говоритъ вопервыхъ вообще о добродѣтельныхъ Государяхъ. Такъ другой писатель, намѣреваяся изобразить въ своей рѣчи пользу рѣкъ, начинаетъ ее тѣмъ, сколь важны для стройности міра отличныя произведенія Природы. Подобнымъ образомъ сочинитель Поемы, Гонзальвъ Кордуанскій, въ послѣдней пѣсни своего творенія, приступая къ описанію Героя, озабоченнаго нечаяннымъ отсутствіемъ своего друга, предварительно говоритъ о дружествѣ. Вотъ его слова:

Дщерь Неба, сокровище души, источникъ дражайшихъ нашихъ благъ, святое дружество, прииди украсить послѣднія строки моего труда; раствори конецъ моихъ повѣстей симъ прилѣпляющимъ пристрастіемъ, которое всегда увлекаетъ, и никогда не удивляетъ, которое стѣсняетъ сердце, не раздирая его, и исторгаетъ сладчайшія слезы, толь подобныя слезамъ любви! Что я говорю? Онѣ еще сладчае. Сія пылкая, страстная, способная ко всѣмъ усиліямъ любовь, сей кумиръ юношества, имѣетъ нужду въ покровѣ тайны. Ея служеніе

сколь ни не порочно, скрывается, убѣгаетъ взоровъ. Напротивъ сего дружество любитъ являть себя очамъ смертныхъ; будучи одарено такою же нѣжностїю, но обильнѣйшею бодростїю, не боится открыть имъ свои мученїя и наслажденїя, свои безпокойствїя и удовольствїя. Даже находитъ въ томъ приятность, и поставляетъ себѣ за славу обнаруживать оныя предъ людьми. Любовь стыдится быть открыта: дружество полагаетъ за честь служить примѣромъ.

§ 12. Что касается до видовъ, то сїе правило чрезвычайно можетъ обогатить мыслями сочиненїе, когда подлежащее, или сказуемое, матерїи будетъ родъ, и когда вмѣсто его изчислимъ тѣ виды, которые подъ нимъ заключаются. Но поелику большая часть нашихъ понятїй такаго рода, что мы представляемъ себѣ въ нихъ общїя многимъ вещамъ свойства: то нѣтъ почти ни одной матерїи, къ которой бы не можно было приискать по сему правилу великаго множества мыслей; такъ что даже иногда можно изъ нихъ составить цѣлое сочиненїе. По сей причинѣ всѣ Виды.

витіи и стихотворцы почти вездѣ разумножаютъ свои сочиненія почерпнутыми изъ сего источника мыслями. *На примѣръ, Цицеронъ, благодаря Сенаторамъ за возвращеніе его изъ изгнанія, вмѣсто того чтобы сказать, что сіе ихъ благодѣяніе велико, изчисляетъ содержащіеся подъ нимъ виды. Онъ говоритъ такъ.*

Примѣръ.

Вы возвратили мнѣ любезнѣйшаго брата, а меня дражайшему брату; нашимъ дѣтямъ родителей, а намъ дѣтей: вы возвратили мнѣ достоинство, степень, имѣніе, процвѣтающее государство, отечество, и наконецъ мнѣ меня самаго. Я обязанъ любовію къ своимъ родителямъ за то, что они даровали мнѣ жизнь, наслѣдство, гражданство; я обязанъ любовію къ безсмертнымъ богамъ, которыхъ благодѣтельная десница низлослала мнѣ всѣ сіи, и другія премногія щедроты; я обязанъ любовію къ Римскому народу, который возложивъ на меня свои чины, далъ мнѣ право быть въ семъ почтеннѣйшемъ сословіи, и возвелъ на высочайшую степень въ сей столицѣ вселенныя; я обязанъ любовію къ

вамъ, мои собратія, которые часто дѣлали мнѣ честь своими отличными о мнѣ опредѣленіями: но теперь вы, государи мои, изъ особенной своей ко мнѣ любви и благорасположенія вдругъ возвратили мнѣ все; благодѣянія родителей, щедроты боговъ, чины, данные Римскимъ народомъ, многократныя ваши о мнѣ опредѣленія.

Жизненныя свойства.

§ 13. Почти столько же изобильно то правило изобрѣтенія, которое г. Ломоносовъ называетъ жизненными свойствами. Однако оно можетъ быть полезно только въ такомъ случаѣ, когда предметомъ слова будетъ какое нибудь лице: поелику оно состоитъ въ подробномъ изчисленіи личныхъ какаго нибудь человѣка качествъ, то есть, свойственныхъ ему природныхъ какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ дарованій, отличительныхъ его страстей, склонностей, добродѣтелей, пороковъ, и важныхъ обстоятельствъ его состоянія. *Примѣромъ разумноженія отъ сего Риторическаго мѣста можетъ быть слѣдующее описаніе одного Гишпанскаго Героя.*

Величайшій изъ Гишпанцевъ, неустрашимѣйшій, ужаснѣйшій Гонзальвъ не достигъ еще двадцати-пяти-лѣтняго возраста; однако старые полководцы съ почтеніемъ съ нимъ совѣщаютъ. Страшная его рука не находила еще себѣ противника, могущаго удержать въ равновѣсіи побѣду; но достойныя любви его добродѣтели обожаемы были и отъ самыхъ непріятелей. Родившись въ Кордуѣ, онъ воспитанъ былъ между вѣчными войнами Гренады съ ея сосѣдами. Брани были его забавы, корысти Мавровъ его наслѣдіе. Съ самаго младенчества онъ умѣлъ побѣждать и нравиться. Расточительная для него Природа возхотѣла исполнить его своими дарами. Въ оружіи; чело украшенное шлемомъ, высокій его станъ, величественный видъ, сила выше человѣческой, бодрость выше его силы, содѣлываютъ его ужасомъ воиновъ: безъ оружія; его красота, приятность, проницательный и кроткій взоръ, черты, въ которыхъ, кажется, сливаются благородство и благосклонность склоняютъ, привлекаютъ сердца. Ревнующіе въ отдаленности отъ него соперники не смѣютъ быть таковыми въ его при-

сутствіи; и отчаяніе зависти перемѣняется въ нужду его любить.

§ 14. Когда предметомъ слова будетъ какая нибудь Физическая вещь, какъ на примѣръ городъ, островъ, зданіе и тому подобное: то сочинители изобрѣтаютъ мысли вопервыхъ отъ цѣлаго, то есть, отъ приличныхъ всему вообще оному предмету свойствъ, какъ то отъ его мѣста, величины, вида, и прочая: а потомъ еще болѣе размножаютъ свое сочиненіе, вычисляя важнѣйшія онаго цѣлаго части, и показывая при томъ, изъ чего каждая изъ нихъ составлена, и какія отличныя имѣетъ дѣйствія, обстоятельства, свойства, и тому подобное. *Такимъ образомъ Творецъ Генріады повѣствуя о пріѣздѣ Генриха въ Англію, говоритъ вопервыхъ о томъ, что при воззрѣніи на сей островъ представилося его Ирою относительно всей вообще Англіи. Вотъ его слова.* Цѣлое. Части. Примѣры.

Генрихъ, увидѣвъ Англію, въ тайнѣ удивляется щастливой перемѣнѣ сея державы. . . Ея жители позабыли прежнія свои потери; плодоносныя ихъ поля покрыты

стадами, нивы классами, моря кораблями. Они страшны на землѣ, властители на морѣ. Повелительный ихъ флотъ, которому, кажется, повинуется самъ Нептунъ, доставляетъ имъ изобиліе съ самыхъ предѣловъ вселенныя. Не устроенный до того времени Лондонъ содѣлался средоточіемъ художествъ, кладовою всего міра, и храмомъ Марса.

Напротивъ сего г. Ломоносовъ, описывая домъ Нептуна, съ отмѣнною красотою разумножаетъ сіе мѣсто своей Поемы, вычисляя части сего вымышленнаго зданія. Онъ, сказавши вопервыхъ о мѣстѣ, на которомъ оно было, потомъ продолжаетъ такъ.

Столпы вокругъ его — огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы.
Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучъ густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря;

Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи — подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни — покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ — жемчугами усыпанный янтарь.

§ 15. Не менѣе также сочинитель, говоря о какой нибудь физической вещи, можетъ быть изобиленъ посредствомъ изчисленія свойствъ, оной называемыхъ г. Ломоносовымъ матеріальными. Но чтобы сіе правило могло еще болѣе обогатить наше воображеніе; то весьма полезно, мысленно подвергать каждому особливо чувству предметъ изобрѣтенія, и замѣчать тѣ важныя его свойства, какія изъ нихъ въ немъ могли бы представиться, естьли бы онъ въ самомъ дѣлѣ имъ былъ подверженъ. Сверьхъ сего благоразумный сочинитель строго наблюдаетъ въ семъ случаѣ, чтобы изобрѣтенныя имъ свойства всѣ отвѣтствовали тому общему мнѣнію, какое онъ хочетъ преподать о предметѣ своего слова: такъ что когда онъ намѣренъ его предста- Матеріальныя свойства.

вить величественнымъ, то даетъ ему свойства важныя; когда красивымъ, то приятныя и привлекательныя; когда отвратительнымъ, то страшныя и гнусныя. *Такъ Творецъ Россіады описываетъ бывшій нѣкогда близъ Казани лѣсъ.*

Подъ тѣнію горы Казанской виденъ лѣсъ,
Въ который входу нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы темный сонъ;
Трелещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, біющеся о камень;

Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не слитъ;
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополы мастисты;
Повсюду слышатся взвыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ;
Онъ шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Не постижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ,
Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.

§ 16. Теперь слѣдуетъ такое правило изобрѣтенія, которое можетъ представить нашему воображенію чрезвычайное множество относящихся къ матеріи мыслей. Оно называется дѣйствіемъ и страданіемъ, и состоитъ въ изчисленіи тѣхъ перемѣнъ, какія предметъ нашего слова производитъ въ другихъ вещахъ, и обратно. Поелику нѣтъ ни одной въ природѣ вещи, которая бы не была подвержена симъ измѣненіямъ; то нѣтъ и ни одного предмета слова, о которомъ говоря не можно было бы разумножить сочи- Дѣйствіе и страданіе.

ненïе посредствомъ сего правила, показывая вмѣстѣ съ дѣйствïями и страданïями тѣ пособiя, орудiя и даже препятствiя, которыя участвуютъ въ оныхъ. *Такъ Г. Ломоносовъ въ своей Поемѣ изображаетъ Нептуна:*

Въ заливы, въ океанъ десницу простираетъ;
Сафирнымъ скипетромъ волнамъ повелѣваетъ.

Однако благоразумный читатель, не обольщаясь изобилïемъ мыслей, которыя онъ можетъ почерпнуть отъ дѣйствïй и страданïй, избираетъ изъ нихъ самыя важныя и знаменующiя состоянïе того лица или вещи, о которой предлагаетъ. *Такимъ образомъ говоритъ Виргилïй объ Еолѣ. (Енеи. кн. 1.). Здѣсь въ огромной пещерѣ царь Еолъ укрощаетъ силою своей власти буйные вѣтры и шумныя бури, и обуздываетъ ихъ наглости цѣпями и темницею. Между тѣмъ они изъявляя свое негодованïе великимъ шумомъ ревутъ въ ущелïяхъ горы. Но Еолъ, сидя на высокомъ мѣстѣ, скипетромъ своимъ усмиряетъ ихъ сердце, и умѣряетъ ихъ ярость.* Витiя также приводитъ такiя пок-

мо дѣйствія и страданія, которыя могутъ произвести въ читателѣ весьма живое изображеніе того предмета, къ которому онѣ относятся. *Такъ Цицеронъ говоритъ о Катилинѣ, изгнанномъ изъ Рима, и находящемся въ отчаяніи, что не могъ погубить своего отечества: лежитъ повергшися, Римляне, и часто изкосивъ глаза оглядывается на сей градъ, проливая слезы о томъ, что изторгли оный изъ его челюстей. Такъ Г. Ломоносовъ въ разговорѣ своемъ съ Анакреономъ, изобразивъ Россію въ видѣ величественной жены, оканчиваетъ ея описаніе:*

Великая, промолви, Мать,
И повели войнамъ престать.

Наконецъ о почерпнутыхъ изъ сего источника мысляхъ замѣтить полезно, что онѣ несравненно болѣе другихъ поражаютъ читателя; потому что какъ природа устроила насъ такимъ образомъ, что гораздо болѣе напечатлѣвается въ нашей душѣ то, что происходитъ въ нашихъ глазахъ, нежели то, о чемъ мы слышимъ; то искусный сочинитель, заставляя въ своемъ словѣ дѣйствовать и страдать лица или

вещи, дѣлаетъ читателя въ нѣкоромъ смыслѣ самовидцемъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе бываетъ примѣтно, что онъ повѣствуетъ. Отъ сего театральныя представленія болѣе, нежели самыя живыя о томъ же самомъ повѣствованія, дѣйствуютъ на насъ. По сей причинѣ всѣ витіи и стихотворцы, какъ бы не надѣяся довольно ясно представить изображаемую ими вещь посредствомъ разумноженія своего о ней слова приисканными по другимъ правиламъ мыслями, всегда, такъ сказать, одушевляютъ свои описанія показаніемъ ея дѣйствій и страданій. *На прим. не покажется ли всякому, что онъ видитъ оживотворенную Овидіемъ зависть, читая въ немъ* (*Превращ. кн. 2.*) *слѣдующее описаніе, въ которомъ изобразивъ ея отвратительное жилище, продолжаетъ такъ: когда пришла туда бранноносная Дѣва; то гнушаяся войти внутрь, остановилась предъ домомъ, и своимъ копьемъ толкнула въ двери, которыя отъ сего отворились. Минерва увидѣвъ, что зависть ѣстъ змїевъ, обыкновенную пищу своей злости отвращаетъ взоръ; но она лѣниво встаетъ съ земли, оста-*

вивъ до половины съѣденнаго змія, идетъ къ богинѣ медленными шагами, и узрѣвъ ея красоту и благообразное вооруженіе возстенала.

§ 17. Когда слово идетъ о бывшемъ въ природѣ, или въ человѣческомъ обществѣ произшествіи; то писатели весьма часто разумножаютъ свое сочиненіе изчисленіемъ относящихся къ нему обстоятельствъ, то есть, тѣхъ приключеній, изъ которыхъ иныя предшествовали, иныя случилися въ одно время, а иныя послѣдовали за онымъ произшествіемъ, и всѣ вообще имѣютъ нѣкоторую съ нимъ связь. *Творецъ Поемы, Чесмесскій бой, описывая морское сраженіе разумножаетъ сіе мѣсто своего сочиненія изчисленіемъ важнѣйшихъ онаго сраженія обстоятельствъ такъ:* Обстоятельства. Примѣръ.

Колико вижу тамъ въ сраженіи людей,
Толико видомъ зрю различныхъ тамъ смертей.
Иный узрѣлъ свою рѣшительну судьбину;
Онъ видитъ самъ себя едину половину;

Лишенъ обѣихъ ногъ еще онъ воз-
стаетъ:
Къ его спасенію текущимъ во-
піетъ:
Въ покоѣ умирать, друзья, меня
оставьте;
Не мнѣ, отечеству себя услугой
славьте.
Иный имѣючи разверсту раной
грудь,
Разитъ кругомъ враговъ, текущь
за смертью въ путь.
Иный уже покрытъ завѣсой смерт-
ной тѣни,
Съ оружіемъ въ рукахъ валится
на колѣни,
И ужасъ вкругъ его является
вотще;
Онъ за отечество сражается еще.
Иные сладости сна смертнаго
вкушаютъ,
И лицъ спокойствіемъ живущихъ
утѣшаютъ.
Иные на своихъ оружьяхъ онѣ-
мѣвъ,
Остаточный въ лицѣ изобража-
ютъ гнѣвъ.
Тотъ рану захватя единою рукою,
Разитъ своихъ враговъ, и мещетъ
громъ другою.
Иный со корабля чрезъ край без-
гласенъ палъ,

Явить, что смерти онъ шага не уступалъ.
Тамъ руки плаваютъ съ кровавыми мечами;
Котятся тамъ главы съ отверстыми очами,
Какъ будто съ тѣмъ они желали умереть,
Чтобъ имъ свирѣпу брань еще по смерти зрѣть.

§ 18. Чрезвычайно красиво разумножается еще сочиненіе посредствомъ изчисленія важнѣйшихъ происшествій и обстоятельствъ того времени, въ которое обыкновенно бываетъ, или случайно было то, что составляетъ предметъ нашего слова. *Такимъ образомъ говоритъ одинъ стихотворецъ о наступающей послѣ зимы веснѣ.* Время. Примѣры.

Свѣтящій солнцевъ конь
Уже не въ дальній югъ
Изъ рта пустилъ огонь,
Но въ нашъ полночный кругъ.
Уже не сносный хладъ
Съ полей не гонитъ стадъ;
Но травъ зеленый цвѣтъ
Къ себѣ пастись зоветъ.
По твердымъ водъ хребтамъ
Не вьется вихремъ снѣгъ;

Но тщится судна бѣгъ
Успѣть во слѣдъ волнамъ.

Мѣсто. § 19. Не менѣе также служитъ къ разумноженію сочиненія изчисленіе знатнѣйшихъ частей, свойствъ, окрестностей, и важнѣйшихъ произшествій того мѣста, на которомъ всегда находится, или по которому проходитъ бывающая содержаніемъ нашего слова вещь.

Примѣръ. *Такъ одинъ писатель, говоря о пользѣ на землѣ рѣкъ, разумножаетъ свое сочиненіе описаніемъ протекаемыхъ ими мѣстъ,*

Тамъ едва катятся, говоритъ онъ, по златовидному леску, или съ тихимъ журчаніемъ перебираяся по мѣлкимъ камнямъ, и какъ бы для большаго благотворенія то извиваясь излучистыми колѣнами, то раздѣляясь на многіе протоки, напаяютъ покрытые изумрудною зеленію и пурпуровыми цвѣтами луга, представляя въ одно время и злачную пажить, и чистѣйшую слезы влагу для утоленія жажды пасомымъ при нихъ веселымъ стадамъ. Здѣсь разлившись на далекое разстояніе отъ низкихъ своихъ береговъ, покрываютъ тучнымъ

иломъ плодоносныя поля, обѣщавая трудолюбивому земледѣлателю богатую жатву. То протекая мимо лѣсистыхъ холмовъ, и омывая корни столѣтняго дуба и тѣнистыя ивы, питаютъ и оживотворяютъ ихъ своими струями. То шумя между высокими утесистыми брегами, приемлютъ въ свои нѣдра вредныя плодородію земли, и ревущіе въ изрытыхъ ими рвахъ избытки вешнихъ снѣговъ и осеннихъ дождей. То при стремительномъ паденіи съ верьху исполинскихъ скалъ, раздробляясь на мѣлкія части, освѣщенныя разноцвѣтнымъ сіяніемъ безчисленныхъ радугъ, орошаютъ окрестныя поля, и прохлаждаютъ окружный горизонтъ.

§ 20. Часто служитъ еще къ разумноженію сочиненія подробное изчисленіе тѣхъ причинъ, отъ которыхъ производитъ предметъ нашего слова, ежели только въ произведеніи его участвуютъ многія вещи; но когда онъ зависитъ отъ одной только причины, въ такомъ случаѣ писатель разпространяетъ свое сочиненіе по большой части весьма живымъ изображеніемъ того способа, которымъ онъ отъ нее по- Причина дѣйствующая.

Примѣръ. лучаетъ свое бытіе. *Превосходный сего примѣръ видимъ у Г. Ломоносова въ его письмѣ о пользѣ стекла, гдѣ онъ такъ говоритъ о произхожденіи сего вещества.*

Съ натурой нѣкогда онъ (огонь) произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ;
Напрягся мышцами, и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.

Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь мнилъ, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ.
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь, и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ изъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.

§ 21. Не рѣдко также сочинитель изобрѣтаетъ не мало, и притомъ весьма зрѣлыхъ мыслей посредствомъ изчисленія тѣхъ причинъ, для которыхъ существуетъ и бываетъ въ природѣ, или въ человѣческихъ обществахъ предметъ его слова. *Такимъ образомъ писатель, который говоритъ о пользѣ рѣкъ на землѣ, разумножаетъ свое сочиненіе почерпнутыми изъ сего источника мыслями. Уничтоживъ ихъ, говоритъ онъ, на время въ своихъ мысляхъ, мы увидѣли бы повсемѣстное разстройство и всеоб-* Причина конечная. Примѣръ.

щїв недостатки; увидѣли бы вмѣсто сего прекраснаго и возхитительнаго жилища земнородныхъ однѣ безобразныя и пустыя степи. Естьли бы могли еще тогда на сей полусгорѣлой громадѣ земли родиться нѣкоторыя существа; то ихъ произхожденїе было бы сопредѣльно ихъ разрушенїю, или по малой мѣрѣ онѣ, продолжая томное и унылое бытїе, чахли бы всегда безъ сей естественной и необходимой для ихъ существованїя пищи. Съ другой стороны давно бы уже нѣдра земли не могли вмѣщать въ себѣ проникнувшей въ нихъ воды; когда бы изтекающїя изъ нихъ рѣки не уносили съ собою нарочитаго количества оной, дабы возвратить ее въ первобытное отечество. Уже давно бы гордые верьхи каменородныхъ горъ, будучи подмыты заключающимися въ ихъ хлябяхъ водами, лежали во мрачныхъ пропастяхъ; когда бы изъ твердыхъ ребръ ихъ излишнее оныхъ изобилїе не изливалося струями, крутящимися по ихъ утесамъ, и низпадающими въ долины. Уже давно бы сладкїя воды виликихъ озеръ превратилися въ смертоносную животнымъ и большей части растѣнїй отраву;

когда бы вливающіяся въ нихъ рѣки не сообщали имъ нѣкоторой части своихъ водъ и своего движенія; а изходящія изъ ихъ устъ не увлекали съ собою свойственныхъ онымъ тлетворныхъ частей.

§ 22. Чрезвычайно красиво иногда бываетъ разумножено сочиненіе отъ признаковъ, когда живо описавъ одинъ, или изчисливъ многіе означающіе предметъ слова признаки, тѣмъ самимъ изображаемъ его. *На примѣръ*: Признаки.

Вѣнчалась классами Церерина
глава,
И солнце въ небесахъ горѣло въ
знакѣ льва.

Не рѣдко отличительныя свойства, дѣйствія, обстоятельства, и проч. описуемой вещи бываютъ изчисляемы, какъ признаки оной. *На прим.*

Является вдали мнѣ Марсово
лице.
Конечно то Орловъ? Въ геройскомъ
онъ вѣнцѣ?
Спокойство на челѣ его изобра-
женно;
Но сердце храбростью и славою
разженно;

Перунъ въ его рукѣ, и кротость
во очахъ.
Се! другъ отечества, его злодѣевъ
страхъ.

Но еще пріятнѣе дѣлается слово, когда витія, представляя въ видѣ признаковъ избранныя дѣйствія, страданія, и проч. своего предмета, говоритъ о нихъ такъ, что сомнѣвается еще, точно ли ту, о которой онъ думаетъ, изображаютъ онѣ вещь. *На примѣръ:*

Не Сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
Въ Ирканскихъ жаждущихъ сте-
пяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ такъ взиралъ къ врагамъ ли-
цомъ,
Онъ такъ бросалъ за Белтъ свой
громъ,
Онъ сильну такъ взносилъ десницу,
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ взходящу къ намъ ден-
ницу.

Стихотворцы не рѣдко пользуются при семъ относящимися къ предмету ихъ слова даже самыми простонародными пророчествами, предзнаменованіями, и проч. *На прим.*

Родился Константинъ, родилась
и Елена;
Родились; и во свой со славой
внидутъ градъ.

§ 23. Не мало также служитъ къ изобилію мыслей и красотѣ сочиненія сличеніе относящихся къ предмету нашего слова обстоятельствъ, дѣйствій, частей, свойствъ и видовъ съ обстоятельствами, дѣйствіями, свойствами и видами противной оному вещи, или лица. *Г. Ломоносовъ такимъ образомъ разпространяется въ описаніи благоденствія Россіи. Другіе, говоритъ онъ, на дымящіяся развалины разоренныхъ отъ непріятеля своихъ градовъ со слезами взираютъ: но ты на возходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ, и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ: но ты единодушныхъ сыновъ общія всѣхъ матери согласнымъ подданствомъ украшаешся. Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія художествъ, отъ попранія земледѣльства наготу и алчбу претерпѣваютъ: но въ тебѣ* Противныя. Примѣръ.

купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатством торжища, возрастают науки и художества: и житницы твои преизобилуют. Иные хотя от военнаго шума и страха освободились, однако видят плачевные слѣды своих солостатов, и суровый оных вид ясно еще изображается в их мыслях; но тебя в безпрестанной тишинѣ покоющуюся ниже в сонных привидѣніях военные страхи не возмущают.

Подобіе.

§ 24. Въ числѣ источниковъ изобрѣтенія полагается еще подобіе. Оно состоитъ въ сличеніи предмета слова съ другою такою вещію, которая будучи совсемъ другаго рода, имѣетъ свойства и дѣйствія сходныя со свойствами и дѣйствіями онаго. Между тѣмъ нужно примѣтить, что сіе Риторическое мѣсто служитъ не столько къ размноженію, сколько къ украшенію слова; потому что хорошо избранное подобіе всегда показываетъ въ сочинителѣ остроту и пылкость воображенія. Впрочемъ оно имѣетъ три главныя совершенства: первое, когда въ немъ сличаемы будутъ такія вещи, которыя, судя по есте-

ственнымъ ихъ качествамъ и дѣйствіямъ, и по относительной ихъ важности въ разсужденіи другихъ однородныхъ съ ними вещей, одна другой взаимно отвѣтствуютъ; такъ что однѣ только ихъ наименованія предупреждаютъ уже читателя о ихъ сходствѣ; какъ на примѣръ сильная страсть и вихрь; краснорѣчивое слово и садъ; Исторія и зеркало: поелику хотя бы мы и не разумножали сличенія сихъ вещей; однако всякой видитъ уже изъ однѣхъ только ихъ именъ сходство оныхъ между собою. Во вторыхъ коль ни разительно будетъ сіе сходство; но естьли оно не имѣетъ достоинства новости, естьли многократно прежде уже было употребляемо другими писателями: то ничего чрезвычайнаго въ умѣ читателя произвести не можетъ. Наконецъ тѣмъ красивѣе бываетъ подобіе, чѣмъ болѣе сличаемыя въ немъ вещи будутъ имѣть сходныхъ между собою свойствъ, дѣйствій, обстоятельствъ, и прочая. *На прим. слѣдуя мыслями за теченіемъ великихъ на земной поверхности рѣкъ, не могу не вообразить себѣ человѣческой жизни. Тѣ, будучи маловодны у своихъ вершинъ,* Примѣръ.

въ продолженїемъ пути разширяются, углубляются и представляютъ нѣчто величественное: подобнымъ образомъ человѣкъ, едва только вышедшїй за предѣлы своего рожденїя, есть самое безсильное и не достаточное произведенїе природы, но съ теченїемъ лѣтъ разверзшїяся его способности и дарованїя дѣлаютъ его украшенїемъ естества. Знаменитыя рѣки, то извиваясь посреди прелестныхъ долинъ и луговъ, то продираясь между утесистыми скалами и дебристыми брегами, безпрестанно приближаются къ не обозримымъ предѣламъ океана: равномѣрно человѣкъ то препровождаетъ свои дни въ удовольствїяхъ и благоденствїи, то борется съ несщастїями и трудами; а между тѣмъ каждая минута его жизни есть ближайшїй къ вѣчности шагъ. Въ семъ подобїи не только жизнь человѣческая сличается съ теченїемъ рѣкъ: но рожденїе человѣка съ вершинами оныхъ, его безсилїе во время первыхъ лѣтъ съ маловодїемъ рѣкъ, когда онѣ находятся еще при своихъ источникахъ; благополучїе человѣческой жизни съ прелестными мѣстами, по которымъ онѣ протекаютъ; напротивъ сего нещастїя и труды съ ка-

менистыми и дебристыми оныхъ берегами; и наконецъ вѣчность съ океаномъ.

§ 25. Подобную красоту и пріятность даетъ сочиненію сравненіе той вещи, о которой идетъ слово, съ другою ей однородною въ какомъ нибудь имъ обѣимъ въ равномъ, или не равномъ степени приличномъ свойствѣ, или дѣйствіи. *Такъ Г. Ломоносовъ разумножаетъ и украшаетъ въ одномъ мѣстѣ свое похвальное Государю Императору ПЕТРУ I. слово. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятія отъ него Консульскаго достоинства, возгласилъ: тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе! Какія возклицанія, какіе плески ПЕТРУ Великому быть долженствовали для его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго.* Сравненіе Примѣръ.

§ 26. Не рѣдко также разумножается сочиненіе примѣромъ, то Примѣръ, (Ритори-

ческое мѣсто). есть, напоминовеніемъ извѣстнаго по Исторіи лица, или произшествія, въ которомъ самымъ дѣломъ совершилося то, о чемъ мы говоримъ. Красота и совершенство разумноженія сего рода кромѣ того, что было сказано о примѣрахъ въ параграфѣ второмъ, состоитъ еще въ томъ, чтобы витія, приводя примѣръ, не принялъ на себя должности Историка, повѣствуя пространно все, что относится къ оному. Напротивъ сего онъ долженъ въ примѣрѣ говорить только о томъ, какъ оный служитъ къ подтвержденію его слова, предоставляя собственному просвѣщенію читателя привести себѣ на память прочія относящіяся къ тому повѣствуемыя Исторіею подробности.

Примѣръ разумноженія посредствомъ его. *Вотъ какъ Г. Бордъ подтверждаетъ примѣрами, что не науки, а щастіе развращаетъ нравы. Персы, говоритъ онъ, съ такою же скоростію потеряли свои нравы, съ какою завоевали Азію. Скиѳы, хотя и позже, однако также развратилися. . . Слава Лакедемонянъ равномѣрно была не тверда; щастіе разстроило ихъ установленія, которыя сами по себѣ были столько странны, что не могли продолжаться долгое время.*

Ты въ слухъ, о ехо! всѣмъ кричишь изъ лѣсу: ахъ!
Когда я лишь тебѣ свой открываю страхъ.

§ 29. Приискавъ такимъ образомъ довольное количество близкихъ къ предмету слова мыслей, при употребленіи оныхъ въ сочиненіе прежде и болѣе всего должно наблюдать, чтобъ онѣ были справедливы, то есть, сходственны съ ихъ подлинниками. Сіе ихъ качество толь необходимо, что безъ него всѣ другія ихъ достоинства, сколько бы изящны ни были, остаются безъ всякаго успѣха. Ибо воображеніе размышляющаго читателя восхищается представленными ему изображеніями не прежде и не иначе, какъ сообразно тому, когда и сколько оными будетъ удовлетворенъ его разсудокъ. Но къ огорченію витіи онъ тотчасъ усматриваетъ сію важную погрѣшность, увѣряяся тѣмъ, естьли мысль писателя противорѣчитъ или здравому разуму, то есть, принятой всѣми и не оспоримой по себѣ самой какой нибудь истиннѣ, или опыту, то есть, основанному на не сомнѣнномъ дѣйствіи чувствъ познанію. Впрочемъ

О справедливости мыслей.

сильное желаніе изобрѣсти для украшенія сочиненія какую нибудь отличную мысль, соединившися съ пристрастіемъ къ собственному произведенію, вводятъ въ сію погрѣшность писателя, часто занимающагося единственно изяществомъ, и забывающаго вовсе о прочихъ совершенствахъ мыслей. *Для примѣра разсмотримъ слѣдующій стихъ:*

Victrix caussa Diis placuit, sed victa Catoni.

То есть: лбвѣдоносная сторона угодна была Богамъ, а побѣжденная Катону. Отважное сравненіе добродѣтельнаго Катона съ Богами поразитъ и восхититъ воображеніе, но токмо того, чей разсудокъ не замѣтитъ, что сдѣлать Катона добродѣтельнѣе Боговъ, есть понятіе, какое и самымъ язычникамъ стыдно имѣть о своихъ Богахъ. Есть однако средство такой мысли, которая, не взирая на недостатокъ справедливости, весьма нравится витіи, дать видъ истинны, изобразивъ ее такимъ выраженіемъ, которое показывало бы, что писатель не рѣшительно утверждаетъ оную. Сіе могутъ произвести приданныя къ

мысли слова: кажется, какъ бы, и проч. Правда, что сей образъ рѣчи можетъ много отнять у ней живости, и вмѣстѣ не нравиться самомнѣнію витіи; но въ награду за то сдѣлаетъ ее болѣе близкою къ истинной. *На примѣръ:*

Тамъ каждая волна казалася гора,
Что съ ревомъ падала, обрушась на ПЕТРА.

§ 30. Долгъ Витіи требуетъ, удовлетворяя нашему разсудку справедливостію мыслей, въ то же время пещися, чтобъ онѣ другими своими совершенствами могли пріятнымъ образомъ насъ занять. И такъ онъ зная, что одно любопытство, одна надежда, узнать что нибудь новое, заставляютъ насъ рѣшиться читать произведеніе словесности его, старается составить оное изъ мыслей новыхъ, то есть, такихъ, которыя прежде ни кѣмъ не были употреблены, но въ первый еще разъ имъ изобрѣтены. *На прим.*

О новости мыслей.

На саблю налетѣлъ тамъ воинъ мечъ имѣя,
И движется по ней, достигнуть до злодѣя.

Или: *Иль когда во полночь ясную,*

На лучѣ спустяся мѣсячномъ,
Ты проглянешъ сквозь окно мое.

Коль естественное достоинство и сильное средство къ успѣху витійственнаго слова составляетъ новость мыслей, сіе доказываютъ съ одной стороны примѣры лучшихъ писателей; отличающихся одинъ предъ другимъ изяществомъ мыслей собственнаго произведенія; а съ другой тѣ приятныя чувствія, какія мы имѣемъ всякой разъ, когда встрѣчаемъ въ сочиненіи что нибудь дотолѣ намъ не извѣстное, всегда находя въ такомъ случаѣ новое нѣкоторое наслажденіе. Узнаемъ ли какую либо сего рода мысль? Приобрѣтеніе оной увеселяетъ насъ, потому что ею разпространяемъ кругъ своего познанія. Производитъ ли витія въ насъ новое чувствованіе? Мы полагаемъ въ томъ приращеніе своего блаженства. Послѣ сего уже излишне говорить о томъ, что нѣтъ ничего противнѣе просвѣщенному читателю, какъ сочиненіе, составленное изъ мыслей уже давно извѣстныхъ, или такихъ, которыя всякой весьма посредственный писатель можетъ безъ труда изобрѣсти. Впрочемъ искусный со-

Спарта потеряла свои нравы, какъ и просвѣщенные Аѳины.

§ 27. Подобнымъ образомъ къ разумноженію, а не рѣдко и къ подтвержденію слова употребляется еще свидѣтельство, то есть, приводятся слова какаго нибудь извѣстнаго писателя, заключающія въ себѣ ту же самую мысль, которая бываетъ предметомъ слова. Часто также подобнаго содержанія изреченіе знаменитаго мужа, славная какая нибудь надпись, и даже самыя пословицы, служатъ вмѣсто свидѣтельства. Впрочемъ чѣмъ ближе оно къ той мысли, для разумноженія которой приводится, тѣмъ красивѣе. Въ противномъ случаѣ писатель присовокупляетъ къ нему свое изъясненіе, или истолкованіе онаго; дабы тѣмъ показать, что оно служитъ къ подтвержденію его мыслей. *Для примѣра я предложу здѣсь то мѣсто изъ Руссовой рѣчи, въ которомъ онъ употребляетъ разумноженіе сего рода. Правда, говоритъ онъ, что нѣсколько мудрецовъ противустали сему всеобщему стремленію, и въ самомъ жилищѣ Музъ избѣгли порока. Но послушаемъ, какое мнѣніе первѣйшій и нещастнѣйшій*

Свидѣтельство.

Примѣръ.

изъ нихъ имѣлъ объ ученыхъ и художникахъ, жившихъ въ одно съ нимъ время. Я разсматривалъ, говоритъ онъ, стихотворцевъ, и почитаю ихъ такими людьми, которыхъ дарованіе какъ ихъ самихъ, такъ и другихъ обманываетъ, которые представляютъ себя мудрецами, таковыми почитаются, но ни мало того не достойны. Наконецъ Руссо заключаетъ сіе свидѣтельство такъ: вотъ какъ Сократъ, разумнѣйшій изъ человѣковъ по сужденію Боговъ, и мужъ ученѣйшій изъ Аѳинянъ по мнѣнію цѣлой Греціи, похваляетъ невѣжество.

Имя.

§ 28. Теперь остается сказать, что сочинители, особливо стихотворцы, изобрѣтаютъ иногда мысли не отъ понятій, содержащихся подъ словами, но отъ самыхъ словъ; отъ чего и сіе Риторическое мѣсто называется именемъ. Сколько красивы и приятны бываютъ приисканныя отъ сего источника мысли, когда онѣ не только весьма близки къ предмету слова, но при томъ содержатъ въ себѣ острую замысловатость: столько скучны и даже отвратительны въ противномъ случаѣ: поелику онѣ тогда ничего

болѣе не заключаютъ въ себѣ кромѣ дѣтской игры словъ. Впрочемъ мысли отъ сего източника изобрѣтаются слѣдующими способами: 1) чрезъ переводъ по большой части собственнаго имени, когда оно будетъ слово иностранное; *на прим. ты еси Петръ, и на семъ камени созижду*, и проч. 2) чрезъ показаніе первообразнаго слова въ такомъ случаѣ, когда приискивается мысль къ слову производному; *на прим.* Примѣръ первый. — Второй.

Съ Орловымъ Росскіе орлы не побѣдимы.

3) Сложное слово раздѣляется на свои простыя слова, и каждое изъ нихъ принимается за приисканную отъ имени мысль; *на прим.* —Третій.

Богиней Сѣвера на свѣтъ рожденный градъ,

Екатерининой участникъ громкой славы.

4) Какъ есть реченія, которыя кромѣ того значенія, въ коемъ онѣ обыкновенно бываютъ употребляемы, имѣютъ еще другое, въ которомъ встрѣчаются не такъ часто; то такое реченіе, будучи принято въ семъ послѣднемъ знаменованіи, иногда составляетъ вмѣстѣ съ дру-

гими понятіями мысль, обыкновенному того реченія значенію соотвѣтственную; и есть тотъ видъ остроумія, который подъ Французскимъ именемъ équivoque употребителенъ въ загадкахъ, епиграммахъ, а всего болѣе въ нынѣшнихъ, особливо Италіанскихъ, операхъ и комедіяхъ. *Симъ образомъ изобрѣтены мысли, находящіяся въ слѣдующихъ стихахъ:*

— Четвертый.

Не правда, что стихи онъ не свои читаетъ:
Ужъ съ лишкомъ автору за нихъ онъ заплатилъ.

5) Составленное чрезъ преложеніе въ какомъ нибудь словѣ слоговъ или буквъ другое слово принимается также за изобрѣтенную отъ имени мысль; *на прим. воръ, ровъ; рогъ, горъ.* Сверхъ сего за приисканную отъ имени мысль почитается еще такое слово, которое дѣлается или 6) чрезъ прибавленіе, или 7) чрезъ убавленіе, или 8) чрезъ перемѣну слога, или нѣсколькихъ письменъ въ какомъ нибудь словѣ; *на прим. вой, свой; страхъ, ахъ; жрецъ, лжецъ.*

— Пятый.

Примѣры другихъ родовъ.

Изъ приисканныхъ симъ образомъ мыслей составлены слѣдующіе стихи:

нiи; но еще почитаетъ себя съ нѣкоторой стороны совмѣстникомъ витiи и соучастникомъ въ его произведенiи. Наставниковъ краснорѣчiя долгъ представить учащимся примѣры сего искуства изъ превосходныхъ писателей: и тѣмъ, которые получивъ отъ природы пылкое воображенiе, въ своихъ сочиненiяхъ весьма плодовиты, всегда напоминать, что во всемъ должно наблюдать умѣренность.

О ясности мыслей.

§ 34. Еще въ разсужденiи способа предлагать мысли достойно замѣчанiя, что не можетъ быть доволенъ читатель, когда онъ бываетъ принужденъ, такъ сказать, напрягать все свое вниманiе, чтобы выразумѣть сочинителя; а еще болѣе онъ огорчается, естьли все употребленное имъ усилiе останется безъ успѣха. Ибо ежели мы всегда говоримъ съ тѣмъ, чтобы сообщить что нибудь другимъ, и слѣдовательно чтобъ они поняли насъ: то по чему рѣчь витiи можетъ быть изключена изъ сего общаго правила человѣческаго слова? И такъ писать темно, изключая тѣ случаи, въ которыхъ сiе дѣлается съ особливымъ намѣренiемъ, на при-

мѣръ въ загадкахъ, всегда есть порокъ. А по сему благонамѣренный сочинитель при изложеніи своихъ мыслей никогда не опускаетъ изъ виду, чтобы всякой просвѣщенный человѣкъ безъ усильнаго вниманія могъ ихъ понимать. И какъ невразумительность слова со стороны мыслей произходитъ или отъ того, что тотъ, кто ихъ сообщаетъ, самъ представляетъ ихъ сбивчиво, и по сей причинѣ не въ состояніи предложить ихъ другому иначе, какъ темно и запутанно; или отъ того, что онъ не умѣлъ дать имъ надлежащаго порядка, и слѣдственно хорошей связи; или наконецъ отъ чрезмѣрной плодовитости, или отъ излишняго сокращенія оныхъ: то для соблюденія въ сочиненіи ясности требуется, 1) чтобы витія не прежде помѣщалъ въ свое слово всякую мысль, какъ уже тогда, когда она совершенно живо начертается въ его умѣ: тогда онъ не будетъ затрудняться приисканіемъ достаточныхъ и точныхъ для изображенія оной выраженій; онѣ родятся вмѣстѣ съ нею: 2) чтобъ онъ по долгомъ и зрѣломъ сличеніи и соображеніи мыслей, изъ коихъ намѣренъ составить нѣчто цѣлое,

не прежде размѣщалъ ихъ, какъ уже усмотрѣвъ, какой онѣ могутъ имѣть лучшій порядокъ, то есть, въ которомъ бы казалися естественными частями онаго цѣлаго; тогда всего легче будетъ ихъ соединить такъ, что онѣ составятъ нѣчто не прерывное: 3) чтобы сочинитель не опустилъ ничего, безъ чего мысль останется подобною тѣлу животнаго, лишенному какаго нибудь члена; и 4) слѣдовалъ бы пылкости своего воображенія съ тою умѣренностію, чтобъ излишнею плодовитостію не обременить напрасно вниманія читателя.

§ 35. Встрѣчаются въ сочиненіяхъ еще такія мысли, которыя сверхъ показанныхъ общихъ совершенствъ имѣютъ въ себѣ нѣчто изящное, чего нѣтъ въ мысляхъ обыкновенныхъ, и тѣмъ самымъ производятъ особенную нѣкоторую приятность въ витійственномъ словѣ. То, что въ нихъ составляетъ сіе изящное состоитъ 1) или въ какомъ нибудь не обыкновенномъ, не ожидаемомъ, и при томъ всегда остроумномъ соединеніи между собою понятій, составляющихъ такую мысль; 2) или въ томъ живомъ

Объ отличныхъ мысляхъ.

ческое мѣсто). есть, напоминовеніемъ извѣстнаго по Исторіи лица, или произшествія, въ которомъ самымъ дѣломъ совершилося то, о чемъ мы говоримъ. Красота и совершенство разумноженія сего рода кромѣ того, что было сказано о примѣрахъ въ параграфѣ второмъ, состоитъ еще въ томъ, чтобы витія, приводя примѣръ, не принялъ на себя должности Историка, повѣствуя пространно все, что относится къ оному. Напротивъ сего онъ долженъ въ примѣрѣ говорить только о томъ, какъ оный служитъ къ подтвержденію его слова, предоставляя собственному просвѣщенію читателя привести себѣ на память прочія относящіяся къ тому повѣствуемыя Исторіею подробности.

Примѣръ разумноженія посредствомъ его. *Вотъ какъ Г. Бордъ подтверждаетъ примѣрами, что не науки, а щастіе развращаетъ нравы. Персы, говоритъ онъ, съ такою же скоростію потеряли свои нравы, съ какою завоевали Азію. Скиѳы, хотя и позже, однако также развратилися. . . Слава Лакедемонянъ равномѣрно была не тверда; щастіе разстроило ихъ установленія, которыя сами по себѣ были столько странны, что не могли продолжаться долгое время.*

Ты въ слухъ, о ехо! всѣмъ кричишь изъ лѣсу: ахъ!
Когда я лишь тебѣ свой открываю страхъ.

§ 29. Приискавъ такимъ образомъ довольное количество близкихъ къ предмету слова мыслей, при употребленіи оныхъ въ сочиненіе прежде и болѣе всего должно наблюдать, чтобъ онѣ были справедливы, то есть, сходственны съ ихъ подлинниками. Сіе ихъ качество толь необходимо, что безъ него всѣ другія ихъ достоинства, сколько бы изящны ни были, остаются безъ всякаго успѣха. Ибо воображеніе размышляющаго читателя восхищается представленными ему изображеніями не прежде и не иначе, какъ сообразно тому, когда и сколько оными будетъ удовлетворенъ его разсудокъ. Но къ огорченію витіи онъ тотчасъ усматриваетъ сію важную погрѣшность, увѣряяся тѣмъ, естьли мысль писателя противорѣчитъ или здравому разуму, то есть, принятой всѣми и не оспоримой по себѣ самой какой нибудь истиннѣ, или опыту, то есть, основанному на не сомнѣнномъ дѣйствіи чувствъ познанію. Впрочемъ

О справедливости мыслей.

сильное желаніе изобрѣсти для украшенія сочиненія какую нибудь отличную мысль, соединившися съ пристрастіемъ къ собственному произведенію, вводятъ въ сію погрѣшность писателя, часто занимающагося единственно изяществомъ, и забывающаго вовсе о прочихъ совершенствахъ мыслей. *Для примѣра разсмотримъ слѣдующій стихъ:*

Victrix caussa Diis placuit, sed victa Catoni.

То есть: побѣдоносная сторона угодна была Богамъ, а побѣжденная Катону. Отважное сравненіе добродѣтельнаго Катона съ Богами поразитъ и восхититъ воображеніе, но токмо того, чей разсудокъ не замѣтитъ, что сдѣлать Катона добродѣтельнѣе Боговъ, есть понятіе, какое и самымъ язычникамъ стыдно имѣть о своихъ Богахъ. Есть однако средство такой мысли, которая, не взирая на недостатокъ справедливости, весьма нравится витіи, дать видъ истинны, изобразивъ ее такимъ выраженіемъ, которое показывало бы, что писатель не рѣшительно утверждаетъ оную. Сіе могутъ произвести приданныя къ

мысли слова: кажется, какъ бы, и проч. Правда, что сей образъ рѣчи можетъ много отнять у ней живости, и вмѣстѣ не нравиться самомнѣнію витіи; но въ награду за то сдѣлаетъ ее болѣе близкою къ истинной. *На примѣръ:*

Тамъ каждая волна казалася гора,
Что съ ревомъ падала, обрушась на ПЕТРА.

§ 30. Долгъ Витіи требуетъ, удовлетворяя нашему разсудку справедливостію мыслей, въ то же время пещися, чтобъ онѣ другими своими совершенствами могли пріятнымъ образомъ насъ занять. И такъ онъ зная, что одно любопытство, одна надежда, узнать что нибудь новое, заставляютъ насъ рѣшиться читать произведеніе словесности его, старается составить оное изъ мыслей новыхъ, то есть, такихъ, которыя прежде ни кѣмъ не были употреблены, но въ первый еще разъ имъ изобрѣтены. *На прим.*

О новости мыслей.

На саблю налетѣлъ тамъ воинъ мечь имѣя,
И движется по ней, достигнуть до злодѣя.

Или: *Иль когда во полночь ясную,*

На лучѣ спустяся мѣсячномъ,
Ты проглянешъ сквозь окно мое.

Коль естественное достоинство и сильное средство къ успѣху витійственнаго слова составляетъ новость мыслей, сіе доказываютъ съ одной стороны примѣры лучшихъ писателей; отличающихся одинъ предъ другимъ изяществомъ мыслей собственнаго произведенія; а съ другой тѣ приятныя чувствія, какія мы имѣемъ всякой разъ, когда встрѣчаемъ въ сочиненіи что нибудь дотолѣ намъ не извѣстное, всегда находя въ такомъ случаѣ новое нѣкоторое наслажденіе. Узнаемъ ли какую либо сего рода мысль? Приобрѣтеніе оной увеселяетъ насъ, потому что ею разпространяемъ кругъ своего познанія. Производитъ ли витія въ насъ новое чувствованіе? Мы полагаемъ въ томъ приращеніе своего блаженства. Послѣ сего уже излишне говорить о томъ, что нѣтъ ничего противнѣе просвѣщенному читателю, какъ сочиненіе, составленное изъ мыслей уже давно извѣстныхъ, или такихъ, которыя всякой весьма посредственный писатель можетъ безъ труда изобрѣсти. Впрочемъ искусный со-

Спарта потеряла свои нравы, какъ и просвѣщенные Аѳины.

§ 27. Подобнымъ образомъ къ разумноженію, а не рѣдко и къ подтвержденію слова употребляется еще свидѣтельство, то есть, приводятся слова какаго нибудь извѣстнаго писателя, заключающія въ себѣ ту же самую мысль, которая бываетъ предметомъ слова. Часто также подобнаго содержанія изреченіе знаменитаго мужа, славная какая нибудь надпись, и даже самыя пословицы, служатъ вмѣсто свидѣтельства. Впрочемъ чѣмъ ближе оно къ той мысли, для разумноженія которой приводится, тѣмъ красивѣе. Въ противномъ случаѣ писатель присовокупляетъ къ нему свое изъясненіе, или изтолкованіе онаго; дабы тѣмъ показать, что оно служитъ къ подтвержденію его мыслей. *Для примѣра я предложу здѣсь то мѣсто изъ Руссовой рѣчи, въ которомъ онъ употребляетъ разумноженіе сего рода. Правда, говоритъ онъ, что нѣсколько мудрецовъ противустали сему всеобщему стремленію, и въ самомъ жилищѣ Музъ избѣгли порока. Но послушаемъ, какое мнѣніе первѣйшій и нещастнѣйшій*

Свидѣтельство.

Примѣръ.

изъ нихъ имѣлъ объ ученыхъ и художникахъ, жившихъ въ одно съ нимъ время. Я разсматривалъ, говоритъ онъ, стихотворцевъ, и почитаю ихъ такими людьми, которыхъ дарованіе какъ ихъ самихъ, такъ и другихъ обманываетъ, которые представляютъ себя мудрецами, таковыми почитаются, но ни мало того не достойны. Наконецъ Руссо заключаетъ сіе свидѣтельство такъ: вотъ какъ Сократъ, разумнѣйшій изъ человѣковъ по сужденію Боговъ, и мужъ ученѣйшій изъ Аѳинянъ по мнѣнію цѣлой Греціи, похваляетъ невѣжество.

Имя. § 28. Теперь остается сказать, что сочинители, особливо стихотворцы, изобрѣтаютъ иногда мысли не отъ понятій, содержащихся подъ словами, но отъ самыхъ словъ; отъ чего и сіе Риторическое мѣсто называется именемъ. Сколько красивы и пріятны бываютъ приисканныя отъ сего источника мысли, когда онѣ не только весьма близки къ предмету слова, но при томъ содержатъ въ себѣ острую замысловатость: столько скучны и даже отвратительны въ противномъ случаѣ: поелику онѣ тогда ничего

болѣе не заключаютъ въ себѣ кромѣ дѣтской игры словъ. Впрочемъ мысли отъ сего източника изобрѣтаются слѣдующими способами: 1) чрезъ переводъ по большой части собственнаго имени, когда оно будетъ слово иностранное; *на прим.* *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду*, и проч. 2) чрезъ показаніе первообразнаго слова въ такомъ случаѣ, когда приискивается мысль къ слову производному; *на прим.* Примѣръ первый. — Второй.

Съ Орловымъ Россіе орлы не побѣдимы.

3) Сложное слово раздѣляется на свои простыя слова, и каждое изъ нихъ принимается за приисканную отъ имени мысль; *на прим.* —Третій.

Богиней Сѣвера на свѣтъ рожденный градъ,

Екатерининой участникъ громкой славы.

4) Какъ есть реченія, которыя кромѣ того значенія, въ коемъ онѣ обыкновенно бываютъ употребляемы, имѣютъ еще другое, въ которомъ встрѣчаются не такъ часто; то такое реченіе, будучи принято въ семъ послѣднемъ знаменованіи, иногда составляетъ вмѣстѣ съ дру-

гими понятіями мысль, обыкновенному того реченія значенію соотвѣтственную; и есть тотъ видъ остроумія, который подъ Французскимъ именемъ équivoque употребителенъ въ загадкахъ, епиграммахъ, а всего болѣе въ нынѣшнихъ, особливо Италіанскихъ, операхъ и комедіяхъ. *Симъ образомъ изобрѣтены мысли, находящіяся въ слѣдующихъ стихахъ:*

— Четвертый.

Не правда, что стихи онъ не свои читаетъ:
Ужъ съ лишкомъ автору за нихъ онъ заплатилъ.

5) Составленное чрезъ преложеніе въ какомъ нибудь словѣ слоговъ или буквъ другое слово принимается также за изобрѣтенную отъ имени мысль; *на прим. воръ, ровъ; рогъ, горъ.* Сверхъ сего за приисканную отъ имени мысль почитается еще такое слово, которое дѣлается или 6) чрезъ прибавленіе, или 7) чрезъ убавленіе, или 8) чрезъ перемѣну слога, или нѣсколькихъ письменъ въ какомъ нибудь словѣ; *на прим. вой, свой; страхъ, ахъ; жрецъ, лжецъ.*

— Пятый.

Примѣры другихъ родовъ.

Изъ приисканныхъ симъ образомъ мыслей составлены слѣдующіе стихи:

нiи; но еще почитаетъ себя съ нѣкоторой стороны совмѣстникомъ витiи и соучастникомъ въ его произведенiи. Наставниковъ краснорѣчiя долгъ представить учащимся примѣры сего искуства изъ превосходныхъ писателей: и тѣмъ, которые получивъ отъ природы пылкое воображенiе, въ своихъ сочиненiяхъ весьма плодовиты, всегда напоминать, что во всемъ должно наблюдать умѣренность.

§ 34. Еще въ разсужденiи способа предлагать мысли достойно замѣчанiя, что не можетъ быть доволенъ читатель, когда онъ бываетъ принужденъ, такъ сказать, напрягать все свое вниманiе, чтобы выразумѣть сочинителя; а еще болѣе онъ огорчается, естьли все употребленное имъ усилiе останется безъ успѣха. Ибо ежели мы всегда говоримъ съ тѣмъ, чтобы сообщить что нибудь другимъ, и слѣдовательно чтобъ они поняли насъ: то по чему рѣчь витiи можетъ быть изключена изъ сего общаго правила человѣческаго слова? И такъ писать темно, изключая тѣ случаи, въ которыхъ сiе дѣлается съ особливымъ намѣренiемъ, на при-

О ясности мыслей.

мѣръ въ загадкахъ, всегда есть порокъ. А по сему благонамѣренный сочинитель при изложеніи своихъ мыслей никогда не опускаетъ изъ виду, чтобы всякой просвѣщенный человѣкъ безъ усильнаго вниманія могъ ихъ понимать. И какъ невразумительность слова со стороны мыслей произходитъ или отъ того, что тотъ, кто ихъ сообщаетъ, самъ представляетъ ихъ сбивчиво, и по сей причинѣ не въ состояніи предложить ихъ другому иначе, какъ темно и запутанно; или отъ того, что онъ не умѣлъ дать имъ надлежащаго порядка, и слѣдственно хорошей связи; или наконецъ отъ чрезмѣрной плодовитости, или отъ излишняго сокращенія оныхъ: то для соблюденія въ сочиненіи ясности требуется, 1) чтобы витія не прежде помѣщалъ въ свое слово всякую мысль, какъ уже тогда, когда она совершенно живо начертается въ его умѣ: тогда онъ не будетъ затрудняться прискаиіемъ достаточныхъ и точныхъ для изображенія оной выраженій; онѣ родятся вмѣстѣ съ нею: 2) чтобъ онъ по долгомъ и зрѣломъ сличеніи и соображеніи мыслей, изъ коихъ намѣренъ составить нѣчто цѣлое,

не прежде размѣщалъ ихъ, какъ уже усмотрѣвъ, какой онѣ могутъ имѣть лучшій порядокъ, то есть, въ которомъ бы казалися естественными частями онаго цѣлаго; тогда всего легче будетъ ихъ соединить такъ, что онѣ составятъ нѣчто не прерывное: 3) чтобы сочинитель не опустилъ ничего, безъ чего мысль останется подобною тѣлу животнаго, лишенному какаго нибудь члена; и 4) слѣдовалъ бы пылкости своего воображенія съ тою умѣренностію, чтобъ излишнею плодовитостію не обременить напрасно вниманія читателя.

Объ отличныхъ мысляхъ.

§ 35. Встрѣчаются въ сочиненіяхъ еще такія мысли, которыя сверхъ показанныхъ общихъ совершенствъ имѣютъ въ себѣ нѣчто изящное, чего нѣтъ въ мысляхъ обыкновенныхъ, и тѣмъ самымъ производятъ особенную нѣкоторую пріятность въ витійственномъ словѣ. То, что въ нихъ составляетъ сіе изящное состоитъ 1) или въ какомъ нибудь не обыкновенномъ, не ожидаемомъ, и при томъ всегда остроумномъ соединеніи между собою понятій, составляющихъ такую мысль; 2) или въ томъ живомъ

изображеніи какаго нибудь предмета, какое родится токмо въ минуту самаго сильнаго восторга, произведеннаго онымъ предметомъ въ витіи. Сіи мысли, которыя Г. Ломоносовъ называетъ витіеватыми рѣчами, Французы les pensées brillantes, а Римляне называли acumina, назовемъ отличными; замѣтивъ при томъ о нихъ, 1) что послѣ остроумія или выразительности, въ чемъ состоитъ существенное ихъ достоинство, первое ихъ совершенство составляетъ естественность, то есть, когда онѣ чрезвычайно близки къ тому предмету, къ которому относятся, и когда произведены такимъ умомъ, которому по причинѣ природной его къ сему способности ничего не стоило ихъ изобрѣтеніе; такъ что кажутся родившимися сами собою безъ всякаго напряженія дарованій и искуства писателя: въ противномъ случаѣ когда примѣтно или сдѣланное витіею дарованіямъ своимъ насиліе, чтобъ ихъ изобрѣсти; или какое нибудь притворство; то совершенно теряютъ всю свою цѣну. 2) Какъ сего качества мысли составляютъ нѣчто избранное въ витійствѣ, и болѣе прочихъ поражаютъ

чинитель, долженъ будучи употребить иногда извѣстныя мысли, можетъ сдѣлать ихъ нѣкоторымъ образомъ новыми, изобразивши ихъ новыми и самимъ имъ изобрѣтенными выраженіями, содержащими въ себѣ или замысловатую какую нибудь фигуру, или выразительное описаніе, или отважную метафору, аллегорію, сравненіе, и прочая. *На прим. сочинителю надобно имѣть доброе, нѣжное сердце, естьли онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; естьли хочетъ, чтобъ его дарованія сіяли свѣтомъ немерцающимъ; естьли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ.*

О естественности мыслей.

§ 31. Послѣ новости естественность мыслей есть такое ихъ качество, которое весьма пріятно занимаетъ читателя. Она состоитъ въ томъ, когда составляющія слово витіи мысли толь существенно соединены съ предметомъ онаго, что не возможно, кажется, было мысливъ о немъ не вообразить ихъ, и говоря о немъ ихъ опустить; по чему съ перваго, какъ говорятъ, взгляду кажется, что всякой могъ бы ихъ изобрѣсти, предлагая о той

же матеріи; толь малаго труда по видимому стоило писателю ихъ приискать: но между тѣмъ по зрѣломъ всего соображеніи увидимъ, что ихъ изобрѣтеніе есть произведеніе нарочитаго размышленія, опытности и искуства въ краснорѣчіи. Предоставляя наставникамъ витійства при чтеніи съ учащимися лучшихъ писателей замѣчать въ нихъ и объяснять сіе изящное качество мыслей, для краткости *предлагаю здѣсь слѣдующій не большій примѣръ:*

И воромъ на судѣ изобличенный Вредовъ. . .
Уже боярамъ братъ, деревни покупаетъ;
И тѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,
Которыхъ по міру таскаться онъ пустилъ.

Коль великое достоинство сообщаетъ слову естественность мыслей, явствуетъ изъ того, что самыя лучшія мысли теряютъ у разсудительнаго читателя свою цѣну, даже кажутся ему не сносными; когда имѣютъ очень слабое отношеніе къ матеріи, или когда въ ихъ изобрѣтеніи видно чрезмѣрное напряженіе сочинителева воображенія.

О пристойности мыслей.

§ 32. Сверхъ показанныхъ совершенствъ мыслей успѣхъ витійственнаго произведенія весьма много зависитъ еще отъ того, что называется пристойностію мыслей, (la convenance des pensées). Она подобна тому, что мы, говоря объ одеждѣ, выражаемъ простыми словами, въ пору и къ лицу. Чтобы соблюсти ее, витія никогда не опускаетъ изъ виду главной цѣли своего слова, и рачительно наблюдаетъ, дабы мысли его соотвѣтствовали всѣмъ обстоятельствамъ, имѣющимъ втеченіе въ оную цѣль; соразмѣряетъ ихъ съ предметомъ своей рѣчи, съ состояніемъ слушающихъ и собственнымъ, съ мѣстомъ и случаемъ, гдѣ и когда онъ будетъ произносить свое слово, и проч. Иначе всякой разсудительный читатель справедливо огорчится, замѣтивъ, что сочинитель говоритъ забавнымъ образомъ, когда и предметъ его, и какъ состояніе, такъ и намѣреніе собранія, предъ которымъ онъ витійствуетъ, требуютъ отъ него всей важности; что онъ употребляетъ надутую плодовитость, гдѣ нужна сильная рѣчь; изъясняется равнодушно, гдѣ потребна пылкость и живость; мыс-

литъ подобно всякому, когда долженъ показать себя свѣдущимъ и опытнымъ человѣкомъ. Наставники краснорѣчія не оставятъ показать учащимся и сіе качество мыслей при чтеніи образцовыхъ твореній.

О благоразумномъ сокращеніи мыслей.

§ 33. Есть еще нѣкоторыя совершенства мыслей, которыя, говоря собственно, относятся болѣе къ тому способу, какимъ онѣ будутъ сообщаемы читателямъ. И вопервыхъ поелику говорить о предметѣ слова такъ, чтобы не опустить ничего, значитъ не довѣрять вниманію и разсудительности своихъ слушателей, а тѣмъ самимъ огорчать ихъ: то искусный витія свою мысль предлагаетъ такимъ образомъ, что многое къ ней относящееся, впрочемъ удобно внятное всякому размышляющему человѣку, предоставляетъ своему читателю, и чрезъ то удовлетворяя его любопытству, и угождая его самолюбію, успѣшнѣе достигаетъ своей цѣли: тѣмъ болѣе, что въ семъ случаѣ читатель, дополняя то, что опущено, не только возхищается, что онъ былъ въ состояніи показать свою способность на представленномъ ему, такъ сказать, испыта-

читателя; то не умѣренное ихъ употребленіе много отъемлетъ у нихъ той силы, какую они имѣютъ надъ умомъ или сердцемъ читателя, дѣлая одна другую уже не рѣдкостію; и при томъ каждая занимая собою не обыкновенно его воображеніе, утомляетъ оное, подобно самому пріятному аромату, котораго излишество тяготитъ и кружитъ нашу голову. 3) Чтобъ изобрѣтать всегда естественно мысли сего рода, надобно родиться съ предназначенными, такъ сказать, самою природою къ тому дарованіями: иначе онѣ будутъ показывать не остроту, но дѣтскую игру писателева ума. Между тѣмъ къ возбужденію и направленію естественныхъ къ тому способностей весьма много можетъ содѣйствовать чтеніе писателей изобильныхъ такими мыслями. Кому угодно видѣть предложенныя о ихъ изобрѣтеніи правила; тотъ можетъ ихъ найти въ 7й главѣ 1й части Ломоносовой Риторики. Здѣсь я покажу только замѣченные новѣйшими наставниками краснорѣчія различные роды сихъ мыслей.

§ 36. Первою изъ тѣхъ, которыя плѣняютъ насъ какимъ-то не- Объ острыхъ мысляхъ.

обыкновеннымъ совокупленіемъ понятій, можетъ почесться такъ называемая острая мысль (une pensée ingénieuse.) Въ ней бываютъ соединены такія понятія, кои будучи приняты въ естественномъ своемъ знаменованіи, въ которомъ онѣ по привычкѣ нашей тотчасъ намъ представляются, одно другому противорѣчатъ; но когда одному изъ нихъ дадимъ значеніе не собственное, то никакаго болѣе противорѣчія не остается. *Такъ говоритъ одинъ Россійскій сочинитель о наукахъ: съ вами я богатъ безъ богатства, не одинъ въ уединеніи. Изъ такихъ же мыслей составлена слѣдующая епиграмма:*

Угрюмъ и веселъ ты, несносенъ мнѣ и милъ;
Ни вмѣстѣ жить съ тобой, ни безъ тебя нѣтъ силъ.

Объ отважныхъ мысляхъ.

§ 37. Во вторыхъ къ сему роду мыслей относятся такъ называемыя мысли отважныя (les pensées hardies), которыя не только плѣняютъ, но даже удивляютъ тѣмъ, что въ нихъ соединены такія понятія, изъ которыхъ каждое ничего особеннаго въ себѣ не имѣетъ, но то ихъ взаимное отношеніе, на ос-

нованіи котораго совокупилъ ихъ между собою въ одной мысли витія, никому прежде не могло притти въ умъ; и потому представляется въ нихъ нѣчто странное и не слыханное. *На примѣръ:*

На многихъ раздѣлилъ Румянцовыхъ себя.

Или: *Съ пшеницею покой посѣянъ.*

§ 38. Сюда же принадлежатъ мысли тонкія (les pensées fines). Ихъ изящество состоитъ въ томъ, что подъ самою обыкновенною по видимому мыслію сочинитель подразумѣваетъ другую, которая составляетъ собственно то, что онъ хочетъ сообщить своимъ читателямъ, и которую впрочемъ понять не можно иначе, какъ употребивъ нѣкоторое размышленіе. Тонкая мысль подобна двуличной ткани, которая кажется съ начала одного цвѣту, но когда приметъ другое положеніе противъ лучей свѣта, тогда усматриваемъ въ ней другой, различный отъ перваго, цвѣтъ. *Вотъ не большой примѣръ тонкой мысли. Когда уже собралася публика видѣть въ первый разъ извѣстную Молїерову комедїю Тартюфъ, въ коей изображенъ былъ не*

съ хорошей стороны нравъ одного Президента; и когда сей узнавъ о томъ заблаговременно, упросилъ Короля, чтобы запрещено было играть сіе сочиненіе: то Молїеръ, вышедъ на сцену, объявилъ отказъ слѣдующею тонкою мыслїю: хотя назначено было сего дня представить Тартюфа; но Г. Президенту не угодно, чтобъ его играли. Образцемъ тонкихъ мыслей можетъ также быть предисловіе къ Жилблазовымъ похожденіямъ.

О простодушныхъ мысляхъ.

§ 39. Есть еще особливый родъ тонкихъ мыслей, въ которыхъ также подъ простою, кажется, мыслію сокрываетъ витія другую, составляющую истинное его намѣреніе; и въ которыхъ находится еще то особливое, что сія двузнаменательная мысль всегда имѣетъ съ предъидущими такую тѣсную связь, что безъ нихъ не можетъ быть понятна, и при томъ, кажется, естественнымъ ихъ слѣдствіемъ, такъ что по видимому для ея изобрѣтенія не нужно было сочинителю никакаго остроумія, и даже не было его намѣренія. Сего рода мысли можно назвать простодушными (les pensées naïves). *Такъ пишетъ Мар-*

ціалъ къ одному своему пріятелю передъ днемъ своего рожденія, въ которой Римляне, также какъ и мы, имѣли обыкновеніе посылать подарки своимъ друзьямъ. Вотъ Марціалова мысль: ты нѣсколько лѣтъ въ день моего рожденія всегда дарилъ меня серебромъ; за пять предъ симъ лѣтъ прислалъ его пять фунтовъ, за четыре меньше, за три еще меньше, а въ послѣдній уже весьма мало: и такъ надѣюсь, что нынѣшній годъ снова начнешъ тотъ же порядокъ.

О выразительныхъ мысляхъ.

§ 40. Къ тому роду отличныхъ мыслей, которыхъ изящество состоитъ въ живомъ изображеніи предмета, относятся мысли такъ называемыя выразительныя (les pensées vives). Я уже сказалъ, что онѣ суть какъ бы вдохновеніе, произведенное въ сочинителѣ тѣмъ сильнымъ восторгомъ, которымъ поразилъ его предметъ сей мысли. Остается здѣсь замѣтить, что такой восторгъ иногда занимаетъ собою нашъ умъ, а иногда имѣя отношеніе къ нашей нравственности происходитъ въ нашемъ сердцѣ. Рождающіяся въ первомъ случаѣ отличныя мысли суть собственно тѣ,

которыя называются выразительными. *На примѣръ:*

Хлещетъ пѣна о кремнистый брегъ.

Или: *И въ тотъ же мигъ смычокъ не видимый запѣлъ,*
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ наконецъ съ Вѣтраною заснулъ.

О сильныхъ мысляхъ.

§ 41. Ежели возторгъ, вдохнувшій сочинителю весьма живо изображеніе, которое онъ сообщаетъ намъ о предметѣ приведшемъ его въ возхищеніе, есть возторгъ болѣе сердца, нежели ума, то есть, такой, который большею частію своей силы дѣйствуетъ на нравственное разположеніе души писателя: то симъ способомъ родившаяся отличная мысль называется сильною (une pensée forte), отъ того что она глубоко впечатлѣвается также въ сердцѣ читателя. *На примѣръ:*

Изъ агнца какъ себя преобращу въ убійцу,
И кровожаждущу взмахну свою десницу,

Хотя и на врага отеческой стра-
нѣ,
Но на подобнаго сочеловѣка мнѣ.

Подобнымъ образомъ Оссïанъ говоритъ объ охотникѣ, который зайдетъ послушать его пѣнïя тогда, когда его уже не будетъ на свѣтѣ.

Звѣроловецъ хоть приближится,
Но увидитъ мою арфу лишь
На сучкѣ сухомъ висящую;
Онъ вздохнетъ и къ ней приближится,
Онъ приближится, слеза блеснетъ
На глазахъ его блуждающихъ
Вкругъ жилища Оссïанова
Опустѣвшаго, валящагось!

§ 42. Хотя каждая показанныхъ родовъ мысль отмѣнно украшаетъ сочиненïе; но онѣ еще болѣе возхищаютъ разумъ, или воображенïе, когда соединяютъ въ себѣ нѣсколько вдругъ оныхъ отличныхъ качествъ; то есть, когда на примѣръ острая мысль будетъ при томъ и сильная, или выразительная, или отважная, и проч. *Такое приятное смѣшенïе отличныхъ мыслей находится въ слѣдующемъ стихѣ:* Сïи отличныя качества иногда бываютъ въ одной мысли.

Я Богъ, я червь; я царь, я рабъ.

Объ искренности мыслей.

§ 43. Всѣ показанныя совершенства мыслей плѣняютъ, по крайней мѣрѣ, занимаютъ или разумъ, или воображенїе. Но сей возторгъ разума, или воображенія, продолжается не долго, и слабые оставляетъ въ душѣ читателя слѣды; естьли не поражается въ то же время его чувствительность. Когда же мысль писателя проницаетъ даже до нашего сердца? Когда въ ея произведеніи участвовало его собственное; когда внимательный слушатель или читатель изъ самаго творенія витіи замѣчаетъ, что онъ старается убѣдить насъ въ томъ, въ чемъ самъ дѣйствительно убѣжденъ, привести въ возторгъ тѣмъ, чѣмъ самъ уже возхищенъ; тронуть въ разсужденіи такаго предмета, которымъ самъ тронутъ до глубины сердца. Сіе согласованіе мыслей сочинителя съ собственными его чувствіями есть то качество оныхъ, которое извѣстно подъ именемъ искренности мыслей (naïveté), или чувствительнаго слога (du style sentimental). Самыя поразительныя въ лучшихъ писателяхъ мѣста суть тѣ, гдѣ къ прочимъ достоинствамъ мыслей присоединяется и сіе. Однако оно тогда только про-

изводитъ сіе дѣйствіе, когда само, будучи произведеніемъ естественной чувствительности, ни мало не будетъ отзываться ни притворствомъ, ни принужденностію, ни излишествомъ. Иначе оно сдѣлаетъ витію даже смѣшнымъ въ глазахъ благомыслящаго читателя, и помрачитъ блескъ изящныхъ впрочемъ мыслей. *Превосходнымъ примѣромъ и вмѣстѣ подтвержденіе мъ естественной искренности мыслей можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ Аглаи. Часть I. стр. 29.*

Ты хочешь быть Авторомъ: читай Исторїю нещастїй рода человѣческаго: и естьли сердце твое не обольется кровїю; оставь перо, или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей. Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру; можетъ питать въ себѣ оное святое, никакими сферами не ограниченное желанїе всеобщаго блага: тогда смѣло призывай Богинь Парнасскихъ: онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ Примѣръ.

твою смиренную хижину; ты не будешь безполезнымъ писателемъ, и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу. Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія, все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; естьли не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Объ искуствѣ витіи пользоваться знаніемъ нравовъ.

§ 44. Извѣстно изъ ежедневныхъ опытовъ, что съ нами почти все можетъ сдѣлать тотъ, кто умѣетъ пользоваться, какъ говорятъ, слабою нашею стороною; кто можетъ привести насъ въ такое состояніе, что мы бываемъ, говоря просто, сами не свои. Извѣстно также, что сіе, такъ сказать, потеряніе самихъ себя случается съ нами тогда, когда какъ бы читаютъ предъ нами то, что мы рачительно скрываемъ въ своемъ сердцѣ, думая, что ни кто не знаетъ того. Отъ сего витія весьма успѣшно достигаетъ цѣли своего слова, когда мысли его бываютъ почерпнуты изъ познанія человѣческихъ нравовъ; когда онъ въ нихъ явственно обнаруживаетъ сокровеннѣйшія

склонности, отвращенія, слабости, помыслы и движенія нашего сердца. Тогда его читатель или слушатель бываетъ подобенъ такому человѣку, предъ которымъ подробно и точно пересказываютъ то, что онъ почиталъ не извѣстнымъ никому. Тогда читатель, видя въ словѣ витіи самое вѣрное изображеніе своего сердца, бываетъ пораженъ какъ громомъ; и въ первомъ движеніи возторга, то есть, или наполняющаго всю его душу удовольствія, или совершенно обладающаго тогда имъ негодованія противъ самаго себя, дѣлается младенцемъ, удобопреклоннымъ ко всему, что ему предлагаютъ. Правда, что жизни человѣческой не достало бы на опытность, посредствомъ которой большею частію приобрѣтается то познаніе человѣческихъ нравовъ, которое нужно витіи; естьли бы надобно было знать свойства и склонности каждаго человѣка особливо; но ему довольно знать тѣ основанныя на природѣ, и слѣдственно никогда не измѣняемыя качества души, которыя свойственны каждому возрасту, состоянію жизни, роду воспитанія, и проч. *Слѣдующее описаніе честолюбія*

можетъ служить примѣромъ въ семъ случаѣ.

Примѣръ. *Честолюбецъ, говоритъ сочинитель (Массильонъ), ни чѣмъ не услаждается: ни своею славою, которую онъ всегда почитаетъ еще не достаточною; ни своими чинами, поелику онъ хочетъ еще болѣе возвыситься; ни своимъ благоденствїемъ, онъ сохнетъ и чахнетъ посреди изобилїя; ни воздаваемымъ ему почтенїемъ, оно превращается для него въ ядъ, какъ скоро вспомнитъ, что онъ самъ обязанъ воздавать его другимъ: ни благосклонностїю къ нему высшихъ, она не менѣе огорчаетъ его, какъ скоро онъ долженъ бываетъ раздѣлять ее со своими соучастниками: ни своимъ отдохновенїемъ, ибо онъ по мѣрѣ спокойствїя дѣлается болѣе нещастнымъ. Но сего мало; честолюбїе дѣлаетъ его еще низкимъ и гнуснымъ. Ибо сколько долженъ онъ употребить подлостей для достиженїя своего намѣренїя! Онъ долженъ казаться не такимъ, каковъ на самомъ дѣлѣ, но такимъ, какимъ хотятъ его видѣть. Онъ долженъ имѣть подлое ласкательство, дабы возжигать фимїамъ и боготворить того идола, котораго вну*

тренно презираетъ: долженъ имѣть подлое безстыдство, чтобъ быть въ состоянiи сносить отвращенiе, проглотить ядъ насмѣшничества, и почитать ихъ еще за милости: долженъ имѣть подлое притворство, чтобъ не имѣть собственныхъ своихъ чувствованiй, но мыслить всегда по образцу другихъ: долженъ имѣть подлую развратность нравовъ, чтобъ быть соучастникомъ, а иногда и исполнителемъ страстей того, отъ кого онъ зависитъ; чтобъ раздѣлять съ нимъ его распутство; дабы чрезъ то вѣрнѣе войти къ нему въ милости: наконецъ долженъ имѣть подлое лицемѣрiе, чтобъ показать иногда притворный видъ благонравiя, чтобъ представлять себя честнымъ человѣкомъ, дабы достигнуть своего намѣренiя.

Объ искуствѣ витiи пользоваться знанiемъ страстей.

§ 45. Витiя имѣетъ еще другой, и при томъ гораздо сильнѣйшiй способъ, пользуяся слабою читателя своего стороною, быть, такъ сказать, самовластнымъ повелителемъ его души. Извѣстно, что нѣтъ въ человѣкѣ ничего, естьли можно сказать такъ, удобораздражимѣе, какъ его самолюбiе; и что онъ никогда скорѣе и больше не выходитъ

изъ самаго себя, какъ когда оное до чрезмѣрности бываетъ или упоено удовольствіемъ, или чѣмъ нибудь огорчено. На семъ основаніи витія, чтобы торжествовать надъ своимъ читателемъ, искусно доводитъ его самолюбіе до изступленія, или угождая оному, или оскорбляя его чрезвычайно; то есть, или возбуждая, или истребляя въ душѣ своего читателя страсть. Опытъ тому свидѣтелемъ, что ни достовѣрныя доказательства, ни поразительные примѣры не имѣютъ столько силы надъ нашимъ сердцемъ, какъ сего рода какъ бы упоенія его; и что человѣкъ ни къ чему не бываетъ столько тогда расположенъ, какъ къ тому, что питаетъ пылающую въ немъ страсть, которая приводитъ въ совершенное недоумѣніе и разсѣяніе его разсудокъ, и чрезъ то противъ воли влечетъ его за собою. По сему хочетъ ли витія преклонить другаго къ какому нибудь предпріятію? Стоитъ только ему произвести въ немъ или любовь, или надежду, или другую способствующую его намѣренію страсть. Хочетъ ли отвратить его отъ чего нибудь? Безъ сомнѣнія успѣетъ, возбудивъ или ненависть, или

страхъ, или стыдъ, или гнѣвъ, и проч. Для сего всѣ великіе витіи имѣли глубокое познаніе человѣческихъ страстей. Для сего и здѣсь съ возможною краткостію о нихъ предлагается.

§ 46. И такъ истинный источникъ страстей есть врожденное всякому изъ насъ желаніе себѣ добра. Отъ сего обыкновенно происходитъ удовольствіе, которое мы чувствуемъ отъ того, что почитаемъ добромъ; и огорченіе отъ того, что намъ кажется зломъ. Сіе удовольствіе, и сіе огорченіе, иногда бываютъ столько чрезмѣрны, что приводятъ не только разсудокъ въ нѣкоторое какъ бы ослѣпленіе, но даже кровь и другія въ нашемъ тѣлѣ движущіяся жидкости въ не обыкновенно или скорое, или тихое движеніе, отъ чего почти во всемъ тѣлесномъ нашемъ составѣ, и особливо въ нѣкоторыхъ его членахъ, преимущественно же въ лицѣ происходятъ не обычайныя и весьма примѣтныя перемѣны. Сіи оба противныя между собою состоянія души и вмѣстѣ тѣла называются страстями; и перваго рода пріятными, а втораго скучными. Въ обоихъ слу- О страстяхъ вообще. Когда онѣ

бываютЪ весьма сильны? чаяхъ чѣмъ болѣе въ предметѣ нашей страсти будетъ такихъ качествъ, которыя приносятъ намъ или удовольствіе, или огорченіе; чѣмъ живѣе онѣ поражаютъ наши чувства, и чѣмъ разсѣяннѣе представляются въ умѣ: тѣмъ сильнѣе

Общій вЪ семЪ случаѣ ихЪ признакЪ. бываетъ страсть. При семъ достойно примѣчанія, что каждая изъ нихъ, будучи въ высочайшей степени, всегда почти обнаруживается слезами. И потому исторгнуть ихъ у слушателей, почитается верьховною похвалою витіи.

Различные виды страстей. § 47. Причины описаннаго удовольствія и отвращенія бываютъ различны; а отъ сего различны и самыя страсти.

Надежда. Когда съ нѣкоторымъ восторгомъ воображаете себѣ, что получите какое нибудь желаемое вами добро; сіе удовольствіе называется надеждою.

СтрахЪ. Въ противномъ же случаѣ когда съ огорченіемъ представляете себѣ, что вы должны претерпѣть какое нибудь зло, то сіе огорченіе есть страхъ.

Отчаяніе. Естьли зло, котораго опасаетеся, чрезвычайно, неминуемо, и вскорѣ должно совершиться; тогда страхъ превращается въ отчаяніе.

Радость. Представьте, что

вы получили желаемое вами, или иногда и ожиданное добро; слѣдующее за симъ удовольствіе есть радость. Напротивъ сего по совершеніи надъ вами предвидѣннаго или не предвидѣннаго зла обладающее душею огорченіе есть печаль. Со внутреннимъ возхищеніемъ представляете вы себѣ чьи нибудь совершенства; сіе возхищеніе есть любовь. Со внутреннимъ отвращеніемъ воображаете вы себѣ чьи нибудь несовершенства; сіе отвращеніе есть ненависть. Нещастіе ближняго васъ огорчаетъ; сіе огорченіе есть сожалѣніе. Когда же напротивъ сего огорчаетъ васъ благополучіе другаго; то сіе огорченіе есть зависть. Ежели со внутреннимъ прискорбіемъ видимъ, что другіе стараются получить, или уже и получили то добро, которое почитаемъ намъ принадлежащимъ; то сіе огорченіе, соединенное при томъ съ величайшимъ желаніемъ возпользоваться намъ самимъ онымъ добромъ, называется соревнованіемъ. Сдѣлавши какое нибудь доброе дѣло возхищаемся тѣмъ; сіе возхищеніе называется услажденіемъ совѣсти. Напротивъ сего за содѣланіемъ какаго нибудь зла, или порока слѣду-

Печаль. Любовь. Ненависть. Сожалѣніе. Зависть. Соревнованіе. Услажденіе совѣсти. Разкаяніе.

ющее огорченіе души есть разкаяніе. Хорошимъ о васъ мнѣніемъ других причиняемое вамъ удовольствіе называется любочестіемъ. Въ противномъ же случаѣ снѣдающее васъ прискорбіе есть стыдъ. Наконецъ гнѣвъ есть высочайшей степени огорченіе, произходящее отъ того, когда обижаютъ или насъ, или тѣхъ, которыхъ мы любимъ, и сопровождаемое обыкновенно ненавистію къ обидчику.

Любочестіе.

Стыдъ.

Гнѣвъ.

§ 48. Надежда, страхъ, радость и печаль весьма удобно рождаются въ людяхъ легкомысленныхъ и малоопытныхъ. Притомъ чѣмъ болѣе, и чѣмъ достовѣрнѣе желаемое нами добро, или предчувствуемое зло; тѣмъ сильнѣе бываютъ надежда и страхъ. Блѣдность лица, дрожаніе членовъ, слезы, кратковременное онѣмѣніе, боязливость, причиняемая почти всемъ, что ни встрѣчается, сопровождаютъ обыкновенно страхъ: но мертвенная бѣлизна лица, суровый и изступленный взоръ, глубокое молчаніе, прерываемое иногда неистовыми словами, помѣшательство ума, и даже самоубійство суть почти обыкновенные спутники отчаянія. Что ка-

Свойства и признаки Надежды и страха,

Отчаянія,

саетпся до радости и печали; то первая ищетъ сообщества, а вторая уединенія; первая многорѣчива, а вторая по большой части безмолвна; первая сопровождаетпся улыбкою и смѣхомъ, а вторая слезами, плачемъ, и жалобами. При томъ во время обѣихъ сихъ страстей толь сильное бываетъ иногда волненіе крови, что отъ того самая жизнь находится въ опасности: ибо сіи страсти подобно прочимъ имѣютъ свои степени по мѣрѣ того, чѣмъ важнѣе, и чѣмъ не ожиданнѣе ихъ предметъ. Радости и печали.

§ 49. Любовь, ненависть, зависть и соревнованіе суть страсти весьма продолжительныя. Первая изъ нихъ обыкновенно возрастаетъ, чѣмъ болѣе находитъ совершенствъ въ своемъ предметѣ; она всегда утѣшается и занимается его благополучіемъ, ищетъ съ нимъ быть вмѣстѣ; странныя и не рѣдко смѣшныя имѣетъ о немъ мнѣнія; часто терзается ревнивостію, подозрѣніями и кратковременнымъ разкаяніемъ; наконецъ при воззрѣніи на свой предметъ, или при его воспоминаніи обнаруживается вдругъ появившимся въ лицѣ румянцемъ, Свойства и признаки любви.

вздохами, сверкающими взорами, и не обыкновенными тѣлодвиженіями. Напротивъ сего ненависть и зависть рачительно стараются укрыться отъ взоровъ другихъ: однако не взирая на то, свойственное имъ обѣимъ презрѣніе своего предмета и злословіе, а въ разсужденіи зависти особенно всегдашнее внутреннее безпокойство, блѣдный, смѣшенный съ желтизною цвѣтъ лица, и тому подобное, даютъ всякому ихъ примѣтить. Соревнованіе свойственно людямъ благороднаго, или честолюбиваго духа. Чѣмъ важнѣе возхищаемое другими добро, и чѣмъ не достойнѣе они кажутся его; тѣмъ сильнѣе бываетъ сія страсть. Задумчивость, роптаніе, даже иногда слезы суть ея признаками. Сожалѣніе есть собственная, такъ сказать, мягкосердыхъ людей страсть. Вздохи и слезы обыкновенно его сопровождаютъ. Различныя обстоятельства нещастнаго, которыя увеличиваютъ претерпѣваемое имъ зло, бывшіе нѣкогда съ нами подобные сему случаи, сходство лѣтъ, состоянія, и тому подобное обыкновенно умножаютъ въ насъ сожалѣніе.

Ненависти и зависти,

Соревнованія,

Сожалѣнія.

§ 50. Услажденіе совѣсти весьма подобно радости, изключая, что оно не столько возмущаетъ разсудокъ и кровь, и не столько любитъ быть обнаруженнымъ, кромѣ людей склонныхъ къ самохвальству. Напротивъ сего разкаяніе должно почитать въ числѣ стремительныхъ страстей. Оно иногда превращается даже въ отчаяніе, и въ семъ случаѣ почти тѣ же имѣетъ свойства и признаки. Любочестіе есть страсть по большой части посредственная между радостію и услажденіемъ совѣсти; такъ что оно имѣетъ свойства и признаки обѣихъ сихъ страстей. Но стыдъ подобенъ страху; онъ заставляетъ удаляться людей; производитъ вдругъ въ лицѣ краску, потупленіе очей, нечаянное онѣмѣніе, и другія насильственныя перемѣны въ членахъ. При семъ рачительно должно примѣтить, что поелику различныя есть мнѣнія о томъ, что честно, и что безчестно; то по сему не рѣдко одинъ чувствуетъ стыдъ отъ того, что другой ставитъ себѣ въ честь. Наконецъ гнѣвъ есть самая стремительнѣйшая страсть. Никакая другая страсть, кромѣ отчаянія, не приводитъ въ такое замѣшательство

Свойства и признаки услажденія совѣсти,

Разкаянія,

Любочестія,

Стыда,

Гнѣвъ.

разсудка, и не производитъ въ тѣлѣ толь насильственныхъ перемѣнъ. Появляющаяся въ лицѣ то краска, то блѣдность, сверканіе очей, дрожаніе рукъ и ногъ, суровый видъ, страшный голосъ и крикъ, забвеніе благопристойности, и величайшая мстительность сопровождаютъ сію страсть. Первый ея жаръ называется вспыльчивостію, по прошествіи которой, въ случаѣ справедливой къ тому причины, остается только тайная къ отмщенію склонность; въ противномъ же случаѣ сія страсть вовсе изчезаетъ, и не рѣдко сама себѣ кажется достойною смѣха.

Вспыльчивость.

Правила, наблюдаемыя витіею предъ возбужденіемъ, или уничтоженіемъ страстей.

§ 51. Показанныя свойства страстей суть тѣ источники, изъ которыхъ благоразумный и опытный витія почерпаетъ естественныя и сильныя средства иногда возбудить, иногда истребить, иногда же ослабить въ сердцѣ слушателя каждую въ особенности страсть. На примѣръ онъ зная, что разнаго возраста, воспитанія, состоянія, различной чувствительности, и проч. людямъ свойственны разныя страсти, и притомъ въ разной степени; предварительно качество страсти, которую онъ предпола-

гаетъ возбудить или утолить, сличаетъ съ качествомъ души, въ коей онъ намѣренъ сіе произвести; и даже избранныя имъ къ тому средства соразмѣряетъ со степенемъ чувствительности оной. Между тѣмъ не менѣе также обращаетъ свое вниманіе и на самый предметъ возбуждаемой, или уничтожаемой страсти. Въ первомъ случаѣ онъ разсматриваетъ, есть ли вь ономъ, какія имянно, и сколько такихъ свойствъ, которыя способны внушить страсть: дабы искуству своему могъ дать все преимущество естественныхъ мыслей; и принужденнымъ въ противномъ случаѣ изъисканіемъ страстнаго (pathétique) тамъ, гдѣ сего нѣтъ, вмѣсто воспламененія не охладить другаго. А чтобъ увѣриться, имѣетъ ли предметъ возбуждаемой страсти такія свойства, которыя къ сему требуются; онъ можетъ судить по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя сей предметъ въ немъ самомъ произведетъ. Когда же витія предпринимаетъ изтребить, или по крайней мѣрѣ ослабить противную его намѣренію, дѣйствующую въ душѣ слушателя страсть, то долгъ благоразумія требуетъ

отъ него, прежде разсмотрѣть, дѣйствительно ли находятся въ предметѣ страсти тѣ качества, которыя родили и питаютъ ее; естьли есть, то сколько ихъ; въ самомъ ли дѣлѣ онѣ таковы, каки- ми кажутся тому, кто получилъ отъ нихъ страсть; наконецъ не имѣло ли участія въ произведеніи оной какое нибудь особливое об- стоятельство, и не продолжается ли еще оное.

Правила, наблюдаемыя витіею во время самаго возбужденія, или уничтоженія страстей.

§ 52. Что касается до искуства, потребнаго въ самомъ дѣйствіи какъ возбужденія, такъ и уничто- женія страстей: то первое въ семъ случаѣ правило благоразумія, спер- ва постепенно приближать рѣчь свою къ предмету страсти, и по- томъ уже начинать самое возбуж- деніе, или уничтоженіе оной: дабы тѣмъ съ большимъ успѣхомъ дѣй- ствовать въ сердцѣ слушателя, когда оно будетъ приготовлено къ тому. Примѣромъ сего служатъ театральныя представленія. Прав- да и съ самаго начала слова иногда употребляютъ такое витійство, какаго требуется уже для возбуж- денія или утоленія страстей: но сіе дѣлается только въ самыхъ не

обыкновенныхъ и не терпящихъ замедленія обстоятельствахъ; какъ поступилъ Цицеронъ въ первой своей рѣчи противъ Катилины. Послѣ сего приготовленія искусный витія вдругъ какъ громовая туча разрождается; онъ, такъ сказать, сыплетъ и расточаетъ все, что только предметъ возбуждаемой страсти имѣетъ разительнаго; и едва успѣетъ предложить одно такое онаго свойство, какъ на подобіе молніи переходитъ къ другому, отъ другаго къ третіему, и такъ далѣе, не давая времени слушателю обдумать и зрѣло разсмотрѣть все то; а чрезъ сіе приводитъ его вниманіе въ нѣкоторое изступленіе и замѣшательство. Не естественно, чтобы рѣчь витіи въ семъ случаѣ была обыкновенна. Напротивъ сего онъ употребляетъ выраженія, образы, украшенія — краткія, сильныя, рѣзкія, пылкія; однимъ словомъ, онъ говоритъ языкомъ человѣка не умствованіемъ руководимаго, но весьма живымъ чувствованіемъ вдохновеннаго. Тѣмъ же самымъ способомъ онъ успѣетъ истребить страсть, то есть, когда такимъ же краткимъ, но выразительнымъ и сильнымъ словомъ живописуетъ

всѣ находящіяся въ предметѣ уничтожаемой страсти, и служащія къ ея истребленію свойства; стараяся при томъ доказать, что или сей предметъ вовсе не имѣетъ питающихъ оную качествъ, или что онѣ не таковы, какими кажутся. При семъ полезно замѣтить, что какъ можно истребить вредную нашему намѣренію страсть посредствомъ возбужденія противной ей страсти; такъ и обратно произвести сію посредствомъ уничтоженія оной. Остается еще по расположенію наставниковъ краснорѣчія послѣднее, но по своему дѣйствію самое первое правило для успѣшнѣйшаго возбужденія страстей. Оно состоитъ въ томъ, чтобы витія самъ чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ умѣлъ показать, что онъ чувствуетъ то, что хочетъ возбудить въ другихъ. Самая большая часть людей въ не обыкновенныхъ и весьма трудныхъ обстоятельствахъ управляется примѣромъ того, кто доводитъ до оныхъ. Въ такомъ точно отношеніи бываютъ слушатели въ разсужденіи витіи, возпламеняющаго въ нихъ страсть. По сей причинѣ Горацій въ своемъ наставленіи сти-

хотворству: естьли хотите, говоритъ, произвести во мнѣ сожалѣніе, и исторгнуть у меня слезы, то пролейте ихъ сперва сами. Не возможно, скажутъ мнѣ, быть искренно тронуту тѣмъ, что не касается до насъ, и никакаго не имѣетъ втеченія въ наше состояніе. Напротивъ сего весьма возможно занять себя предметомъ возбуждаемой страсти столько, что онъ живѣйшимъ образомъ не токмо начертается въ нашемъ умѣ, но и напечатлѣется на нашемъ сердцѣ. Тогда мы забывъ, что онъ въ разсужденіи насъ есть постороннее обстоятельство, почитаемъ его какъ бы собственнымъ своимъ дѣломъ, а симъ способомъ и слушателю сообщимъ такое же относительно къ оному разположеніе духа. Сверьхъ сего во время такаго положенія витіи какъ бы безъ всякаго намѣренія его родятся самыя разительныя выраженія, самые яркіе цвѣты украшенія, кратко, самое сильное, но при всемъ томъ естественное витійство.

§ 53. Чтобъ имѣть примѣръ на показанныя правила, посмотримъ, какъ Цицеронъ, обвиняя Верреса, — Примѣръ возбужденія страстей.

правителя Сициліи, возбуждаетъ въ судіяхъ ненависть, изобразивъ со свойственнымъ великому витіи въ такомъ случаѣ искуствомъ самыя трогательныя и поразительныя обстоятельства Верресова поступка въ наказаніи Римскаго гражданина Гавія. Вотъ слова Цицероновы:

Посреди Мессинской площади сѣченъ былъ розгами Римскій гражданинъ; и между тѣмъ сей нещастный, при не сносной своей боли, при свистѣ ударовъ, никакаго болѣе не испускалъ жалобнаго крика, никакихъ не произносилъ словъ, кромѣ сихъ, я Римскій гражданинъ. Онъ думалъ, что напоминая о своемъ гражданствѣ прекратитъ всѣ истязанія, и отвратитъ отъ себя всѣ мученія. Однако не только не могъ чрезъ то избавиться отъ болѣзненныхъ ударовъ; но еще между тѣмъ, какъ онъ стеная повторялъ, что онъ гражданинъ, крестъ, крестъ, говорю, приготовляемъ былъ сему не щастливому страдальцу, который ни когда до того времени не видалъ толь не ограниченной власти. О сладкое вольности имя! О изящное право быть Римскимъ граж-

даниномъ! О Порцїевъ, о Семпронїевъ законы! О толико желанное и установленное нѣкогда для защищенїя правъ Римскаго народа могущество Трибуновъ! Все попрано даже до того, что Римскїй гражданинъ на площади союзнаго града всенародно былъ сѣченъ по приказанїю того, котораго тотъ же самый Римскїй народъ изъ единственнаго къ нему снисхожденїя почтилъ первостатейнымъ чиноначальствомъ..... Ты не можешь теперь отрицать, Верресъ, не боявшися прежде явно о семъ говорить, что ты нарочно приказалъ воздвигнуть на ономъ мѣстѣ лежащаго при проливѣ града помянутое орудїе казни, дабы тотъ, который называлъ себя Римскимъ гражданиномъ, могъ со креста устремить послѣднїе свои взоры на Италїю и на свой домъ. Сей крестъ есть первый, есть одинъ, который со времени самаго основанїя Мессины былъ поставленъ на ономъ мѣстѣ; а сїе мѣсто было избрано нарочно для того, дабы нещастный Гавїй при своей смерти могъ видѣть, что единый весьма узкїй проливъ отдѣляетъ рабство отъ свободы; и дабы Италїя со своей стороны увидѣ-

ла одного изъ своихъ жителей умирающаго отъ всевозможныхъ мученій, претерпѣваемыхъ отъ самовластія.

Другой примѣръ.

Подобный сему образецъ находится въ Волтеровой трагедіи, Китайской сирота. Дѣйст. II явл. 3.

Чингисъ по завоеваніи Китая истребилъ родъ Китайскихъ Императоровъ. Бывшій еще во младенчествѣ сынъ убіеннаго имъ Императора тайно былъ спасенъ Китайцами, и препорученъ одному чиновнику, по имени Замтію. Чингисъ, узнавъ о семъ, требовалъ, чтобъ онъ отдалъ ему сего младенца. Замтій, дабы сохранить сей ввѣренный ему залогъ, и вмѣстѣ исполнить Чингисово приказаніе, вознамѣрился отдать ему своего собственнаго сына, бывшаго такихъ же лѣтъ, назвавъ его Императорскимъ. Жена Замтіева, въ которую прежде влюбленнымъ представленъ у сочинителя Чингисъ, узнавъ о томъ, преклоняетъ своего супруга къ сожалѣнію слѣдующимъ образомъ.

Такъ! мы должны спасти оси-

ротѣвшаго младенца отъ кровожаждущаго побѣдителя: но должны сласти его не цѣною дѣтоубїйства; не жизнїю моего сына должны искупить его жизнь. Я не только не думаю его предать; но еще лечу подать ему помощь: меня снѣдаетъ участь его, участь твоя собственная, участь твоего невиннаго сына, участь любящей тебя его матери. Нѣтъ! Я болѣе уже не угрожаю; я упадаю къ твоимъ ногамъ. О нещастный отецъ! О любезный и жестокосердый супругъ, для котораго, естьли ты еще можетъ быть не забылъ, я презрила того, коего теперь судьба содѣлала твоимъ повелителемъ. Не отъемли у меня сего сына, не отъемли у меня сей крови, которую не порочнѣйшая любовь образовала въ моей утробѣ: не сопротивляйся сему ужасному и вмѣстѣ нѣжному гласу, которымъ она говоритъ въ твоемъ изступленномъ сердцѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О разположеніи, и о различныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій.

О разположеніи вообще.

§ 54. Самыя лучшія мысли, естьли будутъ предложены безъ надлежащаго разположенія, весьма много теряютъ своей цѣны, силы и совершенства. Такое сочиненіе подобно, не правильно и не выгодно устроенному зданію. Составляющія оное части кажутся принадлежащими не одному цѣлому; и сей недостатокъ связи показываетъ въ сочинителѣ недостатокъ разсудка и искуства. Напротивъ сего зрѣло обдуманное разположеніе, соединяя въ одинъ составъ все, что токмо сочинитель намѣренъ помѣстить въ своемъ словѣ, дѣлаетъ оное однимъ цѣлымъ, однимъ, такъ сказать, тѣломъ; такъ что слушатель, или читатель, безъ всякаго затрудненія можетъ непрерывно слѣдовать за сочинителемъ,

своимъ вниманіемъ отъ начала до конца его слова.

Оно состоитъ въ размѣщеніи и связи мыслей.

§ 55. Такое разположеніе сочиненія состоитъ вопервыхъ въ надлежащемъ размѣщеніи изобрѣтенныхъ къ матеріи мыслей, а вовторыхъ въ должной ихъ связи. Перваго рода искуство, предостерегая отъ не благоразумнаго и скучнаго иногда повторенія, даетъ каждой мысли приличное въ сочиненіи мѣсто; такъ что онѣ кажутся естественно рождающимися одна отъ другой. Впрочемъ въ мысляхъ, изъ которыхъ писатель намѣренъ составить свое сочиненіе, содержатся иногда слѣдующія одно за другимъ произшествія; иногда такіе предметы, изъ которыхъ по порядку одинъ за другимъ занимаютъ мѣсто, или одинъ другаго въ своемъ родѣ совершеннѣе. Благоразумный сочинитель, усмотрѣвъ такое взаимное отношеніе мыслей, сохранитъ его вездѣ, то есть, какъ въ составѣ цѣлаго слова, такъ и въ каждой онаго части. Сего рода размѣщеніе мыслей называется естественнымъ разположеніемъ. Въ другихъ же случаяхъ опытный витія въ размѣщеніи мыслей слѣдуетъ правиламъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

здраваго размышленія, то есть, такимъ образомъ разполагаетъ ихъ въ своемъ сочиненіи, что каждая изъ нихъ кажется слѣдствіемъ предъидущей. Такое разположеніе называется искуственнымъ.

О связы мыслей.

§ 56. Или размѣстивъ уже, или во время самаго размѣщенія мыслей должно ихъ связать между собою, то есть, соединить одну съ другою такимъ образомъ, чтобы нѣсколько относящихся къ одному содержанію простыхъ понятій, будучи поставлены соотвѣтственно взаимной ихъ зависимости въ разныхъ Грамматическихъ измѣненіяхъ, составляли полный Грамматическій смыслъ: потомъ нѣсколько также къ одному предмету относящихся смысловъ, будучи соединены между собою сообразно естественной, или искуственной ихъ связи, дѣлали одну полную рѣчь: наконецъ нѣсколько относящихся равномѣрно къ одному главному предмету, или содержанію слова, полныхъ рѣчей, будучи соединены между собою подобнымъ образомъ, составляли одно не прерывное слово, или сочиненіе.

О состав-

§ 57. Къ усмотрѣнію взаимной

леній Грамматическихъ смысловъ изъ присканныхъ къ матеріи мыслей.

зависимости изобрѣтенныхъ къ матеріи мыслей единственно служитъ при пособіи Умословія здравый разсудокъ; а къ соединенію ихъ въ одинъ смыслъ сверьхъ основательнаго знанія Грамматическихъ правилъ весьма много способствуетъ заблаговременный къ Грамматической и Риторической перемѣнамъ навыкъ. Перваго рода перемѣна есть искуство перемѣнять въ смыслѣ слова изъ одной части рѣчи въ другую, или изъ одного падежа въ другой, не перемѣняя содержанія смысла; перемѣна же Риторическая состоитъ въ искуствѣ употреблять вмѣсто собственныхъ и простыхъ не собственныя и иносказательныя выраженія безъ всякой также перемѣны мысли. При употребленіи той или другой перемѣны всегда дѣлаются нѣкоторые въ смыслѣ недостатки, которые пополняя, имѣемъ удобный случай сцѣпить съ соединенными уже между собою мыслями прочія, имѣющія съ ними связь, и къ тому же присканныя содержанію мысли.

О перемѣнѣ Грамматической.

— Риторической.

§ 58. Такая Грамматическая перемѣна будетъ сдѣлана, когда на мѣсто сего предложенія: *праздность*

Примѣръ Грамматической

перемѣны. *рождаетъ скуку:* сказано будетъ такъ: *праздность заставляетъ скучать;* или, *кто проводитъ свое время праздно, тотъ обыкновенно живетъ скучно;* или, *скученъ всегда тотъ, кто ведетъ праздную жизнь.* Равнымъ образомъ въ семъ предложеніи: *праздные люди склонны къ развратности:* можно перемѣнять именительный падежъ на другіе слѣдующимъ образомъ: *развратность есть почти всеобщее праздныхъ людей свойство;* или, *всѣмъ безъ изъятія празднымъ людямъ свойственно развращаться;* или, *празднаго человѣка все влечетъ къ разпутству;* или, *развратность обыкновенно обладаетъ праздными людьми;* или *въ праздномъ человѣкѣ всегда видна склонность къ развратности.* Грамматическая перемѣна состоитъ также и въ томъ, когда въ предложеніи глаголъ будетъ перемѣненъ или изъ одного залога въ другой, или изъ наклоненія въ другое наклоненіе. На примѣръ, вмѣсто сего предложенія: *любовь приобрѣтается честностію:* будетъ сказано такъ: *кто живетъ честно, тотъ приобрѣтаетъ любовь;* или, *чтобы снискать любовь, то должно во всемъ вести себя честно.*

Остается теперь показать примѣръ Риторической перемѣны. Возмемъ прежнее предложеніе: *праздные люди склонны къ развратности:* его можно выразить такимъ образомъ: *праздность есть преддверіе къ забавамъ, къ сладострастію, къ развратности:* или, *праздный человѣкъ скорѣе всякаго другаго предается забавамъ, послѣ забавъ сладострастіямъ, послѣ сладострастій разпутству всякаго рода.* — Риторической

§ 59. Такимъ образомъ на основаніи взаимной зависимости, при знаніи Грамматическихъ правилъ и перемѣнъ обоего рода соединены между собою изобрѣтенныя въ 9 § мысли. Матерія, къ которой онѣ тамъ были приисканы, есть слѣдующая: *соболѣзнованіе утѣшаетъ нещастнаго.* Примѣръ Грамматическаго смысла, сдѣланнаго изъ приисканныхъ къ матеріи мыслей.

Чувствительное, человѣколюбивое и исполненное истинною къ ближнему любовію сердце, особливо испытавшее нѣкогда надъ собою гоненія суровыя судьбы, сердце произаемое соболѣзнованіемъ даже до слезъ, даже до ненависти къ гонителю, при воззрѣніи на подобнаго себѣ, котораго безпокойная зависть и

ѣдкая злоба людей, или иногда и собственная своя неосмотрительность, лишивши всего, заставила вести въ обществѣ жизнь сопровождаемую безпрестаннымъ стенанїемъ, и не рѣдко малодушїемъ, роптанїемъ и даже отчаянїемъ; при воззрѣнїи на подобнаго себѣ невинно заключеннаго въ темницу, или лежащаго на смертномъ одрѣ посреди рыдающаго своего семейства, посреди цвѣтущїя юности, посреди лестныя надежды будущаго щастїя; при семъ жалостномъ, говорю, позорищѣ сострадательное сердце, жертвуя нещастному своимъ спокойствїемъ, напрягая всѣ свои силы подать ему возможную помощь, или по крайней мѣрѣ облегчить горесть его благоразумными совѣтами и убѣдительными примѣрами, приноситъ страждущему человѣчеству самую приятную жертву, изторгаетъ у него радостныя слезы, и рождаетъ въ немъ иногда сладкое забвенїе бѣдственной своей участи.

Нужно примѣтить, что весьма рѣдко бываютъ въ сочиненїяхъ такїе большїе смыслы; но здѣсь сдѣланъ единственно для примѣра,

какъ должно соединять изобрѣтенныя къ матеріи мысли въ одинъ смыслъ.

Другое правило о составленіи Грамматическихъ смысловъ.

§ 60. Узнавъ, какимъ образомъ соединяются между собою присканныя къ матеріи мысли, нужно еще узнать, что иногда изъ нихъ на основаніи показанныхъ правилъ составляется одинъ только Грамматическій смыслъ; и въ семъ случаѣ при соединеніи оныхъ наблюдается, дабы въ составленномъ изъ нихъ Грамматическомъ смыслѣ главное содержаніе, то есть, какъ подлежащее, такъ и сказуемое, были тѣ же самыя, изъ которыхъ состоитъ матерія сочиненія. Иногда же напротивъ сего дѣлается изъ нихъ нѣсколько соединенныхъ между собою, и составляющихъ одну полную рѣчь Грамматическихъ смысловъ; и тогда по большой части въ одномъ только изъ нихъ должно быть то же подлежащее и то же сказуемое, которыя въ матеріи; а другіе смыслы содержатъ въ себѣ или такую мысль, которая имѣя близкое отношеніе ко всей вообще матеріи, служитъ нѣкоторымъ къ ней приступомъ; или такую, которая имѣетъ связь съ одною только

частію другаго въ той же рѣчи находящагося Грамматическаго смысла.

Предложеніе Риторическое. —Основательное.

§ 61. Во всѣхъ показанныхъ случаяхъ каждый Грамматическій смыслъ, называется предложеніемъ Риторическимъ. Тотъ изъ нихъ, въ которомъ то же подлежащее, и то же сказуемое, которыя составляютъ матерію, называется предложеніемъ основательнымъ; напротивъ сего тотъ, который имѣетъ только связь или съ симъ основательнымъ, или съ цѣлымъ другимъ предложеніемъ, называется придаточнымъ: наконецъ такіе смыслы, которыхъ содержаніе имѣетъ видимую связь съ одною только частію другаго въ той же рѣчи находящагося предложенія, называются вложенными: поелику онѣ, всегда не посредственно слѣдуя за тою мыслію, съ которою явно соединяются, по большой части бываютъ въ срединѣ другаго смысла.

— Придаточное.

— Вложенное.

Что есть Періодъ?

§ 62. Теперь удобно можно понять, что такое Риторы называютъ періодомъ. Періодъ ихъ есть не что иное, какъ заключающая въ себѣ полное разсужденіе, и одно

главное содержаніе рѣчь, состоящая иногда изъ одного, иногда изъ нѣсколькихъ соединенныхъ между собою Риторическихъ предложеній, которыя всѣ бываютъ составлены изъ приисканныхъ къ оному главному содержанію, то есть къ матеріи, мыслей. Періодъ, который состоитъ только изъ основательнаго предложенія, хотя бы при томъ и было въ немъ еще предложеніе вложенное, называется простымъ или одночленнымъ: напротивъ сего когда въ немъ сверьхъ основательнаго будетъ еще одно, или нѣсколько предложеній придаточныхъ, то сложнымъ.

— Простый?

— Сложный?

§ 63. Витіи во всѣхъ сложныхъ періодахъ наблюдаютъ сіе благоразумное и во многихъ случаяхъ полезное правило, не предлагать вдругъ главнаго содержанія своего слова, но сперва приготовить къ тому слушателя какою нибудь постороннею, однако близкою къ ихъ предмету рѣчью. Сія часть сложнаго періода, въ которой сочинитель, не говоря о своей матеріи, предлагаетъ что нибудь такое, что имѣетъ къ ней отношеніе, и тѣмъ самимъ служитъ нѣко-

Сложный періодъ имѣетъ двѣ части; возвышеніе

торымъ къ ней приступомъ, называется въ Россійскихъ Риторикахъ возвышеніемъ, protasis: напротивъ сего та часть, въ которой онъ открываетъ слушателю главное содержаніе періода, пониженіемъ, apotasis. Судя по естественной связи, какую должны имѣть въ періодѣ обѣ сіи части, первая изъ нихъ всегда должна бы первое имѣть мѣсто: однако весьма часто она уступаетъ его второй. *На примѣръ*; *самолюбіе дѣлаетъ человѣка весьма смѣшнымъ*; (*вотъ пониженіе*); *когда оно далеко выходитъ за свои предѣлы.* (*Вотъ возвышеніе.*)

и пониженіе.

Общія о составленіи сложныхъ періодовъ правила.

§ 64. И такъ чтобы составить сложный періодъ, то витія долженъ вопервыхъ приискать такую близкую къ своей матеріи мысль, которая бы могла приготовить къ ней его слушателя, то есть, изъ которой бы онъ могъ составить возвышеніе; потомъ назначить сей части періода должное мѣсто, сообразуяся въ томъ или съ Риторическими о сложныхъ періодахъ правилами, которыя показаны будутъ ниже, или съ собственнымъ своимъ размышленіемъ; и наконецъ избрать соотвѣтствен-

ные сему размѣщенію и содержанію возвышенія союзы, которыми бы связать сію часть періода съ другою. Изъ сего видно, что сложные періоды бываютъ многихъ и различныхъ родовъ; и сіе единственно отъ того, что къ одной матеріи можно приискать нѣсколько различныхъ между собою мыслей, которыя будутъ имѣть съ нею связь, и могутъ служить къ ней приступомъ, то есть, изъ которыхъ можно составить возвышеніе періода.

Они бываютъ различныхъ родовъ.

§ 65. Первымъ изъ числа сложныхъ періодовъ полагается періодъ винословный. Въ немъ приискавъ къ матеріи причину, составляемъ изъ нее придаточное предложеніе, полагая оное иногда напереди, а иногда позади основательнаго; и въ первомъ случаѣ или никакаго не употребляемъ предъ нимъ союза, или полагаемъ союзъ, *поелику*; предъ основательнымъ же, то есть въ срединѣ періода, поставляемъ союзъ *то*: когда же напротивъ сего основательное предложеніе бываетъ напереди придаточнаго; то всегда токмо предъ симъ послѣднимъ или явно полагается, или подразумѣвается союзъ *ибо*, или ему подобный.

Періодъ винословный.

Примѣръ. *Симъ послѣднимъ образомъ составленъ слѣдующій періодъ. Просвѣщенные народы, занимайтеся науками: вы имъ одолжены тѣмъ нѣжнымъ и тонкимъ вкусомъ, которымъ вы гордитеся; тѣми вкрадчивыми свойствами, и тою вѣжливостїю нравовъ, которыя дѣлаютъ обращенїе ваше столь привлекательнымъ и столь вольнымъ.*

Періодъ сравнительный. § 66. Когда возвышенїе въ сложномъ періодѣ состоитъ изъ присканнаго къ матеріи подобія, или сравненія, или примѣра; то періодъ называется сравнительнымъ. Въ немъ придаточное предложенїе по большой части полагается напереди съ союзомъ *какъ*, или *сколько*; а предъ основательнымъ ставится отвѣтствующій союзъ *такъ*, или *столько*.

Примѣры. *На примѣръ: какъ получившій великую рану сперва отъ единаго къ ней прикосновенія врача содрогается, но потомъ помалу къ сему привыкаетъ, и наконецъ даже проситъ и желаетъ сего пособїя: такъ огорченный человѣкъ въ первыя минуты своей печали не терпитъ и не внемлетъ никакимъ утѣшенїямъ, но послѣ того самъ уже ихъ ищетъ, и наконецъ видя въ нихъ*

соболѣзнованіе и добродушіе ближняго совершенно успокоивается.

Въ семъ періодѣ возвышеніе состоитъ изъ подобія; а въ слѣдующемъ изъ сравненія. *Ежедневное возвышеніе и пониженіе водъ океана не съ большею точностію повинуется теченію свѣтила, озаряющаго насъ во время нощи; какъ участь нравовъ и честности подвержена успѣхамъ наукъ и художествъ.*

§ 67. Періодъ противоположительный есть тотъ, въ которомъ возвышеніе состоитъ изъ предложенія противнаго матеріи, то есть, такого, котораго подлежащее противно подлежащему матеріи, а сказуемое ея сказуемому. Сего рода придаточное предложеніе всегда поставляется напереди, и при томъ безъ всякаго союза; предъ основательнымъ же полагается союзъ *напротивъ сего*, или другой ему подобный. *На примѣръ*: *не только не имѣть належныхъ средствъ къ устроенію благоденствія, но даже не понимать его; не только не умѣть пользоваться богатыми произведеніями своего отечества, но даже стенать подъ бременемъ нуждъ и*

Періодъ противоположительный.

Примѣръ.

недостатковъ; есть обыкновенное состоянїе тѣхъ обществъ, которыя или отдаленность ихъ отъ просвѣщенныхъ народовъ, или безпрестанныя войны, или намѣренїе правителей заставляютъ быть вѣчно образцемъ невѣжества, и слѣдующей за нимъ грубости въ поведенiи, въ воспитанїи, во нравахъ, въ правленїи: напротивъ того благоустроенное состоянїе, удовлетворительные законы, извнѣ уваженїе, слава, внутри спокойствїе, изобилїе, суть естественные плоды тѣхъ отважныхъ трудовъ, которыми отличные умы, покоряя намѣренїю своему всѣ щастливыя обстоятельства, одобряя примѣромъ, совѣтами, наградою стараются озарить горизонтъ своего отечества небеснымъ свѣтомъ просвѣщенія.

Перїодъ уступительный.

§ 68 Перiодъ уступительный, или позволительный есть тотъ, въ которомъ возвышенie содержитъ въ себѣ возраженie, то есть, такую мысль, которая служитъ къ опровержению матерiи. Дайте матерiи совсемъ противное содержанie: то есть, естьли сказуемое въ ней понятie утвердительное, то поставите предъ нимъ отрица-

ніе; а естьли въ немъ что нибудь отрицается, то изключите отрицаніе: потомъ изобрѣтите такую мысль, которая бы могла сколько нибудь подтвердить превращенную вами въ противный видъ матерію. Сія причина будетъ возраженіемъ противъ истинной вашей матеріи; и изъ ней составляется возвышеніе, которое полагается иногда напереди, а иногда назади основательнаго предложенія съ союзомъ, *хотя*, или *правда*; предъ основательнымъ же въ семъ случая полагается союзъ *однако*: но когда имъ начинается періодъ, то никакаго предъ нимъ не употребляется союза. Между тѣмъ искусные писатели весьма рачительно наблюдаютъ, дабы какъ въ семъ періодѣ, такъ и въ прочихъ случаяхъ возраженіе не было сильнѣе отвѣта, который обыкновенно здѣсь содержится въ самой матеріи,

Примѣромъ можетъ быть слѣдующій періодъ. Частое и при томъ тѣсное обращеніе и вкрадчивые примѣры не рѣдко правда толь сильное имѣютъ во нравы наши вліяніе, что иныя, кажется, даютъ намъ склонности, иныя пристрастія: однако Примѣръ.

твердо впечатлѣнные на згибахъ сердца слѣды рачительнаго воспитанія ничемъ совершенно заглаждены быть не могутъ; и нѣтъ ни добродѣтели, ни порока, къ которымъ первыя побужденія не произтекали бы изъ сего всеобщаго источника человѣческихъ нравовъ.

Періодъ условный.

§ 69. Матеріею періода безъ сомнѣнія должна быть справедливая мысль; но бываютъ такія обстоятельства, въ которыхъ справедливость ея гораздо явственнѣе видна. Такое обстоятельство называется условіемъ; и изъ него обыкновенно составляется въ условномъ періодѣ возвышеніе, которымъ по произволенію или начинается, или оканчивается періодъ, и предъ которымъ въ обоихъ случаяхъ поставляется союзъ, *ежели*, *только бы*, или симъ подобный; предъ основательнымъ же, когда оно бываетъ позади, полагается союзъ, *то*; а когда напереди, то никакаго не бываетъ союза. Впрочемъ чтобы приискать къ матеріи показаннаго рода условіе; то поищите въ мысляхъ, не можетъ ли она быть когда нибудь ложною. Сыскавши такой случай, дайте ему противный

видъ, то есть, когда въ немъ сказуемое будетъ съ отрицаніемъ, то поставьте его безъ отрицанія, и напротивъ. Такое приисканное, и превращенное въ противный видъ обстоятельство будетъ въ разсужденіи матеріи условіемъ.

Примѣръ.

Такимъ образомъ составленъ слѣдующій періодъ. Ежели предпринимаешь такое дѣло, которое ни само по себѣ, ни по стеченію какихъ либо обстоятельствъ не будетъ изъ числа не возможныхъ; то будь увѣренъ, что употребивши въ немъ должное прилѣжаніе всегда достигнешь до вожделѣнной тобою цѣли, не взирая на всѣ препятствія и неудобства.

Періодъ изъяснительный.

§ 70. Сказуемымъ матеріи обыкновенно бываетъ какое нибудь отрицаемое, или приписуемое подлежащему оной свойство, или дѣйствіе. То и другое имѣетъ свои степени, и бываетъ иногда виднѣе, превосходнѣе, или сильнѣе, нежели въ другихъ случаяхъ. Когда приискавши къ матеріи такое обстоятельство, въ которомъ сказуемое оной представляется въ самой высокой степени своего совершенства, составите изъ него возвыше-

ніе; то сдѣлаете періодъ изъяснительный. Въ немъ основательное предложеніе по большой части становится напереди, и безъ всякаго союза, предъ возвышеніемъ же полагается союзъ, *такъ что*. Когда же сею частію начинается періодъ, то предъ нею также никакаго не бываетъ союза; основательное только предложеніе начинается союзомъ, *столько*, или другимъ ему подобнымъ.

Примѣры. *Слѣдующій періодъ можетъ быть примѣромъ сихъ правилъ. Уста истиннаго витіи суть органъ вѣщающей къ смертнымъ премудрости, и каждое изходящее изъ нихъ слово есть пламенная стрѣла, проницающая человѣческое сердце; такъ что сіе естественное волщебство не рѣдко располагало, и располагаетъ мыслями и судьбою цѣлыхъ народовъ, народовъ просвѣщенныхъ, побѣдоносныхъ, надменныхъ своею славою, завоеваніями, законами; не рѣдко оно замѣняетъ многочисленныя войска.*

Вотъ другой періодъ, въ которомъ, возвышеніе напереди. Уже давно я не принимался за книгу, за

перо; уже давно не знаю, что есть отдохновеніе, успокоеніе, и оное бездѣйственное, однако приятное состояніе, ничего не дѣлать, ничего не знать: столь много я занятъ дѣлами друзей, которыя не позволяютъ мнѣ удалиться въ свои деревни, и предаться упражненію въ наукахъ.

§ 71. Бываетъ, что возвышеніе сложнаго періода состоитъ изъ такаго содержанія, въ которомъ разумножено подлежащее матеріи; а пониженіе содержитъ съ себѣ разумноженіе сказуемаго оной; и обѣ сіи части, изъ которыхъ первою почти всегда начинается періодъ, бываютъ соединены такъ, что предъ возвышеніемъ будетъ поставлено одно изъ слѣдующихъ словъ, *кто, чѣмъ, болѣе, доколѣ*, или имъ подобное; а предъ пониженіемъ или *тотъ* или *тѣмъ болѣе*, или *дотолѣ*, и проч. Сей періодъ называется относительнымъ. Періодъ относительный.

Такой періодъ есть слѣдующій. Кто хотя съ посредственнымъ вниманіемъ войдетъ размышленіемъ своимъ въ порядокъ, стройность и взаимныя отношенія не только Примѣръ.

превышающихъ все наше удивленіе своею огромностію, но и самыхъ малыхъ частей міра сего: тотъ безъ сомнѣнія долженъ будетъ признаться во глубинѣ своего сердца, что сіе столь величественное произведеніе есть гласъ, возвѣщающій не мнимую силу вымышленной природы, но безпредѣльное всемогущество и премудрость верьховнаго Виновника всѣхъ видимыхъ и не видимыхъ нами вещей.

Періодъ соединительный.

§ 72. Въ періодѣ соединительномъ возвышеніе состоитъ изъ такаго предложенія, которое одного почти бываетъ содержанія съ матеріею; а въ Историческихъ повѣствованіяхъ оно содержитъ въ себѣ подобное матеріи произшествіе: однако когда содержаніе возвышенія будетъ маловажнѣе въ сравненіи съ матеріею, то оно полагается напереди съ союзомъ, *не только*, а въ пониженіи употребляется отвѣтствующій союзъ, *но еще:* но когда какъ возвышеніе, такъ и пониженіе будутъ состоять изъ такихъ мыслей, которыя равной между собою важности; то послѣднее всегда полагается напереди, а первое слѣдуетъ за нимъ съ союзомъ *и*.

Образцемъ періода сего рода можетъ бьтъ слѣдующій періодъ. Не большая толпа бѣдныхъ горныхъ жителей, полагавшихъ все свое любостяжаніе въ нѣсколькихъ кожахъ животныхъ, не только усмирила гордость Австрійцевъ, но и поразила смертельнымъ ударомъ тотъ богатый и страшный домъ Бургонскій, котораго всѣ Европейскіе Самодержцы трепетали. Примѣры.

Вотъ другаго рода періодъ соединительный. Въ политикѣ, равно какъ и въ нравоученіи не дѣлать добра называется великимъ зломъ; и каждый безполезный гражданинъ долженъ быть почтенъ вреднымъ человѣкомъ.

§ 73. Когда возвышеніе періода состоитъ изъ такаго предъидущаго обстоятельства, которое относится какъ къ подлежащему, такъ равно и къ сказуемому оной: то періодъ называется послѣдовательнымъ. Въ немъ возвышеніе по большой части бываетъ напереди съ союзомъ *когда*, или *какъ скоро;* а пониженіе въ семъ случаѣ начинается союзомъ *то*; когда же сею последнею частію начинается періодъ, Періодъ послѣдовательный.

то оно безъ всякаго поставляется союза.

Примѣръ. *Примѣромъ можетъ быть слѣдующій періодъ. Когда благоразумный трудолюбецъ, предпринимая многотрудное и долговременное какое либо дѣло, разсмотритъ его обстоятельно, измѣритъ свои силы и способности, предусмотритъ всѣ могущія случиться препятствія, и предуготовитъ надежныя къ ихъ отвращенію средства: то не возможно, чтобъ его не дремленное раченіе не достигло благоуспѣшнаго окончанія.*

Періодъ постепенный. § 74. Періодъ постепенный тѣмъ отличается отъ всѣхъ прочихъ періодовъ, что въ немъ возвышеніе состоитъ не изъ одного, но всегда изъ нѣсколькихъ придаточныхъ предложеній, изъ которыхъ каждое содержитъ въ себѣ показаннаго въ высшемъ §. рода предъидущее обстоятельство, съ тѣмъ однако различіемъ, что оныя обстоятельства должны быть не современны, но слѣдующія въ періодѣ одно за другимъ произшествія, которыхъ связь кончится тѣмъ, что составляетъ содержаніе матеріи. Всѣ сіи при-

датопчныя предложенія не только всегда бываютъ напереди основательнаго, но еще поставляются въ такомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ одно за другимъ содержащіяся въ нихъ обстоятельства. Первое изъ нихъ имѣетъ союзъ *вопервыхъ*, второе, *потомъ*, третіе, ежели есть, начинается союзомъ *послѣ сего*, и такъ далѣе; а основательное, будучи всегда послѣднимъ, имѣетъ союзъ *наконецъ*.

Примѣръ.

Образцемъ сего можетъ быть слѣдующій періодъ: Первыя лѣта человѣческой жизни, при необходимой зависимости отъ другихъ, обыкновенно протекаютъ во мракѣ невѣдѣнія; потомъ разверзающіяся душевныя способности мало помалу вводятъ его въ познаніе какъ самаго себя, такъ и окружающихъ его вещей; по мѣрѣ сего просвѣщенія онъ узнаетъ щастіе, выгоды и пріятности жизни; съ сего времени начинаются безпрестанныя движенія и многоразличныя усилія ума и тѣла для пріобрѣтенія желаемыхъ благъ; но наконецъ между тѣмъ какъ человѣкъ утопаетъ въ безднѣ своихъ замысловъ, смерть, сей естественный предѣлъ всего, что сотворено, вдругъ

пресѣкаетъ всѣ его помышленія, предпріятія и заботы.

Періодъ раздѣлительный. § 75. Въ раздѣлительномъ періодѣ возвышеніе содержитъ въ себѣ такую мысль, которая, противорѣча матеріи, тогда токмо можетъ быть принята, когда бы не справедлива была матерія. Удобно можно приискать такую мысль, когда давъ матеріи противный видъ, какъ показано въ § 104. выведемъ изъ нее слѣдствіе, которое всегда будетъ противорѣчить содержанію оной. Изъ сего слѣдствія составленное предложеніе придаточное всегда полагается напереди; и какъ то, такъ и другое начинаются союзомъ *или*.

Примѣръ. *Слѣдующій періодъ можетъ быть примѣромъ. Или должно забыть всѣ правила благоразумія, чтобъ отъ одной слѣпой удачи и случая ожидать всего успѣха въ своихъ дѣлахъ, и однѣ желанія полагать на мѣсто трудовъ и усилій: или слѣдуя наставленіямъ ежедневныхъ опытовъ тогда токмо надѣяться увидѣть щастливое окончаніе своихъ предпріятій, когда съ нашей стороны употреблено будетъ все возможное раченіе.*

§ 76. Въ сочиненіяхъ лучшихъ писателей весьма часто находимъ сложные періоды, содержащіе въ себѣ нѣсколько придаточныхъ предложеній, изъ которыхъ каждое пріискано отъ особливаго источника, и особливымъ соединено съ прочими союзомъ. Такіе періоды называются смѣшанными. Главныя въ разсужденіи оныхъ правила состоятъ въ томъ, чтобы каждое придаточное предложеніе было поставлено въ надлежащемъ мѣстѣ относительно къ тому предложенію, къ которому оно пріискано, и чтобы соединено было съ прочими отвѣтствующимъ содержанію его союзомъ. Періодъ смѣшанный.

Для примѣра предлагаемъ слѣдующій періодъ. Ежели нѣтъ истиннаго благополучія тамъ, гдѣ безпрестанныя заботы и безпокойства: поелику въ семъ положеніи страхъ потери, или новыя желанія отравляютъ самыя пріятныя наши удовольствія; естьли равнодушное токмо сердце есть храмъ не нарушимаго спокойствія: то между тѣмъ какъ цѣлый почти свѣтъ теряется въ не изходимомъ лабиринтѣ безпрестанныхъ и вмѣстѣ безуспѣшныхъ предпріятій и усилій, не одинъ ли Примѣръ.

тотъ обладаетъ совершеннымъ щастїемъ въ жизни, кто въ своихъ желанїяхъ не простирается далѣе предѣловъ брагоразумной умѣренности?

Естественная рѣчь.

§ 77. Когда такой смѣшанный перїодъ будетъ состоять изъ краткихъ и весьма мало разумноженныхъ предложенїй, которыя при томъ будутъ соединены между собою по большой части содержащимися въ нихъ мыслями, а не союзами: то онъ называется естественною рѣчїю.

Примѣръ.

Примѣромъ можетъ быть слѣдующїй перїодъ Юность есть изображенїе мягкаго воска; дайте воску желаемое образованїе, онъ его сохраняетъ; поставьте младый разумъ на пути истиннаго познанїя, онъ по немъ шествуетъ, и шествовать всегда будетъ стараться; начертите на сгибахъ юнаго сердца благоразумныя правила, онѣ останутся въ немъ на всю жизнь: предразсужденїя конечно будутъ бороться съ разумомъ, безъ сомнѣнїя страсти нападутъ на сердце: но благовоспитанный человѣкъ при всемъ томъ останется не поколебимъ въ своей нравственности.

Употребленіе періодовъ.

§ 78. Показавъ правила періодовъ, теперь слѣдуетъ показать ихъ употребленіе. Впрочемъ оно само собою явственно. Изъ періодовъ составляются нѣсколько обширнѣйшія сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ когда писатель намѣренъ сколько нибудь разпространиться о своей матеріи; то безъ сомнѣнія столько приищетъ къ ней мыслей, что уже не возможно будетъ помѣстить и связать ихъ въ одномъ періодѣ. Для сего онъ, судя по ихъ знаменованію и отношенію къ матеріи, раздѣляетъ ихъ на нѣкоторыя какъ бы отдѣленія; и изъ каждаго составляетъ одинъ, или нѣсколько періодовъ. Слѣдственно всѣ они служатъ или къ разумноженію, или къ подтвержденію всегда одной матеріи, и составляютъ одно не прерывное сочиненіе, будучи связаны между собою или соотвѣтствующими ихъ содержанію союзами, или посредствомъ такаго ихъ частей разположенія, дабы содержащіяся въ двухъ не посредственно слѣдующихъ другъ за другомъ періодахъ такія понятія, которыя связнѣе прочихъ между собою, стояли одно къ другому, сколько можно, ближе. Состоящія изъ нѣсколькихъ се-

О связи періодовъ.

Состоящія изъ нѣсколькихъ пе-

ріодовъ сочиненія. го рода періодовъ сочиненія суть хріи; письма, риторическіе силлогизмы, описанія и разговоры.

О хріи. § 79. Имя хріи извѣстно однимъ токмо витіямъ; поелику сіе сочиненіе никогда не выдается въ свѣтъ подъ симъ наименованіемъ; или лучше сказать, хрія есть не иное что, какъ особливый способъ, которымъ располагаются и разумножаются иногда цѣлыя не большія сочиненія, а иногда части большихъ рѣчей. Сей способъ разумноженія состоитъ въ слѣдующемъ. Вопервыхъ сочинитель разумножаетъ въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ матерію. Сіе разумноженіе составляетъ первую часть хріи, называемую предложеніемъ. Потомъ также въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ, разумножаетъ приисканную имъ на матерію причину. Сіе дѣлаетъ вторую часть хріи, которая и называется причиною. Далѣе также въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ, разумножаетъ приисканное къ матеріи или отъ противоположенія предложеніе, или возраженіе съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ. Въ семъ состоитъ третія часть хріи, на-

зываемая противнымъ. Посемъ особливымъ періодомъ разумножаетъ изобрѣтенное иногда къ матеріи, а иногда къ причинѣ, подобіе. Сей періодъ есть четвертая часть хріи, называемая также подобіемъ. Присканный къ матеріи, а иногда и къ причинѣ, примѣръ, будучи разумноженъ въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ, составляетъ пятую часть хріи, называемую примѣромъ. Слѣдующее за нею свидѣтельство, взятое изъ какаго нибудь извѣстнаго писателя, съ благоразумною и отвѣтствующею содержанію его словъ ему похвалою, а иногда съ изъясненіемъ оныхъ, есть шестая часть хріи, которая и называется свидѣтельствомъ. Наконецъ седьмая и послѣдняя часть есть заключеніе, въ которомъ разумножается или выведенное изъ предъидущихъ частей нравоученіе, или вторично, однако совсемъ иначе, нежели въ предложеніи, матерія всей хріи.

§ 80. Примѣромъ такой хріи может быть слѣдующее разумноженіе сей матеріи: *науки любятъ щастіе.* Примѣръ хріи.

Предложеніе. *Когда чрезвычайныя въ человѣческихъ обществахъ произшествія изторгаютъ ихъ изъ постыднаго состоянія убожества и безсилія, слѣдственно презрѣнія и неизвѣстности: въ то время обыкновенно и разумъ, какъ бы отъ глубокаго сна воспрянувши, возникаетъ изъ мрака той ничтожности, въ которой онъ пребываетъ иногда цѣлыя столѣтія вмѣстѣ съ человѣкомъ; такъ что въ одно почти время съ благоустроеніемъ государства, съ приобрѣтеніемъ побѣдъ, славы и богатства открываются рѣдкія дарованія, являются великіе умы, и просвѣщеніе начинаетъ торжествовать надъ народными предразсудками, надъ суевѣріемъ, надъ грубостію нравовъ.*

Причина. *И такъ пусть щастіе называютъ отравою сердца; пусть твердятъ, что роскошь и развратность слѣдуютъ всегда по стопамъ его; но сіе уродливое его изчадіе рождается токмо въ низкихъ и не чувствующихъ своего достоинства душахъ: а между тѣмъ какъ сіи рабы своихъ страстей теряются въ лучахъ ослѣпляющаго ихъ блаженства, величественный и обладающій собою разумъ, посреди всѣхъ очарованій щастія возлетаетъ выше горизонта*

обыкновенныхъ чувствованій: тишина и спокойствіе не влечетъ его къ подлой праздности, но служитъ ему благопріятнымъ случаемъ безбѣдственно предаться достойнымъ человѣка упражненіямъ познавать природу и ея Творца; преимущество его предъ другими со стороны славы, побѣдъ и завоеваній не рождаетъ въ немъ ни тщеславія, ни дерзости, но вливаетъ въ него благородную склонность отличить себя также превосходными успѣхами въ наукахъ; наконецъ богатство, сей идолъ корыстолюбія, дѣлается въ его рукахъ источникомъ наградъ и ободреній, оживотворяющихъ усилія нашихъ способностей. Совершенно противное сему происходитъ съ тѣми народами, которыхъ или завистливая судьба не допускаетъ вознестися выше первобытнаго состоянія, или обыкновенная превратность человѣческихъ дѣлъ низвергаетъ съ высоты благополучія въ прежній мракъ ничтожества: полагать все блаженство свое въ удовлетвореніи токмо необходимостямъ жизни; достойныя жалости и оплакиванія имѣть понятія о самомъ себѣ, о подобныхъ себѣ; съ отвращеніемъ убѣгать удовольствій, предлагаемыхъ при-

Противное.

родою; страшиться того, что должно привлекать къ себѣ наше удивленіе, любовь и желаніе; однимъ словомъ, не смѣть выйти за предѣлы той слѣпоты, какою страждетъ все общество; вотъ слабое, но истинное изображеніе народа, стенящаго подъ бременемъ нищеты и порабощенія! По сему справедливо можно сказать, что общественное благоденствіе есть та сильная пружина которая даетъ движеніе всѣмъ способностямъ разума; и что дышащія единственно щастіемъ науки подобны нѣжному цвѣту, который предъ лицемъ только горящаго свѣтила дня распускаетъ свои прекрасные листы, но по захожденіи сего благодѣтеля природы заключаетъ паки всѣ свои прелести во внутренность зеленой своей коры.

Подобіе.

Примѣръ.

Исторія удостовѣряетъ насъ въ семъ многочисленными опытами. Египтяне, первые учители Европы, умерли, такъ сказать, въ просвѣщенномъ свѣтѣ, какъ скоро содѣлалися жертвою Камбизовъ, Александровъ, Августовъ и Селимовъ. Побѣдительница Азіи не въ одно ли время увѣнчавала лаврами одною рукою Милтіадовъ, Ѳемистокловъ, а другою Сократовъ,

Демосѳеновъ? Римъ, сїе убѣжище наукъ по паденїи Грецїи, Римъ, говорю, не во времена Пирра и Галловъ простеръ къ нимъ свои объятїя, но уже по низложенїи Карѳагена, по завоеванїи обширныхъ странъ въ Европѣ, Азїи и Африкѣ. Однако краснорѣчїе Цицероновъ, Виргилїевъ, Ливїевъ дотолѣ токмо оглашало стѣны сего побѣдителя полсвѣта, пока въ нихъ не слышанъ былъ еще звукъ оружїя грубыхъ Геруловъ и Ломбардовъ, заставившихъ миролюбивыя науки искать себѣ убѣжища на востокѣ. И такъ вездѣ успѣхи разума бываютъ вмѣстѣ съ успѣхами народнаго благоденствїя. Руссо, сей просвѣщенный врагъ наукъ, вооружаяся противъ нихъ всѣми силами своего краснорѣчїя, вездѣ твердитъ, что онѣ суть произведенїе щастїя; а одинъ изъ его противомысленниковъ: я вижу, говоритъ, что науки изливаютъ свои благодѣянїя на народы во время величайшаго ихъ благополучїя. Онѣ не устрашилися продолжаетъ онъ, Россїйскихъ льдовъ какъ скоро были приглашены въ сїе сильное государство особеннымъ Героемъ, который былъ, такъ сказать, его творцемъ. Въ самомъ дѣлѣ когда общество обезпечено со стороны

Свидѣтельство.

Заключенїе.

необходимостей; когда страхъ внѣшнихъ враговъ не касается его сердца; когда мудрое Правленіе ограждаетъ его отвсюду безопасностію; когда изобиліе и тишина вездѣ процвѣтаютъ: то къ чему устремятъ тогда свое вниманіе миліоны благоденствующихъ гражданъ? Изключая легкомысленные умы, не будутъ ли прочіе по примѣру Плинія находить и увеселеніе и упражненіе свое въ наукахъ! Ибо ежели свойственно человѣку желать, всегда возвышаться своими совершенствами; то по сниканіи внѣшнихъ удовольствій однѣ низкія сердца не будутъ искать способовъ удовлетворить не побѣдимымъ склонностямъ своего любопытства, дабы изъ храма природы извлечь себѣ новый родъ возхищенія, совершенства и славы.

Хрія Автоніанская.

§ 81. Случается, что матеріею хріи бываютъ взятыя изъ какаго нибудь писателя слова. Въ семъ случаѣ хрія, которая по имени своего изобрѣтателя называется Автоніанскою, вмѣсто показанной первой части, то есть, вмѣсто предложенія, имѣетъ двѣ свои части. Въ первой обыкновенно послѣ справедливой и отвѣтствующей содержанію

словъ похвалы писателю, полагаются самыя его слова, служащія матеріею хріи; почему и часть сія называется въ Риторикахъ симъ именемъ, *слова съ похвалою писателя.* Во второй части сей хріи разумножается однимъ, или нѣсколькими періодами, содержаніе оныхъ словъ, которое бываетъ уже содержаніемъ всей хріи. За сими двумя частями слѣдуютъ тѣ же самыя части, которыя послѣ предложенія имѣетъ показанная въ высшихъ §§ хрія.

§ 82. Для примѣра предлагаются здѣсь только двѣ первыя сей хріи части, которыми она различается отъ обыкновенной хріи. Примѣръ ея.

Между отличными творческаго духа произведеніями справедливо должно почитать и тѣ глубокомысленныя нравоученія, которыми на подобіе драгоцѣнныхъ камней сіяютъ изящныя писанія. Читая безподобнаго Виргилія, не можно не возхититься пылкими его изобрѣтеніями, отважными украшеніями, описаніями превозходящими искуснѣйшія картины: но что скажемъ о тѣхъ Философическихъ наставлені- Слова съ похвалою писателя.

яхъ, которыми сей великій Творецъ не чувствительно поражаетъ разпаленное воображеніе читателя? Что скажемъ на примѣръ о семъ краткомъ его изреченіи: ничего нѣтъ надежнаго на войнѣ? Оставивъ другимъ судить о томъ, углубимся въ сіе нравоученіе, войдемъ въ важный его смыслъ. Мы увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ не извѣстнѣе, нѣтъ томительнѣе состоянія, какъ состояніе войны. Пусть великіе Герои, разсылая громъ побѣдоноснаго оружія, устрашатъ тысящи непріятелей, пусть щастіе способствуетъ ихъ мужеству; разбитъ въ полѣ многочисленный врагъ, подвергаются ихъ повелѣніямъ цвѣтущія области и города, обогащается отечество непріятельскими корыстями: но чтожъ? среди торжествъ, среди трофеевъ, неизвѣстность будущаго снѣдаетъ ихъ сердца; и они содрогаются при единой мысли, что не постоянное щастіе самыя великія въ свѣтѣ побѣды часто сопровождаетъ примѣрными разбитіями побѣдителей.

Изъясненіе словъ.

Хріи бываютъ неполныя.

§ 83. Предлагая о хріи нужно сказать, что нигдѣ въ лучшихъ сочиненіяхъ не можно найти такой

хріи, которая бы имѣла всѣ показанныя части, и при томъ въ такомъ порядкѣ, какой предписывается правилами, но всегда нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ выпущены, нѣкоторыя же вмѣсто того повторяются, а всѣ вообще размѣщены такъ, какъ сочинителю удобнѣе казалось ихъ связать между собою.

и не правильныя.

Вотъ такаго рода хрія, взятая изъ рѣчи Борда противъ Руссо.

Примѣръ.

Храмъ наукъ есть огромное зданіе, которое не можетъ быть окончано, какъ только съ продолженіемъ вѣковъ. Трудъ каждаго человѣка есть маловаженъ въ разсужденіи толь обширнаго произведенія; но трудъ каждаго человѣка къ сему потребенъ. Несущій воды свои въ море источникъ долженъ ли остановиться при своей вершинѣ, по причинѣ маловажности его дани? И такъ какую должно воздать похвалу симъ великодушнымъ мужамъ, которые старалися проницать и писать для потомковъ! Собственная наша жизнь не должна быть предѣломъ нашихъ понятій. Мы должны ихъ разпространять на жизнь всего человѣческаго рода; должны заслужить то, что мы были въ ней участниками;

и должны стараться, чтобъ быстрая минута нашей жизни удостоилася быть замѣчена въ Исторіи онаго.

Хрія превращенная.

§ 84. Часто встрѣчается въ сочиненіяхъ еще другой родъ хріи, называемой Риторами искуственною, или превращенною, chria inversa. Она также есть не что иное, какъ особливый способъ разумноженія, или лучше сказать, разположенія изобрѣтенныхъ къ матеріи мыслей. Составляющія оную части суть приступъ, предъидущее, союзъ, послѣдующее и заключеніе. Въ предъидущемъ разумножается присканная къ матеріи причина; въ союзѣ такая мысль, которая подтверждаетъ справедливость предъидущаго; въ послѣдующемъ матерія хріи; а въ заключеніи выведенное изъ ней слѣдствіе. Что касаетса до приступа, то онъ обыкновенно изобрѣтается не къ матеріи, но къ предъидущему, и состоитъ изъ такаго предложенія, которое въ сравненіи съ предъидущимъ должно быть общее; то есть, въ которомъ говорится о такомъ родѣ, подъ коимъ въ числѣ видовъ содержится или подлежащее, или сказуемое предъидущаго.

Примѣръ.

Примѣромъ сей хріи можетъ быть слѣдующее разумноженіе сего предложенія: разумъ въ человѣкѣ всего превосходнѣе.

Приступъ.

Судя по одной наружности человѣкъ есть не что иное, какъ токмо искуснѣйшее изъ всѣхъ движущихся и чувствующихъ вещей твореніе всемогущаго Виновника природы: но когда разсматриваемъ его со стороны душевныхъ способностей; то кажется, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторую искру Божества.

Предъидущее.

Ибо разумъ его, оставляя то, что подлежитъ всеобщему опыту, и вникая въ союзъ такихъ истиннъ, которыя многими степенями превышаютъ общее познаніе, пріобрѣтаемое чувствами, простирается выше обыкновеннаго на землѣ знанія, и съ собою возноситъ, кажется, естество человѣческое превыше состоянія земнородныхъ.

Союзъ.

Но, что всего возхитительнѣе для нашего любопытства и самолюбія, онъ изъ настоящихъ обстоятельствъ предузнаетъ событіе будущихъ вещей. Не одно предсказаніе тщательныхъ Астрономовъ, не одно предусмотрѣніе важныхъ государственныхъ перемѣнъ, предреченное

опытными Правителями, своимъ событіемъ оправдали сію истинну. Последующее. *И такъ между всѣми способностями человѣческими, и во всей обширности нашего естества едва ли есть что нибудь толь рѣдкое, толь изящное, чтобы могло сравниться съ симъ небеснымъ дарованіемъ, которому все открыто, все покорено въ природѣ.* — Заключеніе. *Усыпленная на ложѣ безбожія развратность! вникни въ сію божественную часть человѣка; и тогда лучь истинны озаритъ черныя твои помышленія; тогда явится тебѣ во всей своей славѣ премудрый вселенныя Зиждитель.*

Хріями пишутся писма и всѣ краткія рѣчи.

§ 85. Всѣ писма и всѣ краткія, какъ то благодарственныя, поздравительныя, и симъ подобныя рѣчи въ разсужденіи своего расположенія и частей наиболѣе суть не что иное, какъ хріи.

Примѣръ краткихъ рѣчей.

Такимъ образомъ составлена слѣдующая краткая рѣчь, говоренная при срѣтеніи въ городѣ Мстиславлѣ блаженной памяти Императрицы Екатерины Великія, путешествовавшей по Россіи.

Всепресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше Солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе Твое; да тако ни единъ изъ подданныхъ Твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты Твоея. Хотя же мы и покоимся Твоимъ безпокойствіемъ, и не не горкими хожденіями твоими сидимъ сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое.

Тецы убо, о Солнце наше, спѣшно; тецы исполинскими стопами во всѣхъ Твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наши простирая, къ небу возопіемъ: стой Солнце и не движись, дондеже вся,

великимъ Твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши.

О писмахъ.

§ 86. Писма, (всѣмъ извѣстное сочиненіе), справедливо можно раздѣлить на три рода, то есть, на ученыя, высокія и низкія, или пріятельскія. Учеными писмами называю я такія, которыхъ содержаніемъ бываетъ относящаяся къ какой нибудь наукѣ, или къ свободнымъ художествамъ, матерія. Высокія писма суть тѣ, которыя мы пишемъ къ такимъ особамъ, кои гораздо высшаго предъ нами состоянія; а низкія, или пріятельскія, которыя пишемъ къ равнымъ себѣ, и при томъ о такой матеріи, которая можетъ быть предметомъ разговора между пріятелями.

— Ученыхъ.

§ 87. Каждый изъ сихъ трехъ родовъ писемъ имѣетъ свои особливыя свойства и собственныя правила. Въ писмахъ ученыхъ и высокихъ почти всегда одна бываетъ матерія, или главное содержаніе. Но первыя изъ нихъ иногда имѣютъ совершенно такое разположеніе и части, изъ какихъ состоятъ большія рѣчи, о которыхъ будетъ предложено въ своемъ мѣстѣ; а иногда

разполагаются такъ, какъ которая нибудь изъ трехъ показанныхъ родовъ хрій. Подтвержденіе и размноженіе матеріи необходимо почерпается наиболѣе изъ той науки, или художества, къ которому она относится. Размѣщеніе и связь изобрѣтенныхъ къ ней мыслей должны быть основаны вездѣ на правилахъ здраваго и опытнаго Умословія; а украшенія съ такою употребляются въ нихъ умѣренностію, дабы онѣ всегда болѣе могли занимать разумъ, нежели воображеніе. *Примѣромъ сего рода писемъ могутъ служитъ три части писемъ покойнаго Г. Профессора Ейлера.*

§ 88. Писма высокія большею частію разполагаются такъ, какъ превращенная, или искуственная хрія. Намѣреніе писма составляетъ матерію онаго, и размножается въ послѣдующемъ. Причина, побудившая насъ писать о томъ, предлагается въ предъидущемъ; содержаніемъ союза бываетъ то, по чему мы пишемъ не къ другому кому, но къ сему лицу. Приступъ также составляется изъ общей, прискáнной къ предъидущему мысли, или иногда содержитъ въ себѣ тотъ случай, по какому пишется — Высокихъ.

писмо. Наконецъ заключеніе дѣлается изъ желаній, увѣреній, обѣщаній, предложенія слугъ, и тому подобнаго. Сіи части не всегда показаннымъ слѣдуютъ одна за другою порядкомъ, и при томъ часто нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ повторяемы, или разумножаемы новыми частями. Благоразуміе предписываетъ въ сихъ писмахъ говорить токмо о томъ, что естественно относится къ ихъ содержанію, и необходимо нужно къ объясненію, или подтвержденію онаго. Что касается до украшеній, то онѣ, изключая однако самыя высокія, не только употребительны, но даже не рѣдко бываютъ нужны; такъ что съ сей стороны такія писма походятъ гораздо болѣе на сочиненія, которыя пишутся со всемъ искуствомъ краснорѣчія, нежели на обыкновенныя писма. Однако какъ весьма строго наблюдаемая въ нихъ вѣжливость и почтительность, такъ и употребляемыя украшенія всегда соразмѣряются состоянію того лица, къ которому пишемъ.

Примѣръ высокихъ писемъ.

§ 89. *Примѣромъ писемъ сего рода можетъ быть, по изяществу*

своего содержанія, по возвышенному духу и именитости Сочинителя, по безсмертной славѣ Ироя, составляющаго предметъ слова, и наконецъ по всемилостивѣйшему МОНАРХА на то соизволенію, заслуживающее быть извѣстнымъ цѣлой Россіи слѣдующее прошеніе.

Всемилостивѣйшій Государь!

Каждый сынъ въ правѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце, что когда на ровнѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ я Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собственной обязанности. Слѣдуя такому побужденію, я принялъ на себя пойтить другою стезею, и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставить.

Поднося при семъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ рисунокъ скромнаго монумента, и тѣ основанія, на которыхъ я намѣреніе мое исполнить желаю; осмѣливаюсь просить удостоить его МОНАРШАГО утвержденія. Вложенный огонь жизни въ память сію польется въ кровь молодости, изго-

товленной къ защитѣ Отечества; а благодарный сынъ великодушному своему ГОСУДАРЮ, и въ самый часъ разлуки съ жизнїю, весело встрѣтитъ кончину дней своихъ, что должную дань отцу отдать успѣлъ; и что духъ кротости и благотворенїя принялъ его чистую жертву, даровавъ ей вѣчное бытїе Монаршимъ словомъ.

Различные роды высокихъ писемъ.

§ 90. Писма высокія, судя по различію матерій, какія бываютъ ихъ содержаніемъ, раздѣляются на различные роды; но употребительнѣйшія изъ нихъ суть писма просительныя, благодарственныя и поздравительныя. Вообще въ нихъ весьма много зависитъ отъ изобрѣтенія; ибо нѣтъ ничего скучнѣе, какъ наполненное извѣстными и приличными всѣмъ подобнымъ между собою случаямъ мыслями писмо. Напротивъ того самыя лучшія, самыя поразительныя мысли въ нихъ суть тѣ, которыя тамъ токмо хороши, гдѣ онѣ употреблены. Какъ же онѣ изобрѣтаются? Безъ сомнѣнія тотъ можетъ ихъ изобрѣсти, кто подробно и живо вообразитъ себѣ всѣ частныя обстоятельства того дѣла, о которомъ пишетъ.

§ 91. Твердыя и убѣдительныя мысли, отборныя, вкрадчивыя и сильныя выраженія, составляютъ особенное совершенство просительныхъ писемъ. Все въ нихъ должно преклонять къ нашей пользѣ того, кого просимъ: и потому сочинитель ихъ вездѣ примѣняется къ его нраву и мыслямъ; наблюдая однако, дабы въ его похвалахъ, которыя въ семъ случаѣ почти необходимы, ни мало не видно было излишества. Напротивъ сего искренность мыслей есть главное совершенство благодарственныхъ и поздравительныхъ писемъ. Когда въ самомъ дѣлѣ мы чувствуемъ всю важность оказаннаго намъ благодѣянія; или когда чистосердечное принимаемъ участіе въ благополучіи того, кого поздравляемъ; въ такомъ случаѣ, такъ сказать, изъ самаго сердца изливаются такія мысли и выраженія, которыя весьма достаточны къ убѣжденію того, къ кому пишемъ. Одного только надобно остерегаться, чтобы слѣдуя своему восторгу не быть весьма пространнымъ; поелику сего рода писма бываютъ по большой части кратки. Но нѣтъ по моему мнѣнію скучнѣе тѣхъ писемъ, которыя пишут-

О писмахъ просительныхъ.

Благодарственныхъ и поздравительныхъ

ся изъ одной благопристойности: въ нихъ по необходимости должно изобрѣтать все отъ общихъ въ семъ случаѣ источниковъ. По сему главное ихъ совершенство состоитъ въ томъ, естьли онѣ имѣютъ новое что нибудь въ разсужденіи или мыслей, или выраженій, или украшеній.

— Приятельскихъ.

§ 92. Писма приятельскія суть такое сочиненіе, котораго главное совершенство состоитъ въ естественной простотѣ и вольности какъ въ изобрѣтеніи и расположеніи мыслей, такъ и въ самыхъ выраженіяхъ. Не должно однако думать, чтобъ онѣ не принимали никакихъ украшеній. Не рѣдко мы въ нихъ находимъ такія мысли, такія описанія, такія украшенія, которыя плѣняютъ, и даже иногда возхищаютъ, воображеніе. Для увѣренія себя въ томъ стоитъ только прочитать приступъ Волтерова писма о свойствахъ Италіанскаго языка; или письмо Рускаго путешественника о Парижскихъ театрахъ во второй книжкѣ Аглаи стр. 120. Впрочемъ всѣ сіи красоты бываютъ того рода, какія только могутъ быть употребительны въ

личномъ обращеніи между людьми просвѣщенными. Что касается до правилъ, то сочинители въ сихъ писмахъ слѣдуютъ имъ такимъ образомъ, что весьма рачительно скрываютъ сіе искуство. Читая такое писмо думаешь, что оно составлено безъ всякихъ правилъ, и что сочинителю нужно было только знать обстоятельства того дѣла, о которомъ онъ пишетъ. Съ другой стороны ежели весьма примѣтное искуство дѣлаетъ порокъ въ сихъ писмахъ, то не менѣе безобразятъ ихъ низкія и свойственныя простому народу мысли, чувствованія, слова и выраженія, особливо погрѣшности противу правилъ языка. Все сіе даетъ не выгодное понятіе о сочинителѣ въ разсужденіи его воспитанія и сердца.

§ 93. Сіи писма иногда одно только имѣютъ главное содержаніе, а иногда заключаютъ въ себѣ нѣсколько разнаго рода матерій. Впрочемъ все то, что можетъ быть предметомъ разговора между пріятелями, можетъ быть также содержаніемъ писемъ сего рода. Мы въ нихъ совѣтуемъ, увѣдомляемъ, просимъ, выговариваемъ, изъявляемъ соболѣзнованіе, и проч. Должно

О писмахъ одного содержанія.

сказать, что каждая изъ всѣхъ показанныхъ родовъ матерія имѣетъ, такъ сказать, свои собственныя правила, и что отъ наблюденія ихъ зависитъ, дабы писмо было трогательно и убѣдительно: но всѣ сіи правила вообще состоятъ въ томъ, дабы во всемъ, что только содержитъ въ себѣ писмо, видно было приличное просвѣщенному и опытному человѣку благоразуміе; и чтобы все почерпнуто было изъ существенныхъ обстоятельствъ того дѣла, о которомъ пишемъ. Между тѣмъ всѣ сіи писма располагаются, подобно высокимъ, по большой части превращенною хріею; и также нѣкоторыя части въ нихъ бываютъ выпущены, нѣкоторыя же повторяемы.

Примѣры писемъ одного содержанія.

§ 94. *Для примѣра я предлагаю здѣсь два писма: одно содержащее въ себѣ выговоръ, и писанное матерію къ дочери; а другое содержащее въ себѣ совѣтъ, и писанное однимъ пріятелемъ къ другому.*

Писмо, содержащее выговоръ. Помпадуръ. Том. III. лис. 33.

Я получила касательно васъ такое писмо, которое меня огорчаетъ. Ко мнѣ пишутъ, что вы по-

ступаете высокомѣрно и повелительно со своими подругами, и что оказываетеся весьма не послушливою. Почто оскорбляете сердце своей матери? Для чего ее приводите въ печальную необходимость жаловаться на васъ? Я столько разъ наставляла васъ быть кроткою, скромною и ласковою: поелику сїе есть единственное средство угодить Богу и людямъ. Не уже ли вы такъ скоро забыли мои наставленїя? Не уже ли вы хотите мать свою привести въ необходимость краснѣть отъ васъ? Я надѣюся, что вы перемѣните свои поступки изъ уваженїя ко мнѣ и къ вамъ самимъ. Оставьте высокомѣрїе: оно не прилично никому; а еще менѣе всѣхъ вамъ. Ежели я васъ воспитала такъ, какъ Принцессу; то помните, что вы весьма далеки отъ того, чтобъ быть дѣйствительно такою. То самое щастїе, которое меня возвысило, можетъ перемѣниться, и сдѣлать меня нещастнѣйшею въ свѣтѣ женщиною. Въ семъ случаѣ вы будете то же, что и я, то есть, ничто. Прощайте, любезная дочь. Вы знаете, что я дышу единственно для васъ. Естьли вы обѣщаетесь исправиться, я васъ прощаю и обнимаю.

Писмо совѣтъ содержащее.
Плиній. кн. 7. лис. 3.

Возможно ли такъ долго жить то въ Луканіи, то въ Кампаніи? Сами вы, говорите, изъ Луканіи, а супруга ваша изъ Кампаніи. Такъ! вы имѣете справедливую причину отлучаться изъ Рима на долгое время, однако же не навсегда. Для чего бы не пріѣхать въ столицу? Здѣсь достоинства, чести, обращеніе съ высшими и низшими. Долго ли вы будете жить, какъ Государь? Не спать столько, сколько угодно? Ходить всегда въ домашнемъ платьѣ? Никогда не надѣвать нарядная? Во весь день читать только книгу? Время уже увидѣть и нашу скучную жизнь; хотя для того только, чтобъ оныя удовольствія отъ избытка не потеряли своей цѣны. Примите трудъ объѣздить нѣсколько домовъ съ почтеніемъ; чтобы тѣмъ пріятнѣе показался пріѣздъ къ вамъ другихъ. Примите безпокойство побыть нѣсколько въ семъ многолюдствѣ; чтобы тѣмъ болѣе могло увеселить васъ уединеніе. Но, (какая глупость!) я еще болѣе остонавливаю васъ, убѣждая сюда пріѣхать. Можетъ быть сіи самыя причины

и заставляютъ васъ сколько можно долѣе наслаждаться спокойною жизнію. Но я совѣтую вамъ на время только, а не навсегда ее оставить. Когда бы я давалъ вамъ столъ, то бы непремѣнно между сладкими ѣствами поставилъ нѣсколько блюдъ съ кислыми и пряными; чтобъ онѣ помогли варить вашему желудку, когда онъ будетъ засоренъ и отягченъ первыми. Такъ точно по моему мнѣнію протекающую въ непрерывныхъ удовольствіяхъ жизнь должно иногда какъ бы приправлять нѣкоторыми пряностями.

§ 95. Когда въ пріятельскомъ писмѣ мы пишемъ не объ одномъ, но о нѣсколькихъ различнаго рода дѣлахъ; въ такомъ случаѣ каждая часть писма, имѣющая свое особливое содержаніе, составляется такъ, какъ цѣлое одного содержанія писмо; съ тѣмъ однако, что весьма рѣдко можно найти въ которой нибудь изъ нихъ полную превращенную хрію. При томъ сіи части писма тогда только бываютъ связаны между собою, когда ихъ содержанія имѣютъ естественное между собою отношеніе; въ противномъ же случаѣ оставляют- О писмахъ различнаго содержанія.

ся лучше безъ всякой связи. Причина сего весьма видна, то есть, что одни только искренніе приятели, или весьма знакомые люди пишутъ другъ къ другу сего рода писма; и что по сему въ нихъ всего менѣе должно быть примѣтно какое нибудь искуство.

Примѣръ. § 96. *Примѣромъ можетъ быть слѣдующее писмо. Помпадуръ. Том. I. лис. 25.*

Вы весьма щастливый посланникъ; потому что вы всегда присылаете къ намъ хорошія извѣстія. Меня плѣняютъ ваши Голландцы; они прямо отказали дать шесть тысячь войска, которыхъ отъ нихъ требовали. Сіе рѣшеніе ихъ благоразумно, и намъ весьма полезно. Между тѣмъ можно думать, что въ семъ дѣлѣ не льзя было бы ожидать толь скораго успѣха, естьли бы живъ былъ престарѣлый Штатгалтеръ. Судя по разположенію его мыслей онъ былъ Агличанинъ; сверхъ сего былъ женатъ на Агличанкѣ; и великая сила, какую дала ему послѣдняя перемѣна государства, была бы для насъ опасна. Но онъ уже умеръ, сынъ его малолѣтенъ; а Голландцы

занимаются однимъ корыстолюбіемъ. Я весьма радуюсь, предвидя отъ того какъ ихъ, такъ и собственныя наши выгоды.

Швейцарцы получили повелѣніе быть въ готовности къ походу въ Германію; и они на сіе ропщутъ. Странное дѣло, что они всегда употребляютъ происки, когда надобно бываетъ переходить за Рейнъ. Послѣдній Король ихъ довольно приучилъ къ тому; но они болѣе о томъ не помнятъ. Впрочемъ ихъ добропорядочная служба всегда получаетъ хорошую награду. Г. Ноелль говаривалъ, что они будучи во Французской службѣ болѣе получили Луидоровъ, нежели сколько пролили каплей крови. Ваше Сіятельство, будучи родомъ изъ Швейцаріи, конечно сему не повѣрите; однако посовѣтуйте своимъ соотечественникамъ поступать благоразумнѣе. Безъ сомнѣнія вы столько же власти будете имѣть надъ ихъ сердцами, сколько и надъ Голландцами.

Купленныя вами для меня картины, превосходной работы, а особливо Павелъ Веронскій. Король имъ по справедливости удивлялся пер-

вый, а послѣ него и всѣ, которые ихъ видѣли. Но какимъ случаемъ сіи произведенія художествъ зашли въ Голландію, и не иначе какъ шелковые товары были продаваемы тамъ купцами? Я благодарю васъ за сіе стараніе, и прошу его въ разсужденіи меня продолжать.

Вы хотѣли бы, говорите, побывать во Франціи для поправленія своихъ дѣлъ. Король охотно бы вамъ сіе позволилъ; но онъ почитаетъ, что сія ваша отлучка не сообразна съ настоящимъ положеніемъ государственныхъ дѣлъ. Примите не большое терпѣніе, и будьте увѣрены, что я не опущу перваго встрѣтившагося мнѣ случая доставить вамъ сіе удовольствіе.

Какъ вы проводите время съ вашими Голландцами? Умѣютъ ли они жить весело? Способны ли смѣяться, забавляться и забывать хотя на нѣсколько минутъ о своихъ прибыткахъ? Я думаю, что въ сей странѣ жизнь должна быть весьма скучна; и сіе меня относительно къ вамъ безпокоитъ. Но я знаю, что вы лучше любите заниматься дѣлами, нежели забавами.

§ 97. Когда должны бываемъ отвѣтствовать на полученное нами письмо; то благоразуміе предписываетъ во всемъ сообразоваться съ писмомъ упредительнымъ. Естьли оно было различнаго содержанія, въ такомъ случаѣ на каждую его часть должно отвѣтствовать особливою частію: когда же писано объ одномъ какомъ нибудь дѣлѣ, то главная мысль, составляющая нашъ на оное отвѣтъ, разумножается точно такъ, какъ писмо одного содержанія. Однако писма сего рода отлично красивы и приятны бываютъ тогда, когда каждая ихъ часть есть не что иное, какъ отвѣтъ на такую же часть писма упредительнаго. О писмахъ отвѣтственныхъ.

§ 98. Не рѣдко случается, что краткія рѣчи и части большихъ рѣчей бываютъ разположены такъ, что составляютъ какой нибудь силлогизмъ, котораго каждая часть бываетъ разумножена по правиламъ Риторики, отъ чего и сіи силлогизмы называются Риторическими. И такъ когда хотимъ изъ приисканныхъ къ матеріи мыслей составить сего рода силлогизмъ; то нужно сперва сдѣлать его по О Риторическихъ силлогизмахъ.

правиламъ Умословія безъ всякаго разумноженія и украшенія; а потомъ изъ каждой его части сдѣлать какаго нибудь рода хрію; и всѣ сіи его части, размѣстивъ по произволенію, связать между собою. Я намѣренъ здѣсь показать употребительнѣйшіе токмо въ Риторическихъ сочиненіяхъ силлогизмы. Они суть правильные, такъ называемые наведенія, двучленные и многосложные.

— Правильныхъ. Для составленія правильнаго силлогизма нужно къ матеріи приискать причину, и сперва соединить ее со сказуемымъ оной; изъ чего выдетъ первое предложеніе, называемое въ семъ случаѣ первою посылкою: потомъ ту же самую причину соединить съ подлежащимъ матеріи; сіе второе предложеніе называется второю посылкою; послѣ сего полагается матерія, которая составляетъ третіе предложеніе, называемое заключеніемъ.

Примѣръ правильныхъ силлогизмовъ. § 99. Пусть будетъ слѣдующая матерія: *завистливый человѣкъ всегда безпокоенъ.* Причиною можетъ быть то, что зависть

есть порокъ. И такъ первою посылкою будетъ сiе предложенiе: *порочный человѣкъ всегда безпокоенъ;* втпорою: *зависть есть порокъ;* заключенiе должно состоять изъ матерiи. Для примѣра всѣ сiи три части силлогизма разумножены здѣсь по правиламъ Риторическимъ.

Первая посылка.

Весьма справедливо одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ Стихотворцевъ, которыхъ искусное перо спосиѣшествовало славѣ Россiйской учености, говоритъ устами тиранна:

*Злодѣйская душа спокойна быть
не можетъ.*

Ибо сколь ужасное представилося бы нашимъ очамъ позорище, когда бы возможно было проникнуть во глубину законопреступныхъ сердецъ. Мрачная темница злыхъ духовъ довольна только изобразить намъ то состоянiе, въ которое приводятъ ихъ справедливыя угрызенiя совѣсти. О коль дорого стоятъ имъ тѣ мнимыя удовольствiя, которыми льститъ ослѣпленному разуму обманчивая наружность пороковъ! Когда успокоится пылкая стреми-

тельность наглыхъ страстей, которыя вовлекли ихъ въ сїю бездну; когда изчезнутъ буйственныя предубѣжденїя, сей источникъ многочисленныхъ преступленїй; и когда священная истинна, озаривъ ихъ заблудшїй разумъ, откроетъ имъ всю гнусность ихъ дѣлъ: увы! единыя мученїя бываютъ тогда ихъ жребїемъ. Представленїе прошедшаго терзаетъ ихъ разкаянїемъ; настоящее состоянїе угнѣтаетъ стыдомъ и презрѣнїемъ; а будущее грозитъ совершеннымъ отчаянїемъ. Поелику пренебреженїе святѣйшей воли Творца, утѣсненїе общихъ правъ человѣчества, нарушенїе собственныхъ своихъ выгодъ, соединившися въ единой точкѣ ихъ беззаконныхъ дѣянїй, заставляютъ ихъ укорять себя и неблагодарностїю предъ Виновникомъ своего бытїя, и несправедливостїю въ разсужденїи подобныхъ себѣ, и нерадѣнїемъ о своемъ благополучїи. Вотще утомленныя терзанїями ихъ мысли ищутъ нѣкоторой отрады въ суетныхъ забавахъ Ни окружающее ихъ великолѣпїе со мнимыми приятностями затѣйливой роскоши, ни высокїя ихъ достоинства со множествомъ ползающихъ предъ ними льстецовъ,

не могутъ во внутренности ихъ возстановить того сладкаго спокойствія, которымъ наслаждаться всегда единой добродѣтели опредѣлили праведныя Небеса. Часто являющееся Нерону привидѣніе убіенной имъ матери, хотящей его наказать достойно, по согласію всѣхъ разумныхъ людей, есть не что иное, какъ произведеніе смущеннаго беззаконіями его воображенія. Подобная участь рано или поздно постигаетъ всѣхъ предавшихся злодѣяніямъ. Ибо сколько бы ни были развращены ихъ сердца; но въ щастливыя минуты здраваго разсужденія не могутъ они не видѣть всей красоты добродѣтели, не могутъ не чувствовать въ себѣ признательности къ закону и любви къ истиннѣ.

Вторая посылка.

Но можетъ ли быть что нибудь не сходственнѣе съ естественными и гражданскими правами, какъ сокрушаться во глубинѣ своего сердца, взирая на благополучіе другихъ? Природа производитъ человѣка миролюбивымъ и дружественнымъ; онъ родится въ нѣдрѣ общества; его слабости и нужды требуютъ

помощи другаго: но всѣ сіи предначертанія къ нашему благоденствію разстроиваетъ постыдная зависть. Зависть погашаетъ въ насъ свѣтильникъ здраваго разсудка; возбраняетъ услышать гласъ справедливости, гласъ любви къ ближнему; подавляетъ сѣмена благодарности; заглаждаетъ слѣды чистосердечія и кротости; не чувствуетъ сострад.анія; не знаетъ дружества; не имѣетъ приятнаго удовольствія участвовать въ благополучіи другаго; однѣ страданія и слезы ближняго составляютъ ея единственное веселіе. Часто благосостояніе цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ семействъ, цѣлыхъ народовъ бываетъ жертвою сего идола злобныхъ сердецъ. Зависть довела цвѣтущій Римъ до опасности совершеннаго паденія, а щастливый Карѳагенъ не возвратно погубила. Вотъ слѣдствія сей гнусной страсти! Чѣмъ же можно болѣе оскорбить правосудіе Творца, и навлечь на себя праведный его гнѣвъ?

Заключеніе.

Но хотя бы умолкъ громъ Небеснаго мщенія; зависть, злобная зависть сама по себѣ есть ужасное

наказаніе. Щастливый въ наши времена испытатель человѣческихъ страстей такими описываетъ ее словами: зависть, говоритъ, судя по мрачнымъ ея желаніямъ, есть лютѣйшій и вмѣстѣ упорнѣйшій даже до безчеловѣчія порокъ, вонзающій ядовитую стрѣлу въ наше сердце; зависть есть бичь разума. Гордость въ нѣдрѣ безумія даровала ей бытіе. Ничто не можетъ ни умягчить, ни просвѣтить ее. Достоинства другихъ суть то бремя, которое угнѣтаетъ ее. Но, завистливыя сердца! продолжаетъ тотъ же Философъ, коликихъ бѣдствій дѣлаетеся вы жертвою! Общая радость есть ваше страданіе. Сообщества для васъ отвратительны; пріятнѣйшая пища въ упоенныхъ желчію вашихъ устахъ есть для васъ ядъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ мучительнѣе состоянія, какъ завистливыхъ. Все, кромѣ нещастія ближняго, ихъ оскорбляетъ. Въ томномъ ихъ воображеніи безпрестанно мечтается мнимое недостоинство другихъ; они ропщутъ на слѣпоту судьбы; избираютъ изощренныя ихъ злобою стрѣлы для уязвленія своихъ собратій. Происходящее отъ сего негодованіе, робкая недовѣрчивость, и сокровенный

нѣкоторый страхъ заставляютъ ихъ укрываться во мрачномъ уединенїи; лишаютъ удовольствїя откровенности; отгоняютъ отъ ихъ очей сладкїй сонъ, сїе благодѣющее смертнымъ божество, или по малой мѣрѣ возмущаютъ его ужасными видѣнїями. По чему весьма справедливо говоритъ Римскїй Пиндаръ, что нѣтъ никого въ свѣтѣ правосуднѣе, какъ зависть. Ибо по мѣрѣ ея власти надъ нашими сердцами возрастаетъ въ насъ душевная скорбь и страданїе. Но я признаюсь, что не сносно иногда кажется, видѣть людей безъ всякаго достоинства, однимъ ласкательствомъ, однимъ пронырствомъ составившихъ свое благополучїе; что сїе негодованїе есть общая наша слабость. Но извинительна ли такая слабость, которая удаляетъ насъ отъ здравыхъ разсужденїй и наблюденїя законовъ? Не безумїе ли совѣтовать на то, что другой пороками достигъ своего щастїя? Не беззаконїе ли, стараться въ томъ ему подражать? Всякой стоитъ на пути своего благополучїя: шествуй токмо прямою стезею; не занимайся тщетнымъ разсматриванїемъ своихъ сопутниковъ: сїе равнодушїе скорѣе при-

ближитъ тебя ко храму твоего благополучія.

§ 100. Для составленія силлогизма называемаго наведеніемъ должно подлежащее матеріи раздѣлить на содержащіеся подъ нимъ виды, естьли оно будетъ родъ; или на части, когда оно будетъ цѣлое; и потомъ каждый видъ, или каждую часть соединять со сказуемымъ оной: всѣ сіи предложенія будутъ не что иное, какъ посылки, за которыми должно слѣдовать заключеніе, состоящее изъ матеріи силлогизма, которое однако витіями поставляется по произволенію. О наведеніи.

Такимъ силлогизмомъ одинъ изъ нашихъ Проповѣдниковъ разумножаетъ свою мысль: добродѣтель достойна нашей любви и уваженія. Примѣръ.

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено ли оно къ человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли:

се ближній мой! я люблю его, яко самаго себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ достоинствамъ и обязанностямъ: азъ есмь церковь Бога живаго; прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлесѣ моемъ. Добродѣтель и въ свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе; она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ; да будетъ истинна и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ Порфирѣ; она и въ рубищахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ: достойна во храмѣ у священнаго олтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его не винны, познанія спасительны, предпріятія кротки; намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія; дабы повергнуться предъ нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божіи; дабы прославить премудрость его. Познаетъ совершенства Господа

своего; дабы имѣть ихъ основанïемъ и закономъ жизни. Любитель мудрости уже есть нѣчто большее, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрïя является презрѣннѣе праха: но когда при мудрости сïяетъ душа его красотою добродѣтели; не естьли онъ, яко Ангелъ Божïй?

Воодушевлено ли добродѣтелïю сердце? Тогда желанïя его не порочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбïе безъ лицепрïятïя, искренность безъ лести, благотворенïя безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ, мирно яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ во плѣнъ рабства чувственныя прелести....

Сопутствуетъ ли добродѣтель по степенямъ щастïя, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернïя крылïя для птенцовъ не воспёренныхъ. Тогда богатство и изобилïе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава

есть торжественный примѣръ или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо переносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ вѣрѣ и закону; или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю.

О силлогизмахъ двучленныхъ.

§ 101. Силлогизмы двучленные дѣлаются такимъ образомъ. Поставьте матерію съ союзомъ *ежели*, давъ ей противный смыслъ, и по семъ выведите изъ нее два противныя одно другому слѣдствія, которыя съ матеріею должно соединить союзомъ *то*, а предъ каждымъ изъ нихъ поставить союзъ *или*; все сіе будетъ составлять первую посылку. По семъ поставьте также съ союзомъ *ежели* первое изъ двухъ показанныхъ слѣдствій, и выведши изъ него новое слѣдствіе, соедините его съ онымъ союзомъ *то*: послѣ сего то же сдѣлайте со вторымъ содержащимся въ первой посылкѣ слѣдствіемъ. Оба сіи условныя предложенія составляютъ вторую посылку. Заключеніе, которое въ силлогизмѣ должно всегда состоять изъ мате-

ріи, въ семъ случаѣ почти всегда подразумѣвается. Вообще о семъ силлогизмѣ нужно замѣтить, что онъ наиболѣе употребляется въ такихъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ требуется болѣе твердости и убѣдительности мыслей, нежели украшеній; и что въ немъ строго наблюдается, дабы показанныя слѣдствія не токмо были самыя ближайшія изъ всѣхъ, какія можно вывести изъ тѣхъ предложеній, изъ которыхъ онѣ выведены; но еще въ первой посылкѣ столько бы одно другому были противны, что принявъ одно изъ нихъ за справедливое, другаго ни какъ не можно было бы почесть такимъ.

Такой силлогизмъ находится у Курція (Кн. 5. гл, 5). Когда Александръ приближился къ одному Персидскому городу; то вышли ему на встрѣчу около четырехъ тысячь Грековъ, которые бывши въ плѣну у Персовъ, были всѣ изувѣчены отъ нихъ разными карами. Александръ послѣ сожалѣнія о ихъ нещастіи отдаетъ имъ на волю, возвратиться въ Грецію, или остаться навсегда въ Персіи, обѣщавъ имъ въ последнемъ случаѣ дать выгодныя Примѣръ.

для поселенія мѣста. Одинъ изъ нихъ, убѣждая своихъ сотоварищей не выходить изъ Персіи, такъ между прочимъ говоритъ.

Появши по необходимости здѣсь другихъ женъ, которыя въ нашемъ заточеніи служили намъ утѣшеніемъ, здѣсь ли оставимъ, или возмемъ съ собою какъ ихъ, такъ и рожденныхъ ими малолѣтныхъ дѣтей. Когда мы возвратимся въ отечество съ ними, то никто не захочетъ болѣе насъ признать своими. Но благоразумно ли оставить вѣрные и настоящіе залоги любви, чтобъ итти искать другихъ, которыхъ можетъ быть никогда не увидимъ? Гораздо лучше укрыться навсегда, и кончить свою жизнь посреди тѣхъ, которые узнали насъ уже нещастными.

О силлогизмахъ многосложныхъ.

§ 102. Часто также ораторы разумножаютъ свои сочиненія многосложными силлогизмами; и сіе по большой части въ такомъ случаѣ, когда они сверхъ разумноженія и украшенія хотятъ твердо доказать справедливость разумножаемой ими мысли. Для сего прискиваютъ къ ней причину; потомъ къ сей при-

чинѣ еще новую причину, и такъ далѣе, пока послѣдняя изъ всѣхъ сихъ причинъ будетъ столько достовѣрна, что не нужно будетъ уже подтверждать ее. По семъ изобрѣтеніи первое предложеніе составляютъ изъ подлежащаго матеріи и послѣдней причины; второе, и всѣ слѣдующія, изъ сказуемаго предъидущей посылки и той причины, которая остается послѣднею. Наконецъ въ заключеніи обыкновенно разумножается матерія. Но не рѣдко сочинители въ семъ силлогизмѣ оставляютъ всѣ приисканныя одну къ другой причины въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были изобрѣтены, полагая напереди всего матерію.

Примѣръ.

Такимъ силлогизмомъ разумножена сія мысль: стройность предполагаетъ даръ разума въ ея виновникѣ.

Гдѣ одна часть для другой необходимо бытіе свое имѣетъ, тамъ одна должна быть для другой нарочно; но что нарочно есть для другаго, то безъ намѣренія быть не можетъ; а гдѣ есть намѣреніе, тутъ должно быть и намѣреваю-

щееся. Кто сїе отрицать хочетъ, тотъ пусть покажетъ движенїе безъ движущагося, радость безъ радующагося, болѣзнь безъ болящаго. Намѣренїе есть свойство разума; для сего намѣревающееся должно быть разумно. Но всякое разумное намѣренїе безъ дѣйствїя есть мертво, тщетно и безполезно; а дѣйствїе безъ дѣйствующаго быть не можетъ. Слѣдовательно ежели въ чемъ одна часть для другой бытїе свое имѣетъ, то сїе произведено Существомъ разумнымъ.

Описанія. § 103. Кромѣ хрій и силлогизмовъ витіи столь часто разумножаютъ свои сочиненія, или части оныхъ, посредствомъ описаній, что почти всѣ творенія лучшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ ими наполнены. Сіе сочиненіе есть такой родъ слова, въ которомъ писатель старается сколько можно живѣе и яснѣе начертать въ мысляхъ другаго какой нибудь предметъ, представивъ воображенію своихъ читателей или слушателей отличныя его свойства и обстоятельства; такъ что съ сей стороны описанія тѣмъ только разнятся отъ лучшихъ картинъ, что въ нихъ слова замѣ-

няютъ искуство кисти и дѣйствіе красокъ. По маломъ размышленіи видно, что сочинитель описанія долженъ дѣлать весьма благоразумный выборъ тѣхъ свойствъ и обстоятельствъ, посредствомъ которыхъ онъ намѣренъ изобразить свой предметъ; ему надобно избирать такія только изъ нихъ, которыя были бы по большой части одному токмо сему предмету приличны, и притомъ своею чрезвычайностію привлекали бы къ себѣ наше вниманіе. Ибо не рѣдко совершенство и красота почти всего описанія зависитъ гораздо болѣе отъ щастливаго выбора одного или двухъ такихъ обстоятельствъ, нежели отъ пространнаго изчисленія оныхъ. Между тѣмъ великую также силу и важность сему сочиненію придаютъ употребленныя въ пристойныхъ мѣстахъ, и почерпнутыя изъ предлагаемыхъ качествъ и обстоятельствъ описуемаго предмета, собственныя мнѣнія сочинителя.

§ 104. Впрочемъ все то, что художество можетъ изобразить намъ посредствомъ своего искуства, можетъ быть также предметомъ описаній. И по сему не только Разные ихъ роды.

дѣйствительно существующія, но не рѣдко, особливо въ стихотвореніи, и вымышленныя вещи бываютъ ихъ содержаніемъ. Въ первомъ случаѣ описанія называются справедливыми, а во второмъ вымышленными. Сверхъ сего предметомъ оныхъ бываютъ иногда подлежащія чувствамъ, или Физическія вещи, иногда какое нибудь лице, иногда же достопамятное въ природѣ, или въ человѣческихъ обществахъ, случившееся произшествіе. По сей причинѣ описанія опять раздѣляются на Физическія, нравственныя и Историческія, называемыя повѣствованіями.

Описаніе Физическое.

§ 105. Физическое описаніе, имѣющее содержаніемъ какой нибудь чувственный предметъ, почти всегда начинается изображеніемъ качества, частей, и достопамятныхъ какъ Историческихъ, такъ и Физическихъ обстоятельствъ того мѣста, гдѣ находится описуемый предметъ. За симъ иногда слѣдуютъ мысли приисканныя отъ времени. По семъ изчисляются важнѣйшія свойства и обстоятельства, относящіяся до всего вообще онаго предмета. Но самымъ изобильнымъ въ сихъ описаніяхъ източникомъ раз-

умноженія бываетъ подробное изчисленіе главныхъ описуемой вещи частей, съ показаніемъ, изъ чего каждая изъ нихъ состоитъ, какія имѣетъ свойства, дѣйствія, страданія, причины и употребленіе. Все сіе обыкновенно бываетъ, такъ сказать, одушевлено Риторическими разумноженіями и украшеніями. Разположеніе сего описанія необходимо должно быть естественное, то есть, отвѣтствовать природному разположенію частей описуемой вещи.

Такимъ образомъ Флоріанъ во второй книгѣ своего Кордунскаго Гонзальва описываетъ Гренаду, бывшую во владѣніи Мавровъ, побѣдителей и обладателей Гишпаніи въ среднихъ вѣкахъ. Примѣръ.

Сія славная столица, построенная при подошвѣ снѣжныхъ горъ, возвышается на двухъ холмахъ посредѣ прелестныя страны. Дарро, котораго быстрыя волны несутъ злато въ своемъ нѣдрѣ, протекаетъ градъ въ его пространствѣ. Ксенилъ, котораго спасительныя воды подаютъ стадамъ здравіе, омываетъ ея высокія стѣны. Прекрасное

поле, въ которомъ почти безъ воздѣлованія произрастаютъ обильныя жатвы, цѣлые лѣса померанцевыхъ, масличныхъ сочетанныхъ съ виноградомъ, и пальмовыхъ деревъ смѣшанныхъ съ дубами, окружаютъ ее отъ всѣхъ странъ. Не изтощимыя ямы мрамора, ясла, алебастра, доставили украшеніе прекраснымъ чертогамъ, великолѣпнымъ зданіямъ, умноженнымъ во градѣ. Повсюду біющія въ верхъ воды прохлаждаютъ воздухъ, которымъ дышутъ, украшаютъ обширныя площади, куда ежедневно стекается для упражненія храброе юношество; и сады покрытые цвѣтами, приосѣненные во всякое время гранатовыми, миртовыми и кедровыми древами, составляютъ изъ прекраснѣйшаго града величайшую столицу въ Гишпаніи. Тамъ, казалось, соединены всѣ силы, все могущество Мавровъ; тамъ воздвигнутъ былъ храмъ наукъ и художествъ... Одѣянныя мраморомъ, мечети, гранитовые водопроводы, возвышались повсюду. Славный дворецъ Алгамбра, начатый Емиръ-Алмуменитомъ, былъ окончанъ Мулей-Гассемомъ; и сей памятникъ великолѣпія превосходитъ даже чудеса соображеніемъ содѣянныя.

Тамъ тысящи алебастровыхъ столповъ поддерживаютъ не измѣримые своды, которыхъ стѣны, покрытыя порфиромъ, сїяютъ златомъ и лазурью. Тамъ ключевыя и бїющїя въ верхъ воды составляютъ посредѣ покоевъ водопады изъ жидкаго сребра, наполняютъ ясповые проколы, и извиваяся текутъ по переходамъ. Вездѣ приятное благоуханїе цвѣтовъ смѣшивается съ ароматами, которые, куряся вездѣ въ подземныхъ сводахъ, возходятъ отъ подошвы столповъ, и исполняютъ благоуханїемъ воздухъ, которымъ дышемъ. Окна, обращенныя къ городу, къ прелестнымъ брегамъ двухъ рѣкъ, къ снѣжнымъ горамъ, представляютъ изумленному оку не престанно перемѣнные виды. Все, что услаждаетъ чувства, все, что искуство и природа, великолѣпїе и вкусъ, могутъ соединить въ пользу роскоши, находится совокупленно въ семъ прекрасномъ жилищѣ. На сторонѣ скачущихъ водъ, посредѣ богатыхъ рѣзьбъ, насупротивъ великолѣпныхъ видовъ, высѣчены на порфирѣ стихи Арапскихъ стихотворцевъ. . . . Сїе прелестное мѣсто окружено еще прелестнѣйшимъ садомъ, котораго поразительная простота не усту-

лаетъ пышности дворца; ето славный Генералифъ, извѣстный въ Африкѣ и въ Азіи, предметъ зависти великомощныхъ Калифовъ, которые въ Каирѣ, въ Багдадѣ, тщетно покушались сдѣлать оному подобный. Входя въ оный не поражаются изумленіемъ; удовольствованныя очи не усматриваютъ сихъ усилій искуства, сихъ блистательныхъ чудесъ, которыя меньше нравятся, нежели удивляютъ, и рождаютъ токмо понятіе о богатствѣ или могуществѣ: все напротивъ того въ ономъ представляетъ образъ сихъ удобныхъ благъ, въ которыхъ не удивленіе, но наслажденіе состоитъ. Померанцевыя и миртовыя древа пересѣкаютъ зеленыя долины, чистою водою орошенныя. Сіи древа, насажденныя искусно сокрываютъ и открываютъ взаимно отдаленные виды, увеселительныя деревни, возделанныя поля, ледъ обременяющій горы, чертоги, памятники Гренадскіе. При каждомъ мгновеніи плодоносные холмы представляютъ виноградъ, дикія маслины, сеннетныя, гранатовыя древа, переплетающія свои плоды и цвѣты. Иногда шумящій водопадъ стремится съ высоты каменныя горы; иногда тихій

ручей изтекаетъ съ журчаніемъ изъ розоваго куста. Тамъ удаленная пещера, въ которой многіе источники живыя воды протекаютъ; здѣсь темная роща, въ коей тысячи соловьевъ летаютъ; вездѣ наконецъ многоразличный видъ, новое наслажденіе, заставляютъ ощущать при каждомъ шагѣ сладостное чувствованіе, или чистѣйшее удовольствіе.

§ 106. Содержаніемъ нравственнаго описанія, какъ уже сказано, бываетъ какое нибудь лице, а намѣреніемъ то, чтобы дать о немъ справедливое и достаточное понятіе. По сей причинѣ не только изчисляются тѣлесныя его свойства, представляется знаменитость его предковъ, достопамятныя обстоятельства его рожденія, воспитанія и внѣшняго состоянія; но всего болѣе показуется состояніе ума и сердца его, изображаются отличныя природныя дарованія, просвѣщеніе, господствующія въ немъ страсти, добродѣтели, а не рѣдко и пороки, сверхъ сего показуются знаменитыя его дѣла. Наконецъ витіи съ отличною иногда красотою и пріятностію разумножаютъ сіи сочиненія сравненіемъ — Нравственное.

описуемаго ими лица съ другимъ ему подобнымъ. Разположенïе въ нихъ почти всегда бываетъ искуственное, и основанное на благоразумiи писателя.

Примѣръ. *Примѣровъ сего описанiя великое множество находится наиболѣе у Историковъ: но я предлагаю здѣсь за образецъ сдѣланное Волтеромъ въ его Генрïадѣ (пѣснь 3.) описанïе Герцога Гиза, по прозванiю Балафре.*

Вдругъ является Гизъ; и непостоянный народъ тотчасъ обращаетъ свои взоры на сïе блестящее свѣтило. Его храбрость, его дѣла, слава его отца, его привлекательный видъ, его красота, сей щастливый даръ нравиться, владычествующïй своими побѣдоносными прелестями надъ сердцемъ, дѣлали всѣхъ приверженными къ нему. Никто лучше его не зналъ искуства обольщать; никто не имѣлъ болѣе власти надъ своими страстями; и никто не умѣлъ лучше подъ обманчивою наружностïю сокрывать мрачную бездну обширныхъ намѣренiй. Будучи гордъ, высокомѣренъ, но показывая себя почтительнымъ и

преданнымъ народу, явно соболѣзновалъ о бѣдности его, и съ ненавистію говорилъ о тягостномъ бремени налоговъ. Бѣдный, пришедшій къ нему, возвращался отъ него щастливымъ. Онъ умѣлъ предупредить робкое убожество. Его благодѣянія возвѣщали его присутствіе въ Парижѣ. Онъ заставлялъ любить себя вельможей, которыхъ самъ ненавидѣлъ. Страшенъ и не примиримъ въ раздорахъ, дерзокъ въ своихъ предпріятіяхъ, но благоразуменъ въ своихъ коварствахъ; отмѣнитъ своими добродѣтелями, и даже своими пороками; онъ зналъ, что есть нещастіе, но ничего не ужасался; однимъ словомъ, онъ былъ щастливый воинъ, великій вельможа, но худый гражданинъ.

§ 107. Историческое описаніе должно дать ясное понятіе о какомъ нибудь достопамятномъ произшествіи. Здѣсь болѣе всего витія долженъ показать свое искуство и дарованіе въ выборѣ такихъ обстоятельствъ, которыя бы не только живо начертали въ воображеніи читателя или слушателя оное произшествіе, но еще поражали его сердце, возпламеняя въ немъ — Историческое.

то одну, то другую страсть, соотвѣтственно различному содержанію описанія. Впрочемъ оно, подобно Физическому, по большой части начинается мыслями, присканными отъ мѣста и отъ времени описуемаго дѣла. Но самое твердое и мужественное разумноженіе въ немъ доставляютъ причины онаго случая, качества и побужденія дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ, знатнѣйшія и любопытнѣйшія онаго обстоятельства, и наконецъ важнѣйшія его слѣдствія. Обыкновенно сіи сочиненія имѣютъ природное разположеніе; поелику писатели всегда въ нихъ слѣдуютъ естественному порядку описуемыхъ ими обстоятельствъ. Однако должно изключить изъ сего пространныя стихотворческія повѣствованія, которыя всегда начинаются знаменитымъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, случившимся уже послѣ многихъ другихъ, составляющихъ важную часть всего произшествія. Не должно однако думать, чтобы стихотворцы совсемъ опускали сіи предварительныя обстоятельства: они въ пристойномъ мѣстѣ повѣствованія заставляютъ своего Героя, или другое

участвующее въ произшествіи лице, разсказывать ихъ.

Совершеннымъ образцемъ Историческаго въ прозѣ описанія можетъ быть Ливіево (кн. 1. гл. 25.) повѣствованіе о сраженіи трехъ братіевъ со стороны Римлянъ, называемыхъ Гораціями, противу трехъ же братіевъ со стороны Албанцевъ, называемыхъ Кураціями. Случаемъ сего сраженія было условіе, сдѣланное у Римлянъ съ Албанцами послѣ бывшей между сими народами войны; чтобы избранные съ каждой стороны три воина своимъ оружіемъ рѣшили, которому изъ сихъ двухъ народовъ быть повелителемъ другаго. Вотъ самое повѣствованіе. Примѣръ.

По заключеніи условія, съ каждой стороны вооружаются, какъ положено было, три брата. Оба народа представляютъ своимъ ироямъ, что ихъ боги. ихъ отечество, ихъ родители, находящіеся въ городѣ и въ станѣ ихъ сограждане, всѣ теперь устремляютъ свои взоры на ихъ оружіе, на ихъ храбрость. Они, будучи сами по себѣ мужественны, и содержа въ свѣжей памяти сіи увѣщанія,

выходятъ на средину между двухъ войскъ. Войска были разположены вокругъ ратнаго поля, и хотя не видѣли собственной своей опасности, но не менѣе претерпѣвали въ душѣ своей безпокойство. Дѣло шло о правѣ повелѣвать; и рѣшенie сего права ввѣрено было храбрости и судьбѣ нѣсколькихъ токмо воиновъ. И такъ обѣ армiи то съ надеждою, то со страхомъ обращаютъ все свое вниманie на сie весьма занимающее ихъ позорище. Дается знакъ; съ каждой стороны три воина, замѣняющie собою мужество великихъ армiй, идутъ одни противъ другихъ съ непрiятельскимъ въ рукахъ оружiемъ. Не собственная опасность, но господствованie, или порабощенie своихъ согражданъ, и будущая своего отечества судьба, которой они должны быть виновниками, представлялися единственно въ ихъ мысляхъ. Какъ скоро при первомъ нападенiи раздался звукъ оружiй, и показался блескъ обнаженныхъ мечей; то чрезмѣрный ужасъ поразилъ зрителей, такъ что они пребывали почти безъ гласа и дыханiя, пока надежда не преклонилася ни на которую сторону. Потомъ когда ирои уже начали вблизи

сражаться другъ со другомъ; и когда не токмо ихъ движенія, не токмо не рѣшительные еще обороты въ ихъ рукахъ оружія, но уже ихъ раны и кровь были усмотрены зрителями: въ то время двое изъ Римлянъ пали мертвы къ ногамъ Албанцевъ, которые всѣ трое были ранены. Албанское войско при семъ видѣ подъемлетъ великій радостный крикъ: напротивъ сего Римскіе полки, лишившися всей надежды, были въ превеликомъ безпокойствѣ объ участи оставшагося своего ироя. Они содрогалися, видя, что его окружали трое Курацїевъ. По щастїю онъ былъ еще не раненъ. Онъ не могъ сопротивляться всѣмъ троимъ совокупно: но гораздо сильнѣе былъ каждаго изъ нихъ порознь. Въ сихъ мысляхъ онъ обращается въ бѣгство, дабы раздѣлить своихъ непріятелей. Онъ предвидѣлъ, что во время ихъ преслѣдованїя можетъ напасть на каждаго изъ нихъ особливо, и каждаго оставить на мѣстѣ. Уже онъ довольно удалился отъ мѣста сраженїя, какъ обратившися видитъ своихъ непріятелей, бѣгущихъ за нимъ въ великомъ одинъ отъ другаго разстоянїи. Одинъ изъ нихъ былъ уже весьма не далекъ

отъ него. Горацій вдругъ устремляется на него; и между тѣмъ какъ Албанское войско кричитъ его братіямъ, чтобы подали ему помощь, Римлянинъ повергши своего врага, и видя себя побѣдителемъ спѣшитъ ударить на втораго своего неприятеля. Римляне подъемлютъ крикъ, какой обыкновенно бываетъ при внезапной радости. Сей крикъ его ободряетъ; такъ что онъ успѣлъ уже низложить втораго Курація, прежде нежели третій изъ нихъ, бывшій также не въ дальнемъ разстояніи, могъ съ нимъ соединиться. Уже оружіе пришло въ равновѣсіе, когда на каждой сторонѣ осталося по одному воину; но надежда и силы дѣлали ихъ весьма не равными. Одинъ не видя, чтобъ оружіе неприятеля гдѣ нибудь коснулося его тѣла, и гордяся двукратною побѣдою, съ новымъ мужествомъ готовился къ третіему сраженію. Другой едва могши итти, будучи обезсиленъ раною и бѣгствомъ, и сраженъ смертію двухъ своихъ братіевъ, которые пали мертвы въ его глазахъ, видѣлъ предъ собою побѣдоноснаго неприятеля. И такъ сіе сраженіе уже не можно было назвать сраженіемъ. Римлянинъ, торжествуя

напередъ: двухъ, говоритъ, своихъ непрiятелей я принесъ въ жертву тѣнямъ своихъ братiевъ; а кровiю третiяго запечатлѣю вину сея войны, содѣлавъ Римлянъ повелителями Албанцевъ. Сказавъ сiе между тѣмъ, какъ Курацiй едва могъ держать въ рукахъ свое оружiе, онъ вонзаетъ ему въ горло мечь, и повергши на землю, снимаетъ съ него вооруженiе. Римляне встрѣчаютъ Горацiя съ возхищенiемъ и благодаренiями; тѣмъ болѣе радуяся, чѣмъ ближе къ опасности были. По семъ обѣ стороны равномѣрно помышляютъ о погребенiи убiенныхъ своихъ героевъ, но не равныя ощущаютъ въ своихъ сердцахъ чувствiя; поелику одни видѣли себя повелителями, а другiе порабощенными ихъ власти.

§ 108. Множество есть примѣровъ, что превосходные писатели иногда такъ предлагаютъ свое собственное сочиненiе, что въ немъ нигдѣ не видно сочинителя, но все до слова говорятъ постороннiя какiя нибудь лица подъ видомъ взаимнаго между собою обращенiя. Такое сочиненiе у риторовъ и называется разговоромъ; поелику оно есть совершенное подобiе изустныхъ на- О разговорахъ.

шихъ между собою разговоровъ. Мы въ сихъ или разсуждаемъ, или споримъ о чемъ нибудь, или другъ другу что разсказываемъ; такая же точно бываетъ матерія и въ Риторичечкихъ разговорахъ. Сверхъ сего какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, разсуждая или споря о чемъ, мы дѣлаемъ не что иное, какъ разумножаемъ матерію своего разговора различными частями хріи, или Риторическихъ силлогизмовъ, но такъ что почти всегда одну часть одно, а другую другое разговаривающее лице предлагаетъ. Когда же другъ другу повѣствуемъ о чемъ, въ такомъ случаѣ разговоръ есть точное повѣствованіе, прерываемое часто другимъ разговаривающимъ лицемъ посредствомъ или вопросовъ, или изъявленія удивленія, радости, подтвержденія, и проч.

Части разговора.

§ 109. Искуство науки предписываетъ, чтобы сочиненный по ея правиламъ разговоръ имѣлъ три части, то есть, приступъ, изслѣдованіе и заключеніе. Первый долженъ содержать въ себѣ такія посторонія мысли, которыя бы показывали, какой былъ поводъ и случай вступить въ разговоръ о той ма-

шеріи, о которой писано сіе сочиненіе, и слѣдственно которыя бы не чувствительно довели до нее читателя. При всемъ томъ сія часть должна быть весьма кратка. Въ изслѣдованіи разумножается показаннымъ образомъ матерія; и оно не имѣетъ предписанныхъ себѣ предѣловъ. Наконецъ въ заключеніи, которое подобно приступу бываетъ весьма коротко, показывается, чѣмъ кончился разговоръ; то есть, въ немъ разговаривающія лица или согласуются между собою на одно мнѣніе, когда въ изслѣдованіи онѣ спорили, или взаимныя другъ другу дѣлаютъ учтивости, и тому подобное.

§ 110. Долгъ витіи также изобрѣсти имена разговаривающихъ лицъ и самаго разговора. Когда онъ представляетъ разговаривающими истинныя, то есть, дѣйствительно бывшія или находящіяся лица; то благоразуміе требуетъ отъ него, дабы все то, что каждое изъ нихъ будетъ говорить, сходствовало съ тѣми понятіями, какія о нихъ всѣ имѣютъ. Когда же напротивъ сего у писателя будутъ разговаривать вымышленныя имъ самимъ лица, и когда слѣдственно онъ самъ

Разговаривающія лица, и имя разговора.

долженъ дать имъ имена; въ семъ случаѣ ихъ названія должны отвѣтствовать тѣмъ понятіямъ, какія мы о нихъ должны получить изъ всего того, что каждое изъ нихъ въ самомъ разговорѣ будетъ говорить. Нужно примѣтить, что иногда въ срединѣ, или въ концѣ разговора вводится такое разговаривающее лице, котораго совсемъ не было съ начала. Что касается до имени разговора; то или оно почерпается изъ его содержанія, или бываетъ онымъ имя главнаго разговаривающаго лица.

Примѣръ разговоровъ.

§ 111. *Остается всѣ сіи правила объяснить примѣромъ. Для сего я предлагаю здѣсь Еразмовъ разговоръ, въ которомъ онъ говоритъ, что одно прилѣжаніе доводитъ до успѣховъ въ наукахъ. Разговоръ сей у него названъ,*

Тайное искуство;

а разговаривающія лица, Дезидерій, Еразмій.

Д. Каково ты успѣваешь, Еразмій? Е. Музы, какъ кажется, мнѣ не благопріятствуютъ; но я горазда лучше бы успѣвалъ, естьли бы могъ упросить васъ въ одномъ дѣлѣ.

Д. Будь увѣренъ, что ты можешь все у меня выпросить, что только можетъ быть въ твою пользу. И такъ скажи токмо, что тебѣ отъ меня нужно. Е. Я не сомнѣваюся, что всѣ тайныя искуства вамъ извѣстны. Д. Дай Богъ, чтобы сіе было справедливо! Е. Я слышалъ, что есть нѣкоторое тайное искуство, при помощи котораго человѣкъ съ весьма малымъ трудомъ можетъ узнать всѣ науки. Д. Что я слышу? Видѣлъ ли ты о семъ книгу? Е. Видѣлъ, но не могу болѣе ничего сказать о ней, какъ только что видѣлъ; потому что мнѣ болѣе не позволилъ ея хозяинъ. Д. что же содержала она въ себѣ? Е. Изображенія различныхъ животныхъ, драконовъ, львовъ, леопардовъ, сверхъ сего разные круги, въ которыхъ написаны были нѣкоторыя частію Греческія, частію Латинскія, частію Еврейскія, частію изъ другихъ не внятныхъ мнѣ языковъ слова. Д. Какъ говорится въ сей книгѣ, во сколько дней можно узнать всѣ науки? Е. Въ четырнацать. Д. Лестное обѣщаніе! Но знаешь ли ты, чтобы кто нибудь при помощи сего тайнаго искуства сдѣлался ученымъ? Е. Нѣтъ. Д. Да и никто не видалъ, и

никто не увидитъ; развѣ тогда, когда увидимъ, что кто нибудь посредствомъ Алхимїи сдѣлается богатымъ. Е. Однако я желалъ бы, чтобъ сїе искуство было истинно. Д. И вѣрно для того, что скучно столько употреблять трудовъ для достиженія успѣха въ наукахъ? Е. Правда. Д. Но такъ угодно Небу. Оно иногда лѣнивымъ и не достойнымъ даетъ обыкновенное богатство, какъ то, золото, дорогїе камни, сребро, домы: между тѣмъ опредѣлило, чтобы никто безъ труда не могъ получить того богатства, которое въ самомъ дѣлѣ достойно сего имени и которое одно есть собственное наше. И такъ не должно скучать такимъ трудомъ, который доставляетъ намъ толь драгоцѣнное богатство, когда весьма многїе подвергая себя ужаснымъ опасностямъ и безчисленнымъ трудамъ, стараются получить какїя нибудь маловременныя и въ сравненїи съ просвѣщенїемъ совершенно маловажныя вещи; и когда при всемъ томъ они никогда не достигаютъ до своего желанїя. Сверхъ того труды, употребляемые на просвѣщенїе себя, приносятъ нѣкоторое сладкое удовольствїе, какъ

скоро человѣкъ начнетъ въ семъ успѣвать. Но ты уже столько въ сіе дѣло вошелъ, что теперь въ состояніи самъ прогонять оную скуку. Е. Какимъ образомъ? Д. Вопервыхъ старайся получить пристрастіе къ наукамъ; сверхъ того не съ обыковеннымъ равнодушіемъ на нихъ взирай. Е. Но какъ я могу сіе сдѣлать? Д. Представь себѣ, сколь многихъ онѣ обогатили; сколь многихъ возвели на высокую степень достоинства и уваженія, а притомъ вообрази, сколь велико различіе между человѣкомъ и скотомъ. Е. Вашъ совѣтъ справедливъ. Д. По семъ приучи свой разумъ къ тому, чтобъ онъ могъ самъ собою повелѣвать, и увеселяться тѣмъ, что приноситъ пользу, а не забаву. Все, что само по себѣ похвально, хотя съ начала бываетъ нѣсколько скучно, но отъ навыка дѣлается приятнымъ. Такимъ образомъ ты и менѣе причинишь труда своему учителю, и скорѣе можешь понимать его наставленія, по словамъ Исократа, которыя достойны того, чтобы ты ихъ написалъ на первомъ листѣ своей книги золотыми буквами; то есть, когда будешь жаденъ къ познанію, то много узнаешь. Е. Я довольно

имѣю остроты, чтобы понимать; но тотчасъ выходитъ изъ головы, что пойму. Д. И такъ ты мнѣ говоришь о дыравой бочкѣ? Е. Вы угадали. Но какъ сему помочь? Д. Надобно замазать скважину, чтобы бочка не текла. Е. Чѣмъ? Д. Не смолою и не извезстью, а прилѣжаніемъ. Кто учитъ однѣ слова, не понимая ихъ содержанія, тотъ скоро забываетъ. Слова, по выраженію Гомера, крылаты, и скоро улетаютъ, естьли мысли не даютъ имъ тяжести. И такъ прежде всего должно стараться совершенно понять, потомъ не однократно представлять въ мысляхъ и повторять; словомъ, должно, какъ выше сказано, приучить разумъ къ тому, чтобъ онъ могъ заниматься размышленіемъ, когда только то нужно. Напротивъ сего кто имѣетъ такой грубой разумъ, котораго не можно сдѣлать привычнымъ къ сему; тотъ ни мало не способенъ къ наукамъ. Е. Но я собственнымъ опытомъ знаю, сколько сіе трудно. Д. Кто имѣетъ толь бѣглое вниманіе, что не можетъ долго заниматься размышленіемъ объ одномъ дѣлѣ; тотъ не можетъ также долго слушать. когда кто говоритъ, ни удержать въ

памяти то, что узналъ. На свинцѣ можно что нибудь изобразить, потому что онъ лежитъ на одномъ мѣстѣ; напротивъ сего на водѣ, или на ртути ничего, отъ того, что онѣ въ безпрестанномъ движенiи. И такъ естьли ты можешь приучить къ тому свое вниманiе; то при помощи частаго обращенiя съ просвѣщенными людьми, которые въ своихъ разговорахъ всегда открываютъ то, что достойно нашего познанiя, съ малымъ трудомъ узнаешь весьма много. Е. Безъ сомнѣнiя. Д. Каждый разъ за обѣдомъ съ ними кромѣ обыкновенныхъ въ такомъ собранiи рѣчей и разговоровъ услышишь отъ нихъ по крайней мѣрѣ восемь самыхъ лучшихъ изреченiй, которыя всѣ почерпнуты изъ превосходнѣйшихъ писателей; и столько же за ужиномъ. Теперь сочти, сколько такихъ изреченiй узнаешь ты въ каждый мѣсяцъ, и сколько въ годъ. Е. Чрезвычайно много, естьли бы я только могъ упомнить. Д. Сверхъ того слушая всегда токмо такихъ, которые хорошо говорятъ на иностранныхъ языкахъ, безъ дальняго затрудненiя выучишся онымъ, судя потому что иные дѣти и безъ наставленiя въ короткое

время научаются говорить по Французски и по Аглински. Е Я буду слѣдовать вашему совѣту, и постараюся изпытать, могу ли я привыкнуть къ повелѣніямъ Музъ. Д. Я другаго тайнаго искуства не знаю, кромѣ старанія, любви и неусыпности.

Большая рѣчь, или слово.

§ 112. Порядокъ требуетъ теперь показать важнѣйшія прозаическія сочиненія. Онѣ суть большая рѣчь, или такъ называемое слово, и Исторія. Первое въ разсужденіи составныхъ его частей есть не что иное, какъ нѣсколько соединенныхъ между собою, и къ одной главной относящихся матеріи, хрій и Риторическихъ силлогизмовъ; а судя со стороны его содержанія и намѣренія; оно есть такое сочиненіе, въ которомъ витія сильными и достаточными доказательствами или подтверждаетъ, или опровергаетъ какую нибудь матерію, и при томъ со всемъ возможнымъ искуствомъ краснорѣчія; такъ что онъ здѣсь имѣетъ случай показать свое знаніе и свою опытность во всѣхъ частяхъ сей науки; словомъ, большая рѣчь есть то совершеннѣйшее произведеніе краснорѣчія,

которое должно доставить витіи побѣду надъ невѣжествомъ, предубѣжденіемъ и самыми пристрастіями.

§ 113. Когда мы въ личномъ обращеніи намѣрены бываемъ сообщить другому что нибудь весьма важное, и при томъ собственно до него, или до насъ касающееся; то обыкновенно не вдругъ ему сіе открываемъ, но начавъ посторонними обстоятельствами помалу доводимъ его до своего намѣренія. Сіе правило благоразумія наблюдаютъ и витіи въ большихъ рѣчахъ. Они начинаютъ ихъ тѣмъ, что служитъ нѣкоторымъ какъ бы преддверіемъ, или предуготовленіемъ слушателей къ самому сочиненію. Сіе составляетъ первую часть, называемую приступомъ. Послѣ сего когда матеріею всей рѣчи будетъ такая мысль, которая такъ соединена съ какимъ нибудь историческимъ происшествіемъ, что не зная сего не можно ясно выразумѣть оную; въ такомъ случаѣ сочинитель послѣ приступа пересказываетъ слушателямъ сіе произшествіе. Въ семъ состоитъ вторая частъ большой рѣчи, извѣстная подъ именемъ по-

Ея части.

Приступъ.

Повѣствованіе.

Предложеніе. Изслѣдованіе. вѣствованія. За нею слѣдуетъ предложеніе или матерія. По семъ ораторъ предлагаетъ служащія къ подтвержденію, или опроверженію оной доказательства, и также отражаетъ, естьли есть противныя ей мнѣнія съ ихъ доводами. Все сіе называется изслѣдованіемъ, и составляетъ четвертую часть рѣчи.

Заключеніе. Наконецъ должно слѣдовать заключеніе, послѣдняя и такая часть, въ которой витія наиболѣе долженъ употребить средствъ къ предположенному успѣху въ своемъ дѣлѣ.

О приступѣ. § 114. И такъ приступъ употребляютъ ораторы единственно для того, дабы посредствомъ его сдѣлать слушателей внимательнѣе, и дать имъ о себѣ хорошія мысли. Всякой видитъ, что успѣхъ въ семъ не маловажномъ дѣлѣ зависитъ отъ собственнаго благоразумія сочинителя; и что сіе благоразуміе состоитъ въ томъ, дабы не сказать чего нибудь, изъ чего бы слушатель могъ худо заключить о качествахъ ума, или сердца витіи, и замѣтить въ немъ или легкомысліе, или чрезмѣрное самолюбіе и тщеславіе, или недоброжелательство и пристрастіе, или пренебреженіе ува-

жаемыхъ въ обществѣ мнѣній и обычаевъ, или наконецъ не уваженіе своихъ слушателей. Не менѣе также къ возбужденію въ нихъ вниманія къ сочиненію и благосклонности къ сочинителю способствуетъ то, когда содержаніе приступа будетъ такъ близко къ матеріи, что оно не чувствительно и скоро доводитъ до ней слушателя; словомъ, пристойность и краткость сей части рѣчи почитаются въ числѣ главныхъ ея совершенствъ.

§. 115 Постороннія обстоятельства, отъ которыхъ изобрѣтаются мысли для приступа, суть или тотъ достопамятный случай, на который витія сочиняетъ свое слово, или то мѣсто, гдѣ онъ его будетъ произносить, или состояніе слушателей, или состояніе самаго сочинителя, или иногда важность, польза и пріятность матеріи. И такъ ораторъ, начавъ свой приступъ почерпнутыми иногда отъ одного, иногда же отъ нѣсколькихъ вдругъ показанныхъ обстоятельствъ, мыслями, и потомъ выводя одну мысль изъ другой такимъ образомъ, что почти въ каждомъ періодѣ дѣлаетъ ближайшій

Изобрѣтенїе,

Разположенїе

шагъ къ своей матеріи, все сіе предлагаетъ въ видѣ или превращенной хріи, или какого нибудь Риторическаго силогизма, или и обоихъ вмѣстѣ. Превосходные витіи въ сей части рѣчи почти всегда удерживаются отъ всего того, что отзывается искуствомъ высокаго рода; изключая однако тѣ обстоятельства, кагда случай, на который нарочно сочинено слово, будетъ весьма важенъ.

И украшеніе приступа.

Примѣръ.

Примѣромъ сихъ правилъ можетъ быть слѣдующій приступъ, взятый изъ слова, произнесеннаго при погребеніи одного знаменитаго и долговѣчнаго Россійскаго Патріота.

И такъ! — Мужъ, исполненный долготою дней, скончался въ малѣ! — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшій на вѣки взоръ его. — Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. — Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце оросит слезою гробницу его. . . И симъ ли свершились воздаянія тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ Престолу, Отечеству, свѣту? — Потомство со-

плететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серломъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь, или мраморъ? — Но подъ тяжестію сею изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже великій! Для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? — Чтожъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ; или предъ мравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всемъ сердцемъ и душею, всей крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверстія гроба? — Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ: но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами: ибо не можемъ украсить ее не тлѣнными. — Такъ! Самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія, и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности.

Предложеніе слова.

О повѣствованіи.

§ 116. Въ повѣствованіи ораторы такимъ образомъ пересказываютъ то произшествіе, съ которымъ соединена матерія ихъ рѣчи, что сообразно съ порядкомъ времени предлагаютъ одно обстоятельство послѣ другаго, которыя существенное имѣютъ отношеніе къ оному произшествію, и служатъ въ пользу той стороны, какую принимаетъ витія. Есть примѣры, что ораторы и въ такомъ случаѣ, когда матерія ни съ какимъ не соединена произшествіемъ, но будетъ или темна, или сомнительна, или не внятна по причинѣ своей новости, вмѣсто повѣствованія изъясняютъ ея смыслъ нарочною частію рѣчи, но такъ что ея изтолкованіе служитъ источникомъ тѣхъ доказа-

тельствъ, которыя будутъ составлять изслѣдованіе. Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ сія часть рѣчи въ разсужденіи украшеній подобна предъидущей. Я долженъ сказать, что наши Россійскіе ораторы почти никогда не употребляютъ въ своихъ рѣчахъ повѣствованія; и сіе потому, что ихъ матеріи по большой части не того рода, чтобы требовали онаго. По сей причинѣ я не предлагаю здѣсь и примѣра.

§ 117. И по сему у насъ послѣ приступа всегда слѣдуетъ предложеніе, весьма краткая часть рѣчи, въ которой ораторъ безъ разумноженія и безъ украшеній предлагаетъ матерію своего слова. Она всегда бываетъ соединена съ приступомъ. Крайне нужно замѣтить, что успѣхъ всего слова весьма много зависитъ отъ выбора матеріи; и что въ семъ случаѣ наблюдается, дабы она была прилична мѣсту и времени, гдѣ и когда будетъ произносима рѣчь, состоянію какъ слушателей, такъ и самаго сочинителя; и чтобы сверхъ того была новая мысль. О предложеніи.

§ 118. Изслѣдованіе есть такая часть слова, которая почти Объ изслѣдованіи.

единственно его составляетъ, и въ которой ораторъ наиболѣе долженъ употребить все свое искусство въ краснорѣчіи. Главнымъ основаніемъ и содержаніемъ сей части рѣчи суть изобрѣтенныя сочинителемъ болѣе для подтвержденія, а иногда и для опроверженія матеріи доказательства, предлагаемыя съ обыкновеннымъ риторическимъ размноженіемъ и украшеніемъ. Сіи доказательства суть не что иное, какъ причины, служащія къ подтвержденію той стороны матеріи, какую въ разсужденіи ея принимаетъ ораторъ. Когда она будетъ того рода, что требуетъ почти одного только риторическаго искуства, то приисканныя къ подлежащему оной отъ риторическихъ мѣстъ мысли бываютъ ея доказательствами. Но естьли ораторъ въ ней своихъ слушателей или склоняетъ къ чему, или отвращаетъ отъ чего нибудь; то оныя побольшой части изобрѣтаются въ первомъ случаѣ отъ честнаго, полезнаго, пріятнаго, удобнаго и необходимаго; въ противномъ же отъ противныхъ симъ източниковъ.

Доказательства.

§ 119. Подъ именемъ честнаго разумѣются наши обязанности въ разсужденіи Бога, ближняго и самихъ себя. И такъ отъ сего источника можно изобрѣсти три доказательства, показавъ, что чрезъ исполненіе предлагаемаго въ матеріи совѣта докажемъ любовь 1. къ Богу, 2. къ ближнему, 3. къ самимъ себѣ. По семъ изобрѣтаются оныя отъ полезнаго, то есть, изчисляются различные виды происходящей отъ того, къ чему убѣждаетъ ораторъ, пользы, а именно, въ разсужденіи 1. нравственности, 2. тѣла, 3. общественнаго, и 4. семейственнаго, или домашняго, или хозяйственнаго состоянія. Отъ пріятнаго берется по большой части два доказательства, то есть, показываетъ ораторъ, что исполненіе предлагаемаго имъ совѣта соединено съ удовольствіемъ 1. разума, или внутреннимъ, 2 чувствъ, или внѣшнимъ. Отъ удобнаго прінскиваются оныя такимъ образомъ. Сочинитель показываетъ слушателямъ, что дѣло, къ которому онъ ихъ преклоняетъ, не подвержено затрудненіямъ 1. ни со стороны ихъ личныхъ способностей, 2. ни со стороны

Особливые источники доказательствъ

требуемаго на то времени и 3. имѣнія. Наконецъ не рѣдко сильное доказательство берется отъ необходимаго, когда витія можетъ показать, что не принязъ предлагаемаго имъ совѣта, не можно исполнить какаго нибудь важнаго намѣренія. Въ такомъ случаѣ, когда сочинитель въ матеріи убѣждаетъ оставить что нибудь, или вовсе не предпринимать; то, какъ сказано выше, изобрѣтаются доказательства отъ противныхъ показаннымъ източниковъ, раздѣляя также ихъ на содержащіеся подъ ними, и противные показаннымъ выше виды.

Примѣръ изобрѣтенія доказательствъ

§ 120. Объяснимъ всѣ сіи правила примѣромъ. Положимъ, что матеріею рѣчи будетъ сія мысль: *будь доволенъ своимъ жребіемъ.*

Доказательства

I. Отъ честнаго:

1. *Докажешь должное повиновеніе Промыслу.*

2. *Не захочешь лишить другихъ того, что имъ принадлежитъ.*

3. *Будешь спокоенъ духомъ.*

II. *Отъ полезнаго:*

1. Не будешь подверженъ негодованію и малодушію.

2. Не изнуришся безполезными трудами.

3. Заслужишь довѣренность согражданъ.

4. Больше будешь имѣть попеченія о своей собственности.

III. *Отъ приятнаго:*

1. Все, чемъ будешь владѣть, будетъ утѣшать тебя, что правильно тебѣ принадлежитъ.

2. Приятно будетъ слышать похвалы твоему равнодушію.

IV. *Отъ удобнаго:*

1. Ты человѣкъ просвѣщенный.

2. Ты уже пережилъ большую половину жизни.

3. Довольно имѣешь своего собственнаго.

V. *Отъ необходимаго:*

Одни умѣренные щастливы.

§ 121. Безъ сомнѣнія не ко вся· О разумкой матеріи можно приискать до-ноженіи казательсства отъ всѣхъ показан- и разно-

ложенїи доказательствѣ ныхъ изпючниковъ; однако всегда лучше спараться изобрѣсти ихъ сколько можно болѣе, не для того чтобы всѣ употребить въ рѣчи, но чтобы выбрать изъ нихъ сильнѣйшія. Каждое изъ сихъ избранныхъ уже доказательствъ разумножается по правиламъ хріи, или риторическаго силогизма, или обоихъ вмѣстѣ; и всѣ сіи части изслѣдованія должны быть связаны такъ, чтобы составляли одно непрерывное сочиненіе. Что касается до ихъ размѣщенія; то превосходные ораторы по большой части самыя убѣдительныя изъ нихъ полагаютъ позади всѣхъ, а слабѣйшія прочихъ въ срединѣ.

Примѣръ разумноженїя и разположенїя доказательствѣ

§ 122. Поелику цѣлое изслѣдованіе большой рѣчи здѣсь не вмѣстно; то я для примѣра предлагаю одну краткую рѣчь изъ Курція, которою одинъ изъ нещасшныхъ Грековъ при объясненномъ выше во 101. §. случаѣ старался убѣдить своихъ сотоварищей остаться въ Персіи. *Первымъ* у него *доказательствомъ* служитъ то, *что они не могутъ уже въ отечествѣ найти того благополучія, какое прежде тамъ имѣли. Вторымъ, что они будучи всѣ*

изувѣчены, не могутъ дойти до Греціи. Кто живо вообразитъ себѣ то не побѣдимое желаніе, какое должны были чувствовать оные Греки, увидѣть свое отечество; тотъ безъ сомнѣнія увидитъ, что второе изъ помянутыхъ доказательствъ гораздо слабѣе перваго. Наконецъ есть еще *третіе*, которое состоитъ въ томъ, *что они не могутъ оставить въ Персіи новыхъ своихъ женъ и дѣтей:* и сіе положено позади другихъ для того, что два предъидущія должны дѣйствовать надъ разумомъ, а сіе послѣднее надъ сердцемъ слушателей. Вотъ самая сія рѣчь.

Не давно мы стыдилися показаться изъ мрачной темницы на свѣтъ для изпрошенія себѣ помощи, бывши въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ: а теперь будучи обнадежены царемъ, хотимъ итти въ Грецію показать своимъ соотечественникамъ, какъ бы нѣкоторое приятное зрѣлище, то ужасное состояніе, въ какомъ мы находимся, и которое, не могу сказать, болѣе ли отвращенія къ самимъ себѣ, или болѣе стыда должно въ насъ произвести. Лучшее средство сносить

нещастіе состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть его сокрыть; и нѣтъ пріятнѣйшаго отечества для нещастныхъ, какъ уединеніе, соединенное съ забвеніемъ прежняго благосостоянія. Кто весьма много надѣется на соболѣзнованіе своихъ соотечественниковъ, тотъ худо знаетъ человѣческое сердце; тотъ не знаетъ, что проливаемыя другими въ такихъ случаяхъ слезы весьма скоро осыхаютъ. Люди не долго любятъ тѣхъ, которые имъ въ тягость. Ибо нещастные любятъ безпрестанно жаловаться; а щастливые по причинѣ своего высокомѣрія скоро начинаютъ тѣмъ скучать: такъ что всякой по своему состоянію судитъ о состояніи другаго. Мы давно бы уже другъ другу были не сносны, естьли бы не всѣ равномѣрно были нещастны. По сему удивительно ли, что щастливые всегда хотятъ имѣть дѣло съ подобными себѣ. И такъ повѣрьте мнѣ, что мы гораздо благоразумнѣе сдѣлаемъ, когда давно уже, такъ сказать, умерши въ свѣтѣ, изберемъ лучше уголокъ земли, въ которомъ бы погребсти сіи остатки своего тѣла, и въ коемъ бы дотолѣ скрывать отъ взора людей сіе въ ужасъ

приводящее безобразіе. Представьте себѣ, съ какимъ удовольствіемъ встрѣтятъ насъ наши жены, которыхъ мы пояли во младыхъ еще своихъ лѣтахъ: представьте, съ какимъ возхищеніемъ наши дѣти, находящіеся теперь въ цвѣтущихъ лѣтахъ и посреди щастія, увидятъ въ насъ своихъ родителей.

Сверьхъ сего всякой ли изъ насъ можетъ совершить толь далекое путешествіе? Находяся въ такой отдаленности отъ Европы, на краю востока, будучи стары, дряхлы и лишены большей части своихъ членовъ, можемъ ли мы снести такіе труды, которые изнурили даже побѣдоносное войско?

При томъ появши по необходимости здѣсь другихъ женъ, которыя въ нашемъ заточеніи служили намъ утѣшеніемъ, здѣсь ли оставимъ, или возмемъ съ собою какъ ихъ, такъ и рожденныхъ ими малолѣтныхъ дѣтей? Когда мы возвратимся въ отечество съ ними, то никто не захочетъ болѣе насъ признать своими родственниками. Но благоразумно ли оставить вѣрные и настоящіе залоги любви, чтобъ итти искать другихъ, которыхъ

можетъ быть никогда не увидимъ? Гораздо лучше укрыться навсегда, и окончить свою жизнь посреди тѣхъ которые узнали насъ уже нещастными.

Опроверженіе возраженій.

§ 123. Случается, что ораторы послѣ всѣхъ своихъ доказательствъ опровергаютъ тѣ возраженія, какія могутъ быть имъ предложены противъ ихъ матеріи, или доказательствъ. Размѣщеніе сихъ возраженій зависитъ совершенно отъ благоразумія сочинителя; такъ что онъ можетъ начать слабѣйшими изъ нихъ смотря по обстоятельствамъ. Въ его также состоитъ волѣ или на каждое изъ оныхъ особливое дѣлать опроверженіе, или одинъ только предложить отвѣтъ на всѣ вообще, когда онѣ будутъ сходнаго между собою содержанія. Благоразуміе требуетъ, чтобъ отвѣты оратора на предлагаемыя имъ самимъ возраженія были столько удовлетворительны, дабы слушатели послѣ того уже ни малаго не могли имѣть сомнѣнія. Всѣ сіи какъ возраженія, такъ и опроверженія оныхъ, бываютъ размножены и связаны между собою точно такъ, какъ сказано выше о доказательствахъ.

§ 124. При украшеніи доказательствъ и возраженій съ отвѣтами на нихъ ораторы употребляютъ все то, что краснорѣчіе имѣетъ способнаго къ возхищенію воображенія и къ убѣжденію сердца; они изтощаютъ все свое искуство въ описаніи чувственныхъ предметовъ, въ изображеніи человѣческихъ нравовъ, въ возбужденіи, или уничтоженіи страстей; одушевляя все то содержащимися какъ въ мысляхъ, такъ и въ выраженіяхъ украшеніями слова. Но всѣ сіи пособія краснорѣчія еще болѣе дѣлаютъ витію повелителемъ мыслей и сердца слушателей, когда онъ, почерпая ихъ въ ближайшихъ къ матеріи и существенныхъ ея обстоятельствахъ, употребляетъ ихъ съ благоразумною умѣренностію и въ приличныхъ токмо мѣстахъ, опасаяся разточительностію оныхъ вмѣсто удовольствія произвести скуку и отвращеніе: но, что всего важнѣе, когда онѣ бываютъ произведеніемъ собственныхъ его чувствованій. Объ украшеніи изслѣдованія.

§ 125. Наконецъ заключеніе, которое многіе изъ нашихъ Россійскихъ ораторовъ пишутъ какъ бы усталымъ уже перомъ, и которое Заключеніе.

у всѣхъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ писателей можетъ служить образцемъ краснорѣчія, есть не менѣе важная часть рѣчи: поелику въ ней витіи не менѣе употребляютъ своего искуства; а сіе для того что слушатель гораздо болѣе помнитъ окончаніе, нежели начало и средину ихъ слова. По сей причинѣ они въ заключеніи, повторивъ краткимъ образомъ все то, что изслѣдованіе имѣетъ самаго сильнаго и самаго поразительнаго, присоединяютъ къ тому новыя убѣжденія, прозьбы и тому подобное. Притомъ все сіе дѣлаютъ такимъ образомъ, что, такъ сказать, осыпаютъ и изумляютъ слушателя множествомъ непрерывно слѣдующихъ одна за другою такихъ мыслей, изъ которыхъ каждая весьма сильное должна сдѣлать впечатлѣніе въ его сердцѣ. Само собою видно, что всѣ служащія къ возхищенію ума и сердца риторическія украшенія нигдѣ не могутъ имѣть приличнѣе мѣста, какъ въ семъ важномъ случаѣ.

Примѣръ заключенія.

§ 126. Таково у Цицерона заключеніе его рѣчи, которую онъ произносилъ въ оправданіе своего

друга и благодѣтеля Милона, обвиняемаго въ убіеніи Клодія, общаго ихъ недоброжелателя. Ораторъ описавъ, сколько онъ будетъ пораженъ разлукою съ Милономъ, по семъ говоритъ такъ:

Но сіи слезы не трогаютъ Милона. Онъ имѣетъ не понятную твердость духа; онъ почитаетъ, что тамъ токмо человѣкъ бываетъ въ изгнаніи, гдѣ не терпятъ добродѣтели; и что смерть есть предѣлъ природы, а не наказаніе. Но оставимъ его съ сими врожденными ему чувствованіями. Что вы, Господа Судіи, о немъ скажете? Какую примете въ разсужденіи его сторону? Не уже ли, сохраняя память о немъ, его самаго изгоните? И такъ сыщется во вселенной праводушнѣйшее мѣсто, которое приметъ въ свои нѣдра сего добродѣтельнаго мужа; и которое по сему будетъ изящнѣе собственнаго его отечества? Къ вамъ, къ вамъ теперь обращаюсь, храбрые ирои, пролившіе кровь свою за отечество; къ вамъ, Господа Офицеры и воины, прибѣгаю посреди опасности не побѣдимаго гражданина. Не ужели не токмо при

вашихъ глазахъ, но между тѣмъ, какъ вы съ оружїемъ въ рукахъ бдите о безопасности сего судилища, сей толико мужественный вашъ сотоварищъ будетъ изгнанъ и изключенъ изъ сего града? О бѣдный, о нещастный я ораторъ! Ты умѣлъ, Милонъ, убѣдить сей самый народъ возвратить меня изъ изгнанїя; а я немогу склонить его не лишить тебя отечества. Что я скажу въ отвѣтъ моимъ дѣтямъ, которые почитаютъ тебя вторымъ родителемъ? Что скажу тебѣ, любезный мой братъ, участвовавшїй въ ономъ бѣдственномъ моемъ изгнанїи, и находящїйся теперь въ отсутствїи? То есть, что я не могъ спасти Милона чрезъ тѣхъ самыхъ, чрезъ которыхъ онъ возвратилъ мнѣ мое благосостоянїе? И при томъ въ какомъ случаѣ я не могъ? Въ такомъ, который долженъ быть приятенъ народу. Кого я не могъ къ тому убѣдить? Тѣхъ, которымъ смерть Клодїя должна принести спокойствїе. При чьей прозьбѣ я не могъ? При моей. Какое я умышлялъ беззаконїе, или какое учинилъ злодѣянїе, Господа Судїи, когда угрожавшихъ всему отечеству враговъ от-

крылъ, обнаружилъ, выставилъ, изтребилъ? Всѣ изъ сего източника произтекаютъ мои и моихъ друзей нещастія. Къ чему вы меня возвратили? Не дѣлайте, Господа, мое возвращеніе оскорбительнѣе мнѣ самаго изгнанія. Ибо какъ я могу почитать себя возвратившимся въ отечество, разлучаяся съ тѣми, которые меня возвратили?

Я желалъ бы; (прости мнѣ, мое отечество: ибо я опасаюсь, чтобы не сказать противъ тебя, говоря то, что внушаетъ мнѣ моя любовь къ Милону); я желалъ бы, чтобы лучше безсмертные Боги не только продолжили жизнь Клодію, но еще допустили бы его быть Преторомъ, Консуломъ, Диктаторомъ, нежели видѣть такое зрѣлище. Но вотъ по истиннѣ не устрашимый и достойный вашего, Господа Судіи, сожитія мужъ! Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ онъ мнѣ; напротивъ сего Клодій долженъ былъ претерпѣть заслуженное имъ наказаніе: а я, естьли то нужно, снесу великодушно, хотя и не праведное. И такъ сей добродѣтельный мужъ, родившійся къ услугамъ отечества, умретъ внѣ

онаго? Или, когда судьба опредѣлитъ ему умереть за отечество; то не уже ли вы, сохраняя память о его добродѣтеляхъ, не дадите нигдѣ въ Италіи частицы земли для погребенія его тѣла? Не уже ли кто нибудь изъ васъ опредѣлитъ въ изгнаніе того, кого по изгнаніи отсюда всѣ города будутъ приглашать къ себѣ? О блаженное мѣсто, которое приметъ къ себѣ сего мужа! О не благодарное отечество, когда его изгонитъ! О нещастное, когда его лишится. Но время уже окончить: я за слезами не могу болѣе говорить; а Милонъ не позволяетъ защищать себя слезами. Прошу токмо и заклинаю васъ, Господа Судіи, не робкимъ духомъ при собраніи мнѣній открыть то, что вы будете чувствовать. Будьте увѣрены, что доброта вашей души, ваше правосудіе, ваша вѣрность, весьма угодны будутъ тому, который избирая судей, избиралъ добродѣтельныхъ, благоразумныхъ и не устрашимыхъ гражданъ.

Различные роды большихъ рѣчей.

§ 127. Соображая извѣстные роды большихъ рѣчей, справедливо, кажется, можно ихъ раздѣлить на церковныя, гражданскія и Академи-

ческія. Церковныя, то есть произносимыя въ церквахъ, суть такія слова или большія рѣчи, которыя въ наши времена, особливо въ нашемъ отечествѣ, наиболѣе извѣстны и употребительны. Должно сказать, что Россійскіе церковные витіи, естьли не превзошли, то по крайней мѣрѣ ни въ чемъ не уступаютъ славнѣйшимъ въ семъ родѣ иностраннымъ ораторамъ. Слова ихъ мы обыкновенно называемъ проповѣдями. Онѣ тѣмъ болѣе всего различны отъ прочихъ большихъ рѣчей, что въ нихъ все, даже до выраженій, почти единственно почерпается изъ священныхъ и церковныхъ книгъ. Краткія слова, взятыя изъ с. писанія, почти всегда бываютъ общею матеріею; для того что не содержаніе сихъ словъ, но извлеченое изъ нихъ какое нибудь слѣдствіе бываетъ частною, то есть, такою матеріею, которая разумножается уже въ изслѣдованіи. И такъ приступъ сихъ рѣчей есть не что иное, какъ такое размышленіе, посредствомъ котораго ораторъ изъ общей своей матеріи выводитъ частную. Что касается до прочихъ частей; то онѣ ни чѣмъ

Церковныя.

Проповѣди.

не различны отъ тѣхъ же частей большой рѣчи, изключая токмо то, о чемъ сказано выше. Пространнѣйшія правила сочиненій сего рода можетъ, кому угодно, видѣть въ опытѣ Блера о краснорѣчіи проповѣдниковъ, напечатанномъ на Россійскомъ языкѣ при святѣйшемъ Синодѣ 1800 года.

Другія, произносимыя въ церквахъ и въ особенности надгробныя рѣчи.

§ 128. Церковные витіи не рѣдко произносятъ слова, сочиненныя ими на особенные случаи общественнаго, или частнаго, торжества. Они соединяютъ въ нихъ краснорѣчіе проповѣдника съ искуствомъ, какаго требуютъ торжественныя рѣчи, о которыхъ предложено будетъ ниже. Предоставляя наставникамъ церковнаго витійства пространное изъясненіе того, чего требуется отъ оратора въ сихъ обстоятельствахъ, чтобъ имѣть однако нѣкоторое о семъ понятіе, ограничимъ себя краткимъ показаніемъ правилъ о словахъ надгробныхъ, то есть тѣхъ, которыя, по обыкновенію нашихъ временъ, бываютъ произносимы въ церквахъ при погребеніи знаменитыхъ или своими достоинствами и заслугами, или своимъ рожденіемъ и состояніемъ, особъ.

Онѣ всегда должны содержать въ себѣ похвалу усопшаго; но такъ, что сія похвала составляетъ или цѣлое слово, или нѣкоторую токмо его часть. Въ первомъ случаѣ оно почти ни чѣмъ не различно отъ слова похвальнаго, о которомъ предложено будетъ въ своемъ мѣстѣ: во второмъ же весьма много сходствуетъ съ проповѣдію. Оно также по большой части имѣетъ двѣ, то есть общую и частную, матеріи; и первою также бываютъ какія нибудь с. писанія слова, но почти всегда такія, которыя кратко заключаютъ въ себѣ похвалу, или главныя добродѣтели усопшаго; частною же матеріею бываетъ извлеченное изъ оныхъ нравоучительное слѣдствіе, но всегда приличное обстоятельствамъ, въ которыхъ бываетъ произносимо слово. И такъ приступъ сихъ рѣчей долженъ содержать въ себѣ связь обѣихъ сихъ матерій: но витія въ немъ необходимо касается того случая, на который онъ произноситъ свое слово. Въ семъ мѣстѣ приступа превосходные ораторы не рѣдко возхищаютъ слушателей такими мыслями и чувствованіями,

которыя показывають, что они сами весьма тронуты смертiю погребаемаго; особливо когда все сiе будетъ имѣть видъ рѣчи, свойственной человѣку, находящемуся въ сильной страсти. По разумноженiи въ изслѣдованiи доказательствъ, какiя ораторъ изберетъ для подтвержденiя своей частной матерiи, онъ по большой части изчисляетъ, служащiя къ похвалѣ усопшаго, его качества, дѣянiя, обстоятельства жизни, и тому подобное, соединивъ сiю часть изслѣдованiя съ предъидущими. Лучшiе сихъ рѣчей примѣры доказываютъ, что онѣ пишутся съ такимъ краснорѣчiемъ, которое, будучи произведенiемъ возхищеннаго и стремительнаго воображенiя, не далеко отъ стихотворческаго. *Извѣстное Россiйскимъ Словесникамъ слово Архiепископа Өеофана Прокоповича на погребенiе Государя Императора ПЕТРА I. можетъ быть образцемъ сихъ правилъ.*

Гражданскiя рѣчи.

§ 129. Гражданскiя рѣчи суть тѣ важныя сочиненiя, которыя государственные чиновники о дѣлахъ касающихся до ихъ должности из-

устно, или писменно, предлагаютъ своимъ согражданамъ, или иностранцамъ. И такъ мнѣнія, произносимыя въ собраніяхъ правительства членами онаго; донесенія, представляемыя высшей власти; предписанія гражданамъ низшаго и подчиненнаго состоянія; сношенія съ равными иногда соотечественными, иногда же иностранными, по дѣламъ общественнымъ; и прочія тому подобныя обстоятельства бываютъ содержаніемъ сихъ рѣчей. Ничто столько не нужно ихъ сочинителю, какъ глубокое знаніе Исторіи и Статистики, то есть, какъ внутренняго такъ и внѣшняго состоянія не токмо своего отечества, но и другихъ, особливо сосѣдственныхъ государствъ. Изъ сихъ источниковъ онъ почерпаетъ почти все. Въ самомъ дѣлѣ какъ можно, на примѣръ, убѣдительно говорить о войнѣ, не зная ничего о преждебывшихъ въ отечествѣ войнахъ, о силахъ своего государства и непріятельскихъ, о пособіяхъ въ семъ случаѣ необходимо нужныхъ, о состояніи границъ, и прочая? Сіи рѣчи по мѣрѣ важности ихъ матеріи бываютъ пространны, или кратки;

но всегда требуютъ сильнаго краснорѣчія; то есть, при риторическихъ украшеніяхъ твердыхъ и убѣдительныхъ мыслей. *Въ древности Исторія Римлянъ, а въ наши времена наиболѣе Англинскіе Парламенты, представляютъ намъ множество примѣровъ сихъ рѣчей.*

Судебныя рѣчи.

§ 130. Къ сему роду можно нѣкоторымъ образомъ отнести рѣчи судебныя, произносимыя въ собраніяхъ или правительства, или народа, въ обвиненіе или въ оправданіе кого нибудь. Нынѣ онѣ употребительны въ нѣкоторыхъ токмо иностранныхъ государствахъ; но въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ составляли важнѣйшее и самое обыкновенное упражненіе ораторовъ. Когда они въ сихъ рѣчахъ доносили на кого, что онъ сдѣлалъ преступленіе; въ такомъ случаѣ доказательства изобрѣтали изъ обстоятельствъ самаго дѣла и жизни обвиняемаго, избирая изъ нихъ такія, которыя бы явно показывали, что онъ имѣлъ намѣреніе къ тому, и что онъ могъ сіе сдѣлать; или обнаруживали бы самое преступленіе; наконецъ утверждали свое до-

несеніе свидѣтельствами людей достойныхъ вѣроятія. Напротивъ сего когда они защищали обвиняемаго, то доказывали, или что онъ сего преступленія совсѣмъ не сдѣлалъ, или что сей его поступокъ не есть преступленіе. Въ первомъ случаѣ они почерпали доказательства изъ противныхъ показаннымъ източниковъ, а во второмъ изъ естественныхъ и гражданскихъ законовъ, изъ бывшихъ прежде подобныхъ сему примѣровъ, и прочая. Въ обоихъ случаяхъ сверхъ приведенныхъ ими доказательствъ всегда опровергали доказательства противной стороны. Дошедшія до насъ сего рода рѣчи знаменитыхъ древнихъ ораторовъ показываютъ, что упражненіе въ нихъ требовало не токмо великой опытности въ искуствѣ краснорѣчія, не токмо обширнаго знанія законовъ и обыкновеній, но и отличнаго просвѣщенія во всѣхъ частяхъ словесности. *Всѣмъ извѣстно, что Демосѳенъ и Цицеронъ почитаются образцами краснорѣчія сего рода.*

§ 131. Наконецъ Академичес- Рѣчи Ака-
кими рѣчами я называю тѣ, кото- демичес-

кія, или торжественныя. рыя бывают сочиняемы и произносимы въ ученыхъ обществахъ членами оныхъ, или спорронними, но имѣющими къ нимъ отношеніе, мужами. Рѣчи сего рода также извѣстны подъ именемъ торжественныхъ (orationes solemnes, vel inaugurales). Самое ихъ имя показываетъ, что ихъ сочиняютъ и говорятъ на какой нибудь общественный, или Академическій, или относящійся до лица витіи, или самихъ слушателей, торжественный случай. Таковыми случаями бываютъ, на примѣръ, одержанная надъ непріятелемъ знаменитая побѣда, и проч. воспоминаніе основанія Академическаго сословія, вновь оказанныя ему благодѣянія, и проч. принятіе или вступленіе новаго члена, предприемлемый цѣлымъ обществомъ, или нѣсколькими, а иногда и однимъ членомъ онаго, какой нибудь важный трудъ, производство въ Академическія степени, и проч. Сочинитель такой рѣчи обязанъ необходимо въ приступѣ говорить о причинахъ, важности и другихъ обстоятельствахъ торжества, и между тѣмъ не чувствительно дойти до матеріи всей рѣчи, наблюдая весьма строго пока-

занныя выше о выборѣ матеріи правила, и употребляя потомъ всякаго рода соотвѣтствующее оной искуство витійства. *Примѣромъ рѣчей сего рода можетъ быть рѣчь, произнесенная при открытіи Харьковскаго Университета, напечатанная въ Сѣверномъ вѣстникѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1805 года.*

Диссертаціи.

§ 132. Сюда также можно причислить разсужденія, или Диссертаціи, не потому чтобъ онѣ были всегда въ Академіяхъ произносимы, но единственно по сходству ихъ содержанія съ матеріями оныхъ рѣчей. Впрочемъ онѣ суть, такъ сказать, собственное мужей отличнаго просвѣщенія сочиненіе, въ которомъ все должно отвѣтствовать сему предварительному о сочинителѣ понятію. Новыя въ какой нибудь наукѣ открытія, опроверженіе издавна принятыхъ всѣми, но не справедливыхъ, мнѣній, рѣшеніе предлагаемыхъ Академіями задачь, и тому подобныя обстоятельства бываютъ ихъ матеріями. Собственное оратора благоразуміе служитъ ему и източникомъ изобрѣтенія и правиломъ раз-

положенія. Само собою видно, что содержаніе сихъ сочиненій не требуетъ того искусства, которое нужно для возхищенія воображенія, то есть, не имѣетъ надобности въ риторическихъ украшеніяхъ; напротивъ сего главное ихъ совершенство состоитъ въ просвѣщенныхъ и основательныхъ мысляхъ, и въ твердой ихъ между собою связи. *Примѣровъ сихъ рѣчей находится множество, особливо въ числѣ издаваемыхъ Академіями сочиненій.*

Панегирики.

§. 133. Остается теперь сказать о похвальныхъ словахъ, или Панегирикахъ. Самое имя ихъ показываетъ, что похвала знаменитаго или умершаго, или современнаго, лица бываетъ ихъ содержаніемъ. Судя по состоянію похваляемыхъ лицъ и по мѣсту, гдѣ сіи рѣчи бываютъ произносимы, не можно ихъ единственно причислить ни къ церковнымъ, ни къ гражданскимъ, ни къ Академическимъ словамъ; но слѣдуетъ назвать ихъ сочиненіемъ общимъ, то есть, такимъ, которое принадлежитъ къ каждому изъ оныхъ трехъ родовъ. Приступъ въ нихъ обыкновенно со-

ставляется изъ мыслей изобрѣтенныхъ отъ того случая, на который будетъ сочинено сего рода слово. Матеріею, какъ уже сказано, всегда бываетъ похвала какой нибудь важной особы; но сія похвала берется иногда отъ одного токмо его дѣянія, иногда же отъ всѣхъ достопамятныхъ обстоятельствъ его жизни. Въ первомъ случаѣ изобрѣтаются къ оному дѣянію мысли отъ риторическихъ мѣстъ, на примѣръ, отъ причины, отъ времени, отъ обстоятельствъ, и прочая; и отъ каждаго риторическаго мѣста изобрѣтенная мысль составляетъ особенное доказательство. Въ другомъ же случаѣ ораторы изобрѣтаютъ ихъ отъ знаменитости отечества похваляемаго лица, отъ славы его предковъ, отъ превосходныхъ его природныхъ дарованій какъ душевныхъ такъ и тѣлесныхъ, отъ достопамятныхъ произшествій, бывшихъ во время его рожденія, отъ важныхъ обстоятельствъ его воспитанія, отъ просвѣщенія и любви его къ наукамъ, отъ нравственныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, отъ знаменитыхъ дѣяній, отъ внѣшняго состоянія,

отъ достойныхъ любви качествъ его дѣтей, и наконецъ отъ примѣровъ, или отъ сравненія. Каждое приисканное отъ показанныхъ источниковъ доказательство, составляя особливую часть изслѣдованія, бываетъ разумножаемо не иначе, какъ сказано выше о разумноженіи оныхъ. Но нигдѣ столько, какъ въ сихъ рѣчахъ, не употребителенъ тотъ родъ разумноженія, который извѣстенъ, подъ именемъ общаго мѣста, и который въ сравненіи съ доказательствомъ, при коемъ онъ полагается, есть не что иное, какъ въ искуственной хріи приступъ въ сравненіи съ предъидущимъ. Все высокаго рода искуство краснорѣчія находитъ приличное мѣсто въ сихъ рѣчахъ, *которыхъ превосходнымъ образцемъ можетъ быть похвальное Г. Ломоносова слово Государю Императору ПЕТРУ I.*

Исторія. § 134. Показавъ главныя правила и роды большихъ рѣчей, слѣдуетъ теперь показать то, что наука краснорѣчія предписываетъ объ историческихъ сочиненіяхъ. И такъ Исторія въ разсужденіи составныхъ ея частей есть не что иное, какъ

собраніе нѣсколькихъ, соединенныхъ между собою, и относящихся къ одному главному предмету, физическихъ, историческихъ и нравственныхъ описаній; а въ разсужденіи содержанія оной, есть вѣрное изображеніе бывшихъ на зрѣлищѣ міра дѣяній и произшествій. Разсматривая со вниманіемъ Исторіи, писанныя славными творцами, находимъ, что совершенства сего рода сочиненій состоятъ въ благоразумномъ выборѣ для повѣствованія какъ самыхъ дѣяній, такъ и соединенныхъ съ ними обстоятельствъ; въ искуствѣ изображать качества и нравы описуемыхъ лицъ; и не примѣтнымъ образомъ соединять съ тѣмъ убѣдительныя наставленія. Впрочемъ все сіе относится до изобрѣтенія; чтожъ касается до расположенія, то строгая во всемъ сообразность большею частію съ порядкомъ времени, а не рѣдко и съ собственнымъ благоразуміемъ сочинителя; въ разсужденіи же выраженій и украшенія, наиболѣе естественная простота, удаленная по видимому отъ всякаго искуства, составляютъ главныя достоинства историческаго писателя.

Ея совершенства.

О выборѣ дѣяній и произшествій.

§ 135. И такъ не всѣ произшествія могутъ быть содержаніемъ Исторіи. Однѣ токмо достопамятныя изъ нихъ должны составлять ее. Но какія сіи достопамятныя бытія? Онѣ суть тѣ, которыя, обнаруживая человѣческую природу, тѣмъ самымъ служатъ къ нашему наставленію; то есть, въ которыхъ какъ бы въ зеркалѣ видны качества ума и сердца. И по сему такія токмо произшествія достойны историческаго пера, изъ которыхъ явствуютъ господствующія въ цѣломъ народѣ, или въ одномъ какомъ нибудь знаменитомъ человѣкѣ, какъ добродѣтели такъ и слабости, основанія нравственности, употребленныя къ устроенію благополучія пособія, состояніе разума и познанія, отличія въ обыкновеніяхъ, и тому подобное: поелику сіе одно, открывая намъ то, что люди во всѣхъ временахъ имѣли достойнаго нашей любви, уваженія, и не рѣдко даже удивленія, можетъ разположить насъ къ подражанію имъ въ томъ; сіе одно также, показывая намъ все, что когда либо человѣкъ сдѣлалъ достойное нашего охужденія, можетъ убѣдить насъ отъ того отвращаться.

§ 136. Послѣ таковой разборчивости въ разсужденіи дѣяній и произшествій, благоразумные историки не съ меньшею осмотрительностію вникаютъ во всѣ соединенныя съ тѣмъ обстоятельства; чтобъ избрать изъ ихъ множества токмо такія, которыя существенное имѣютъ отношеніе къ повѣствуемому ими бытію; какъ, на примѣръ, истинныя онаго причины, бывшія къ тому побужденія, главныя пособія, важнѣйшія препятствія, употребленныя къ отвращенію ихъ мѣры, и тому подобное. Сіе заставляетъ читателя во внутренности своего сердца участвовать въ состояніи описуемаго историкомъ лица, или народа, а чрезъ то и самое повѣствованіе дѣлается ему пріятнымъ: сіе также живѣйшимъ образомъ можетъ начертать въ его воображеніи описанное сочинителемъ дѣяніе, и сдѣлать оное достойнѣйшимъ любви, когда оно похвально; или отвратительнѣйшимъ, когда оно порочно: сіе наконецъ обнаруживаетъ внутреннія и сокровеннѣйшія движенія человѣческаго сердца; въ чемъ по мнѣнію всѣхъ состоитъ главная польза Исторіи.

О выборѣ обстоятельствъ

Примѣръ выбора обстоятельствъ

Такимъ образомъ Титъ Ливій, описывая въ 21 й книгѣ походъ Аннибаловъ въ Италію, входитъ въ подробность относящуюся до тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ дать читателямъ весьма ясное понятіе, сколь чрезвычайно было сіе предпріятіе, и коль не обыкновенна та непоколебимость, съ какою оно исполнено. Сей не сравненный Историкъ представляетъ, что оному великому полководцу надобно было вопервыхъ взять вольный и лежащій на границахъ Римскихъ и Карѳагенскихъ въ Испаніи владѣній городъ Сагунтъ; потомъ покорить ту часть Испаніи, которою владѣли Римляне, и содержать ее въ повиновеніи; перейти чрезъ Пиринейскія горы; переправиться чрезъ рѣку Рону, которая широка и быстра при своемъ устьѣ, и которой берега были усѣяны непріятелями; надобно было проложить путь чрезъ Алпійскія горы; чрезъ которыя прежде никто не проходилъ; итти между стремнинами и пропастями, сражаться за каждый шагъ съ нагорными народами, скрывающимися на то время вездѣ въ засадахъ; надобно было продираться почти

вездѣ сквозь тѣсные проходы, итти по снѣгамъ, по льдамъ, между стремительными ручьями, подъ дождями, подъ ужасными громами, которые весьма часты и весьма сильны на сихъ горахъ; надобно было вести за собою стотысящное войско, состоящее изъ разныхъ иноплеменниковъ, не довольныхъ своимъ военачальникомъ, котораго твердости не могли они подражать.

§ 137. Однако не въ семъ одномъ состоитъ благоразумный выборъ дѣяній и обстоятельствъ для повѣствованія. Историкъ въ семъ случаѣ долженъ показать свою разсудительность, отличая вездѣ истинное отъ ложнаго, сомнительное отъ достовѣрнаго; и правоту сердца, отдавая всему должную справедливость. Предполагая, что сіи писанія должны служить потомкамъ источникомъ тѣхъ понятій, какія они будутъ имѣть о прошедшихъ временахъ, сочинители ихъ весьма строго обязуются чрезъ то предавать будущимъ вѣкамъ токмо то, что основано на достовѣрныхъ преданіяхъ и свидѣтельствахъ, и совсемъ оставлять, или по крайней

О справедливости дѣяній и правдивости писателя.

мѣрѣ всегда отличать то, что сомнительно. Сверхъ сего лишается всякаго вѣроятія историкъ, когда разсудительный читатель примѣтитъ, что онъ по причинѣ какого нибудь пристрастія совсемъ иной даетъ видъ вещамъ и дѣламъ, нежели какой онѣ имѣютъ въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпнулъ о нихъ свѣденіе. Разборчивость и правдивость въ сихъ писателяхъ простираются до того, что они вездѣ отличаютъ истинно похвальное и изящное отъ того, что по одной токмо наружности кажется такимъ.

О изображеніи описуемыхъ лицъ.

§ 138. Въ описаніи дѣяній историкъ всегда долженъ показать не токмо ихъ виновника, но и тѣхъ, которые знатное имѣли въ нихъ участіе. Въ семъ случаѣ онъ не однѣ ихъ имена долженъ намъ сказать, но дать понятіе о ихъ разумѣ и сердцѣ, то есть обнаружить ихъ внутренность, открывая сокровеннѣйшія ихъ мнѣнія и чувствованія, отличительныя ихъ добродѣтели и пороки, которые были въ ихъ жизни, такъ сказать, пружиною всѣхъ ихъ дѣлъ. Чрезъ то онъ даетъ ви-

дѣть тайныя, но истинныя, побужденія къ тѣмъ дѣяніямъ, о которыхъ онъ предлагаетъ; а тѣмъ самимъ рождаетъ болѣе любопытства въ читателѣ, и дѣлаетъ свои повѣствованія способнѣйшими къ наставленію.

Посмотримъ, какъ Титъ Ливій, начиная описывать дѣянія Аннибала, предварительно даетъ намъ понятіе (кн. 21: гл. 4.) о семъ великомъ Карѳагенцѣ. Аннибалъ, говоритъ онъ, будучи посланъ въ Испанію, тотчасъ по прибытіи туда обратилъ на себя вниманіе всего войска. Старымъ солдатамъ казалося, что они видятъ въ немъ Амилкара въ томъ состояніи, какъ онъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ; потому что они находили въ Аннибалѣ такую же бодрость въ лицѣ, такую же проницательность въ очахъ, такой же окладъ, и такія же черты лица. По сей причинѣ онъ въ скоромъ времени вошелъ въ любовь по примѣру своего отца у всего войска. Никогда не было человѣка способнѣе къ двумъ весьма различнымъ состояніямъ, то есть повиноваться и повелѣвать; а посему трудно рѣшительно ска-

зать, военачальникомъ или войскомъ онъ былъ болѣе любимъ. Съ одной стороны Аздрубалъ, (бывшiй тогда главнымъ военачальникомъ Карѳагенскаго войска въ Испанiи), никому кромѣ его не давалъ охотно такихъ порученiй, которыя требовали храбрости и разторопности; а съ другой воины никогда не были благонадежнѣе и отважнѣе, какъ будучи подъ начальствомъ Аннибаловымъ. Его предпрiятiя, соединенныя почти всегда съ великими опасностями, показываютъ въ немъ чрезмѣрную отважность; его состоянiе посреди сихъ самыхъ опасностей доказываетъ чрезвычайное его благоразумiе. Онъ равномѣрно былъ терпѣливъ въ разсужденiи жаровъ и стужи: не сластолюбiе, но удовлетворенiе естественнымъ потребностямъ, служило ему мѣрою въ употребленiи пищи и питiя: онъ не имѣлъ ни днемъ ни ночью опредѣленныхъ часовъ, когда ему спать, или не спать; но остающееся отъ дѣлъ время обыкновенно употреблялъ на успокоенiе, и что бы скорѣе уснуть, не имѣлъ нужды ни въ мягкой постелѣ, ни въ безмолвiи. Часто видали его спящаго подъ салдатскимъ плащемъ

на землѣ подлѣ часовыхъ, или подлѣ сборныхъ мѣстъ. Одежда на немъ никогда не была лучше одежды его сверстниковъ; отличался онъ только превосходствомъ своего оружія и своихъ коней. Онъ былъ первый человѣкъ изъ всей пѣхоты и изъ всей конницы: онъ предупреждалъ всѣхъ, когда надобно было итти на сраженіе, а со сраженія всегда возвращался послѣднимъ. Впрочемъ равные симъ великимъ достоинствамъ находилися въ немъ и пороки; онъ былъ жестокосердъ до безчеловѣчія, вѣроломнѣе всякаго другаго Карѳагенца; не было въ немъ ни искры правдолюбія, не было для него ничего священнаго; онъ нимало не страшился Боговъ, нимало не наблюдалъ клятвъ, никакаго не уважалъ закона. Съ сими отличными достоинствами и пороками онъ три года служилъ подъ главнымъ предводительствомъ Аздрубала, не опустивъ безъ вниманія ничего, что нужно было дѣлать, или по крайней мѣрѣ видѣть, тому, кто готовился быть самъ великимъ военачальникомъ.

§ 139. Случается, что превосходные историческіе писатели прерываютъ на время повѣствованіе

Объ отступленіяхъ и

вводныхъ рѣчахъ.

своимъ сужденіемъ, или изъявленіемъ своихъ чувствованій касательно какаго нибудь посторонняго, однако такаго предмета, который имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ повѣствуемому бытію, и котораго изображеніе, подобно украшеніямъ помѣщеннымъ въ пристойныхъ мѣстахъ огромнаго зданія, служитъ пріятнымъ занятіемъ воображенія, и вмѣстѣ отдохновеніемъ вниманія, утомленнаго единообразіемъ. По мѣрѣ того, чѣмъ болѣе, или чѣмъ менѣе оный предметъ будетъ имѣть связи съ содержаніемъ прерваннаго повѣствованія, сіи отступленія бываютъ пространны или кратки. Но еще чаще историки тѣмъ произшествіямъ, о коихъ пишутъ, даютъ видъ бытія, совершающагося какъ бы предъ глазами читателя, заставляя тѣхъ, кои имѣли важное въ немъ участіе, произносить истинныя или составленныя самимъ сочинителемъ рѣчи, въ которыхъ онъ устами говорящаго рѣчь показываетъ разположеніе сердца и состояніе ума его, и даетъ понятіе о такихъ вещахъ, которыя, не имѣя существеннаго отношенія къ повѣствуемому бытію, составляютъ однако важную часть

историческихъ свѣденій, какъ, на примѣръ, въ разсужденіи баснословія, древностей, установленій гражданскихъ, домашней жизни, и проч. Сіи рѣчи, которыя съ Г. Ломоносовымъ назовемъ вводными, иногда, то есть когда требуетъ того ихъ содержаніе, пишутся съ отличнымъ краснорѣчіемъ.

Ими наполнены древніе Историки: но я и здѣсь намѣренъ предложить образецъ изъ того же Ливія, который въ началѣ четвертой книги своей Исторіи, желая изобразить сколько можно яснѣе обстоятельства и причины бывшей въ древнемъ Римѣ между дворянами и простымъ народомъ вражды, заставляетъ одного изъ народныхъ Трибуновъ, по имени Канулеія, говорить предъ народомъ слѣдующую рѣчь. Примѣръ вводныхъ рѣчей.

Сколько, Римляне, презираютъ васъ дворяне ваши, сколь не достойными васъ почитаютъ того, что бы вы жили съ ними въ одномъ городѣ и въ однѣхъ стѣнахъ, хотя я часто и прежде примѣчалъ; однако теперь наиболѣе вижу сіе изъ того, что они толь жестоко возстали противу сихъ нашихъ узаконеній; кото-

рыя содержатъ ли что нибудь другое, кромѣ одного напоминовенія, что мы ихъ согражлане, и что хотя мы не имѣемъ такаго же достатка, однако живемъ съ ними въ одномъ отечествѣ? Въ одномъ изъ оныхъ мы просимъ свободы взаимнаго бракосочетанія, которое дозволяютъ они сосѣдамъ и иностранцамъ. Но прежде мы давали право гражданства, которое болѣе нежели бракъ, непріятелямъ, и при томъ побѣжденнымъ. Другимъ узаконеніемъ мы ничего новаго не вводимъ, но хотимъ возвратить себѣ, и пользоваться тѣмъ, что собственно принадлежитъ народу; то есть что бы давать чины тѣмъ, кому онъ хочетъ.

Чтоже сіе значитъ, что они мѣшаютъ небо съ землею; что не давно едва не напали на меня въ Сенатѣ, говоря, что они готовы за сіе сражаться, и что въ семъ случаѣ ни мало не уважатъ права неприкосновенности къ Трибунамъ? Ежели будетъ свобода Римскому народу давать Консульское достоинство тому, кому онъ захочетъ; ежели не будетъ пресѣчена надежда получить сер-

ховную власть и простому гражданину, когда онъ ея достоинъ: то не уже ли не можетъ стоять сей градъ? Не уже ли погибло отечество? Не уже ли все равно, когда мѣщанинъ будетъ Консуломъ, какъ бы кто нибудь произвелъ Консуломъ раба, или отпустнаго человѣка? Чувствуете ли, Римляне, въ какомъ вы живете презрѣнiи? Естьли бы можно было, то бы они захотѣли отнять у васъ часть сего свѣта. Они негодуютъ на то, что вы дышете, что вы имѣете способность говорить, что вы имѣете образъ человѣческiй. Сего мало: они почитаютъ даже беззаконiемъ мѣщанину, (хотя бы то было угодно Богамъ), быть Консуломъ. Но постойте! Скажите намъ! Естьли насъ не допускаютъ до лѣточисленiя, до записокъ Первосвященническихъ; то не уже ли мы не знаемъ даже и того, что извѣстно всѣмъ иностранцамъ; то есть, что Консулы заступили мѣсто царей; и что всѣ права, вся власть, какую они имѣютъ принадлежали прежде царямъ? Не уже ли вы думаете. что мы не слыхали никогда, что Нума Помпилiй, бывшiй не только не дворяниномъ, но ниже

гражданиномъ Римскимъ, былъ призванъ изъ Сабинскаго владѣнія по приказанію народа, и по утвержденію дворянъ, царствовать въ Римѣ? Что потомъ Тарквиній, не только не Римскаго, но и не Италіанскаго поколѣнія, сынъ Коринѳянина Демарата, житель города Тарквиніи, при жизни дѣтей Анковыхъ, сдѣланъ царемъ? Что послѣ него Сервій Туллій, родившійся отъ плѣнницы Корникуланской, произшедшій отъ не извѣстнаго отца и рабы, достигъ до престола умомъ и добродѣтелію? Чтоже скажемъ о Таціи Сабинянинѣ, котораго самъ Ромулъ, основатель сего града, сдѣлалъ участникомъ престола? И такъ доколѣ не презирали никакаго рода, въ которомъ сіяла добродѣтель; дотолѣ Римское государство возрастало. Сожалѣйте же теперь, что у васъ мѣщанинъ будетъ Консуломъ, когда наши предки не гнушалися пришельцевъ имѣть царями; и когда даже и послѣ царей городъ не былъ затворенъ добродѣтельнымъ иностранцамъ. Всѣмъ извѣстно, что мы послѣ царей приняли родъ Клавдіевъ не токмо въ число гражданъ, но въ число дворянъ. И ежели пришлецъ можетъ быть у

насъ дворяниномъ, а потомъ и Консуломъ; то справедливо ли не допускать до Консульства Римскаго гражданина за то, что онъ мѣщанинъ? Не уже ли не возможно изъ простаго народа сыскаться человѣку храброму, разторопному, способному къ войнѣ и миру, подобному Нумѣ, Тарквинію и Туллію? Или, хотябы и сыскался, однако мы не допустимъ его до управленія государствомъ; и лучше будемъ имѣть Консулами гражданъ подобныхъ онымъ гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ Десятоначальникамъ, нежели людей низкаго произхожденія, но подобныхъ превосходнѣйшимъ изъ царей?

Но послѣ царей, скажете вы, никто изъ народа не былъ Консуломъ? Чтожъ изъ того? Не уже ли не должно, не взирая ни на какую пользу, принимать того, чего еще не было; (поелику всегда много въ новомъ народѣ не достаетъ)? Не было ни Первосвященниковъ, ни Птицегадателей въ царствованіе Ромулово; но Нума ихъ учредилъ. Не было въ государствѣ переписи и росписанія гражданъ на сотни и статьи; но

Туллій сдѣлалъ. Не было никакихъ Консуловъ во время царей; послѣ ихъ однако установлены. Не были извѣстны ни власть, ни имя Диктатора; но начали быть при нашихъ предкахъ. Не было никакихъ народныхъ Трибуновъ, Едилей и Казначеевъ; но узаконено имъ быть. Въ теченіи десяти лѣтъ мы дѣлали Десятоначальниковъ для сочиненія законовъ, и изгнали ихъ изъ отечества. Кто скажетъ, что въ городѣ, основанномъ для вѣчности и чрезвычайно возрастающемъ, не должно вводить новыхъ чиновъ, новыхъ жрецовъ, новыхъ правъ гражданскихъ и народныхъ?

Не сіи ли Десятоначальники во время не многихъ оныхъ лѣтъ, къ величайшей обидѣ народа, подавая свѣту недостойнѣйшій примѣръ, узаконили, чтобы дворяне не имѣли бракосочетанія съ мѣщанами? Можетъ ли быть какое нибудь больше и явнѣе безчестіе, какъ то, что одна часть гражданъ, какъ бы не чистая, почитается не достойною взаимнаго бракосочетанія? Не все ли будетъ равно, что терпѣть изгнаніе и заточеніе, живучи внутри тѣхъ же

стѣнъ? Они остерегаются, что бы мы не вмѣшалися въ ихъ родство и свойство, чтобы не здѣлалася кровь общею. Какъ? Ежели сїе обезчеститъ ваше благородство, которое многїе изъ васъ, произходя отъ Албанцевъ и Сабинянъ, имѣютъ не по роду и не по крови, но посредствомъ причисленїя къ дворянамъ царями, или потомъ народомъ: то не уже ли вы не можете сохранить оное во всей цѣлости личнымъ своимъ благоразумїемъ, а не тѣмъ, чтобы не брать женъ изъ простаго народа, и чтобы не позволять своимъ дочерямъ и сестрамъ вступать въ браки, выходя изъ рода дворянскаго? Никто не принудилъ бы другаго учинить противу воли брачный союзъ. И такъ запрещать сїе закономъ, и уничтожать бракъ между дворянами и народомъ, значитъ дѣлать дѣйствительную обиду народу. Для чего вы не узаконяете, чтобы не вступали во взаимный бракъ богатые съ бѣдными? Что вездѣ и всегда зависѣло отъ воли каждаго, то есть, чтобы всякая женщина выходила за мужъ въ тотъ домъ въ которой ей выгодно будетъ, и чтобы мужъ бралъ себѣ жену изъ того дому, изъ какаго пожелаетъ; то

вы хотите подвергнуть надменнѣйшему закону, раздирая онымъ гражданскiй союзъ, и дѣлая два общества изъ одного. Для чего вы не узаконяете, чтобы мѣщанинъ не жилъ съ дворяниномъ въ сосѣдствѣ? Чтобы нe ходилъ однимъ путемъ? Чтобы не былъ въ однихъ гостяхъ? Чтобы не стоялъ на одной площади? Таковыя взаимныя сообщенiя весьма сходствуютъ съ симъ дѣломъ; то есть, ежели дворянинъ женится на мѣщанкѣ, или мѣщанимъ будетъ имѣть женою дворянку. Но какое тутъ перемѣняется право? Дѣти остаются въ томъ состоянiи, въ какомъ былъ отецъ. И мы ничего другаго не ищемъ чрезъ бракосочитанiе съ вами, какъ только быть въ числѣ людей, въ числѣ гражданъ: и вамъ не о чемъ спорить, естьли вы не хотите ссориться къ нашему общему безчестiю и безславiю.

Наконецъ не уже ли, какъ скоро какое нибудь узаконенiе будетъ предложено, то вы вмѣсто наказанiя Трибунамъ велите набирать войско; и какъ скоро я Трибунъ буду созывать народъ для подаванiя голосовъ; то ты Консулъ станешь приводить молодыхъ людей къ присягѣ, и вы-

водить въ лагерь, угрожая народу и его чиновникамъ? Но что было бы еще, кагда бы вы не дважды уже узнали, сколько сіи узрозы безсильны противъ единодушія народа? Помните ли, что прекратило тогдашнюю нашу ссору? То ли, что вы согласилися на нашу пользу, или что та сторона была умѣреннѣе, которая была сильнѣе? Да и теперь не будетъ ссоры, Римляне: они всегда станутъ узнавать ваши мысли, но никогда не захотятъ испытать вашихъ силъ. И такъ, Консулы, для сей войны, хотя бы она была выдумана, хотя бы истинна, готовъ вамъ народъ; естьли вы, возвративши намъ право супружества, составите съ нами одно отечество; естьли будетъ позволено намъ сопрягаться, соединяться и сообщаться съ вами посредствомъ частныхъ союзовъ; естьли дана будетъ надежда, естьли данъ будетъ доступъ къ честямъ людямъ усерднымъ и храбрымъ; естьли свободно будетъ всякому быть соучастникомъ, сочленомъ; и, что также составляетъ свойство свободы, то повелѣвать другими будучи въ годовыхъ чинахъ, то повиноваться дру-

гимъ, находящимся въ оныхъ. Но естьли кто изъ васъ сему возпротивится; то говорите, сколько угодно, о войнѣ, разглашайте о ней вездѣ; однако будьте увѣрены, что никто не запишется служить подъ вашими знаменами, никто не приметъ въ руки оружїя, никто не будетъ сражаться за гордыхъ своихъ повелителей, съ которыми, судя со стороны государственныхъ дѣлъ, въ чинахъ, а со стороны частныхъ, въ бракосочетанїи мы никакаго не имѣемъ сообщества.

О наставленіяхъ.

§ 140. Положимъ, что историкъ со всемъ должнымъ благоразуміемъ изберетъ для повѣствованія какъ самыя бытія, такъ и относящіяся къ нимъ обстоятельства; и съ возможнымъ искуствомъ изобразитъ качества и нравы описуемыхъ имъ лицъ: при всемъ томъ не всякой читатель можетъ самъ собою извлечь изъ того для себя наставленія. Сіе также остается долгомъ историческаго писателя. Но въ семъ главное искуство заключается въ томъ, дабы сіи наставленія вперяемы были читателю не чувствительно; такъ чтобъ онъ, читая ихъ въ ис-

торіи, почти не различалъ отъ самаго повѣствованія. Превосходные историческіе творцы достигаютъ до сего тѣмъ, что они почерпая ихъ въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ описуемаго ими бытія, разсѣваютъ вездѣ въ своемъ повѣствованіи, и такъ тѣсно съ нимъ соединяютъ, что онѣ кажутся естественными его частями.

Такимъ на примѣръ образомъ написанъ слѣдующій періодъ, въ которомъ одинъ изъ новѣйшихъ Историковъ говоритъ о началѣ Генуи и Венеціи.

Примѣръ предложенія наставленій

Два приморскіе города въ Италіи начали возвышаться предъ прочими не посредствомъ внезапныхъ набѣговъ, въ которыхъ состоитъ все право пришлыхъ народовъ на обитаемыя нынѣ ими земли, но посредствомъ благоразумнаго трудолюбія, которое однако вскорѣ превратилося въ пристрастіе къ завоеваніямъ. Я предоставляю самому читателю удовольствіе замѣтить, сколько и какъ искусно здѣсь предложено весьма важныхъ наставленій.

Напротивъ сего въ такомъ случаѣ, когда и посредственнаго вниманія читатель можетъ ихъ самъ себѣ представить, не благоразумно было бы, естьлибъ историкъ сталъ заниматься ихъ объясненіемъ.

О разположеніи Исторіи.

§ 141 Не менѣе также требуетъ разсудительности и разположеніе историческихъ сочиненій: поелику въ нихъ весьма много зависитъ отъ благоразумнаго размѣщенія и искусной связи повѣствуемыхъ дѣяній. Историкъ безъ сомнѣнія обязанъ наблюдать порядокъ времени и теченіе лѣточисленія: однако случается, что онъ не можетъ какаго нибудь бытія представить во всемъ его совершенствѣ, не соединивъ съ нимъ позднѣйшаго, или случившагося совсемъ въ иныхъ обстоятельствахъ, произшествія, которое обнаруживаетъ существенное онаго предварительнаго дѣянія положеніе. Въ такихъ случаяхъ онъ не рѣдко сообразуется болѣе со взаимнымъ между собою отношеніемъ произшествій, нежели съ теченіемъ лѣтъ. Что касается до связи оныхъ, то превосходные историческіе писатели вездѣ такъ соединяютъ од-

но съ другимъ повѣствуемыя ими дѣла и относящіяся къ онымъ обстоятельства, что не чувствительно ведутъ съ собою читателя отъ одного бытія къ другому за нимъ слѣдующему; такъ что ихъ сочиненіе кажется однимъ не прерывнымъ повѣствованіемъ.

§ 142. Все то, что по сіе мѣсто сказано объ историческихъ сочиненіяхъ, относится до всѣхъ ихъ вообще. Но есть разные виды Исторіи, и каждый изъ нихъ имѣетъ нѣкоторыя особенныя качества. Исторія всеобщая, которая объемлетъ бытія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, требуя отъ сочинителя обширнѣйшаго просвѣщенія, налагаетъ на него необходимый долгъ знать достовѣрные источники дѣяній каждаго народа: поелику она должна содержать въ себѣ такія бытія, которыя бы могли служить основаніемъ и какъ бы предуготовленіемъ къ особенной каждаго народа Исторіи. Напротивъ сего Исторія частная повѣствуетъ или объ одномъ какомъ нибудь народѣ, или объ одномъ какомъ нибудь важномъ бытіи, или объ одномъ знаменитомъ человѣкѣ.

Разные виды Исторіи.

Исторія одного народа. Въ первомъ случаѣ она, начиная отъ самаго начала или произхожденія народа, до его паденія, или послѣднихъ его временъ, непрерывно предлагаетъ такія его дѣянія, и бывшія съ нимъ произшествія, которыя даютъ намъ достаточное понятіе, въ какомъ положеніи въ каждомъ вѣкѣ былъ сей народъ въ разсужденіи своего нравственнаго, гражданскаго и ученаго состоянія.

— Одного бытія. Когда же историкъ намѣренъ предать памяти потомковъ какое нибудь знаменитое бытіе; то необходимый его долгъ предуготовить къ тому своего читателя, давъ ему предварительное понятіе о тѣхъ предъидущихъ бытіяхъ, съ которыми оно имѣетъ связь, о политическомъ состояніи, о нравахъ, о государственныхъ видахъ того народа, къ Исторіи котораго оно относится, и объ обстоятельствахъ тѣхъ временъ и тѣхъ мѣстъ, когда и гдѣ оно произходило.

— Одного человѣка, или житіе. Наконецъ въ Исторіи одного человѣка, называемой иначе житіемъ, (biographie,) писатель такія обыкновенно предлагаетъ его дѣянія и бывшія съ нимъ произшествія, которыя имѣли втеченіе въ общественное, по крайней мѣрѣ въ семейственное,

ное состояніе, и которыя показывают нам господствующія в нем совершенства и слабости, бывшія побужденіем всѣх его дѣл. Когда же историк касается частных и личных его дѣяній; то единственно таких, которыя с какой нибудь стороны могут служить к нашему наставленію. К историческим сочиненіям еще можно отнести так называемыя записки (mémoires), часто издаваемыя и под другими именами. Их сочинители имѣют цѣлію доставить историкам источники, из коих сіи могут почерпать нужныя для них свѣденія: и потому изображают в сих записках, или что важнаго происходило во время жизни сочинителя; или что служит к объясненію какаго либо государственнаго бытія, или дѣяній какаго нибудь знаменитаго лица; или какое нибудь открытіе, касающееся древней исторіи. Истинна повѣствованія и правдивость писателя, без глубокомысленых сужденій и наставленій, составляют достоинство сих записок.

Историческія записки.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О совершенствахъ слова, которыя произходятъ отъ выраженій, или объ украшеніи.

Совершенства слова, произходящія отъ выраженій.

§ 143. Чистота языка, пристойность и точность словъ, частію ясность сочиненія, плавность онаго, или словотеченіе, наконецъ благоразумное употребленіе общихъ украшеній, суть тѣ совершенства слова, которыя произходятъ почти единственно отъ выраженій.

Чистота языка.

§ 144. Излишне говорить о томъ, что всякой сочинитель долженъ основательно знать отечественный свой языкъ; и что знаніе Грамматики, чтеніе лучшихъ Славянскихъ и Россійскихъ, особливо вышедшихъ въ позднѣйшія времена книгъ, обращеніе съ людьми просвѣщенными въ словесности, и во многихъ случаяхъ словарь Россійскаго языка, сочиненный Императорскою Россійскою Академіею, служатъ

надежными къ сему пособіями. Впрочемъ чистота языка предполагаетъ такую рѣчь, которая подобна металлу, не имѣющему никакой примѣси, то есть, которая не имѣетъ не свойственныхъ языку ни словъ, ни словосочиненій. Слѣдственно нарушаемъ ее, когда употребляемъ 1) вмѣсто природнаго реченія иностранное, *на примѣръ*, *моральный вмѣсто нравственный*, изключая однако слова искуственныя; 2) какое нибудь словосочиненіе противное Грамматическимъ правиламъ Россійскаго языка; или 3) какое нибудь выраженіе, взятое изъ иностраннаго слова, ему одному только свойственное; *на примѣръ: онъ не могъ, какъ только сожалѣть;* наконецъ 4) какое нибудь реченіе и словосочиненіе простонародное вмѣсто принятаго просвѣщенными соотечественниками, областное вмѣсто общественнаго, приличное разговорамъ вмѣсто употребляемаго на письмѣ. 5) Что касается до словъ новоизобрѣтенныхъ, то онѣ тогда токмо истинное имѣютъ достоинство, когда будучи составлены сообразно во всемъ словамъ одного съ ними качества, сверьхъ не затруднитель-

Въ Россійскомъ языкѣ нарушаютъ ее реченія иностранныя, словосочиненія не свойственныя ему, выраженія, взятыя изъ чужестраннаго слова, реченія простонародныя, не правильно изобрѣтенныя вновь,

ной вразумительности, выражаютъ такое понятіе, для означенія котораго нѣтъ въ нашемъ языкѣ другаго реченія, и слѣдовательно принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя изобрѣтены для обогащенія Россійскаго языка; *на примѣръ*: *выродиться*, *отломъ*. 6) Наконецъ весьма страннымъ показалося бы такое слово, въ которомъ послѣ чистаго Славянскаго, или Славянороссійскаго, употребленнаго въ Славянскомъ окончаніи, реченія тотчасъ слѣдовало бы чистое Россійское; и по сему въ таковомъ случаѣ поставленное въ измѣненіи Россійскомъ Славянороссійское слово всегда служитъ нѣкоторою какъ бы лествицею прехожденія отъ одного языка къ другому.

и не благоразумное смѣшеніе чистыхъ Славянскихъ съ чистыми Россійскими.

Пристойность словъ и выраженій

§ 145. Впрочемъ говорить и писать исправно, то есть, чистымъ Россійскимъ языкомъ, есть долгъ всякаго благовоспитаннаго Россіянина; но сочинитель съ сей стороны обязанъ болѣе; онъ долженъ наблюдать еще, чтобы каждое употребленное имъ слово, каждое выраженіе не было ни выше, ни ниже изображаемой имъ мысли, и совер-

шенно отвѣтствовало какъ роду, такъ и содержанію сочиненія; помня всегда, что каждый родъ сочиненія, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ рѣчи, употребляемой нами въ разныхъ положеніяхъ духа, имѣетъ, такъ сказать, свой собственный языкъ. Славянскія и Славянороссійскія реченія и словосочиненія имѣютъ мѣсто въ однѣхъ твореніяхъ высокаго рода: поелику онѣ весьма возвышаютъ наше слово тѣмъ, что мы имѣемъ особливое нѣкоторое къ Славянскому языку уваженіе, частію по причинѣ древности онаго, частію и при томъ большею по тому, что онъ употребляется токмо въ мѣстахъ самыхъ священныхъ, и единственно къ изображенію такихъ вещей, которыя достойны сихъ мѣстъ и заслуживаютъ наше благоговеніе. Между тѣмъ однако полезно замѣтить, что такія реченія Славянороссійскія, которыя рѣже другихъ употребляются въ Россійскомъ словѣ, болѣе внушаютъ къ себѣ уваженія: напротивъ сего весьма часто встрѣчающіяся и почти превратившіяся уже въ чистыя Россійскія дѣйствуютъ на насъ не болѣе сихъ. Что

требуетъ, чтобы Славянскія и Славянороссійскія реченія были употребляемы токмо въ высокихъ твореніяхъ;

и опредѣ-

ляетъ мѣсто собственно Россійскимъ,

касается до словъ собственно Россійскихъ, то иныя изъ нихъ, какъ сказано выше, приняты всѣми просвѣщенными гражданами, иныя употребляются только чернію, иныя наконецъ свойственны нѣкоторымъ областямъ. Изъ числа первыхъ однѣ могутъ имѣть мѣсто въ словѣ о вещахъ важныхъ, другія приличны болѣе низшей степени сочиненіямъ, иныя же болѣе разговорамъ, а нѣкоторыя и тѣмъ и другимъ. Одно чтеніе лучшихъ книгъ и внимательное замѣчаніе разговоровъ людей просвѣщенныхъ могутъ въ семъ наставить.

даже простонароднымъ

Реченія и выраженія, употребляемыя чернію, могутъ имѣть мѣсто иногда въ сочиненіяхъ низкаго слога; однако и въ семъ случаѣ требуется крайней разборчивости, дабы ими не унизить достоинства краснорѣчиваго произведенія.

и областнымъ.

Наконецъ хотя между реченіями областными бываютъ такія, которыя выразительнымъ своимъ значеніемъ заслуживаютъ быть признаны общественными, *на примѣръ, досчанъ, досвѣтки*: однако отнюдь не прежде должно ихъ принять за такія, какъ по согласіи на то общества просвѣщенныхъ граж-

данъ; оно одно рѣшитъ жребій всякаго реченія и выраженія, останется ли оно областнымъ, или общественнымъ.

О точности словъ и выраженій.

§ 146. Сверьхъ сего естьли витія хочетъ произвести въ другихъ тѣ самыя понятія, которыя онъ намѣренъ имъ сообщить; естьли хочетъ, чтобы мысль, такъ сказать, переливаясь изъ его ума въ умъ читателя, ни мало не потеряла того совершенства, какое она имѣетъ: то первое въ семъ случаѣ его стараніе должно быть о точности словъ. На сей конецъ онъ какъ бы взвѣшиваетъ употребляемыя имъ выраженія, и выбираетъ изъ нихъ такія, которыя совершенно, то есть, ни увеличивая, ни уменьшая, изображаютъ намѣреваемую имъ мысль, кольми паче не означаютъ вмѣсто ея другой, которая съ нею сходна. Для сего онъ старается приобрѣсти достаточное свѣденіе въ словопроизводствѣ, и притомъ твердо помнитъ, что нѣтъ словъ совершенно единозначащихъ: поелику тѣ, которыя кажутся намъ такими, означаютъ только весьма сходныя между собою вещи; или означая одну, тѣмъ между

собою различны, что одно изъ нихъ сильнѣе и выразительнѣе изображаетъ оную, нежели другое. *Примѣръ сего можно видѣть въ Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова. Часть. I. стра. 220-234.*

Ясность сочиненія, которая много зависитъ отъ соблюденія предъидущихъ правилъ,

§ 147. Хотя ясность сочиненія болѣе зависитъ отъ качествъ, размѣщенія и связи мыслей, о чемъ предложено будетъ пространнѣе въ своемъ мѣстѣ; однако не мало участвуютъ въ томъ также слова и выраженія. И вопервыхъ строгая со стороны сочинителя, о которой говорено доселѣ, разборчивость оныхъ не служитъ ли между прочимъ къ тому, чтобы другіе безъ всякаго затрудненія его понимали? Не произведутъ ли въ его сочиненіи невразумительности реченія иностранныя, также всѣмъ не понятныя отъ того, что онѣ суть или областныя, или столь древни, что уже вышли изъ употребленія, или безъ надобности и безъ правилъ вновь изобрѣтены, или употреблены не въ своемъ естественномъ значеніи; кольми паче выраженія, заимствованныя изъ какаго нибудь иностраннаго, и не свойственныя собственному языку? Случается еще, что

нарушаю-

съ нѣкоторою трудностїю понимають сочинителя потому, что онъ стараяся быть краткимъ и сильнымъ, опускаетъ реченія, нужныя для полнаго смысла; или думая быть изобильнымъ, употребляетъ иногда такія слова и выраженія, которыя не представляя ничего существенно принадлежащаго къ изображаемой имъ мысли, распространяютъ только рѣчь къ обремененію вниманія слушателей. Равнымъ образомъ наводитъ иногда слушателю затрудненіе часто отъ неосмотрительности сочинителя произходящее такое словосочиненіе, которое бываетъ двусмысленно; *на примѣръ: затмѣніе планетъ производитъ ихъ кругообращеніе*: или когда онъ произнося свое слово, опускаетъ тѣ измѣненія голоса, а на письмѣ тѣ принятые всѣми знаки, которые изображаютъ качество, или взаимное отношеніе мыслей. Предложивъ, что слушатель всегда слѣдуетъ своимъ вниманіемъ, такъ сказать, по слѣдамъ за сочинителемъ, первый найдетъ трудность, когда другой въ своей рѣчи составляющія оную понятія разбросаетъ такъ, что дабы ихъ представить въ связи, надобно ихъ по-

изъ лишняя краткость

и излишняя пловиность,

также двусмысленное словосочиненіе,

опущеніе знаковъ препинанія,

разсѣянность понятій, составляющихъ одну мысль,

обширность цѣлыхъ предложенiй,

добрать и привести въ надлежащiй порядокъ самому слушателю: когда также предложенiя или Грамматическiе смыслы, составляющiе одно цѣлое размышленiе (перiодъ), или всѣ, или нѣкоторые будутъ такъ велики, что безъ напряженiя вниманiя не можно вообразить въ связи всего, что въ нихъ содержится; или когда онѣ размѣщены будутъ не соотвѣтственно естественному теченiю находящихся въ нихъ мыслей.

особливо вложенныхъ,

Но еще съ большею строгостiю наблюдается сiе въ разсужденiи тѣхъ предложенiй, которыя имѣя связь съ однѣмъ только словомъ, постановляются въ срединѣ другаго смысла, и тѣмъ его прерываютъ, или полагаются между вмѣстительными: ихъ обширность и частое употребленiе безъ сомнѣнiя наведетъ много затрудненiя вниманiю слушателя;

и тѣмъ болѣе, когда онѣ поставлены не въ своемъ мѣстѣ.

а еще болѣе, когда онѣ слѣдуютъ не непосредственно послѣ той мысли, съ которою имѣютъ явную связь. *На примѣръ: пороки и нещастiя, которые справедливо можно назвать душевною язвою, суть необходимые спутники нашей жизни. Здѣсь находящееся въ срединѣ главнаго смысла предложенiе от-*

носится къ порокамъ, но слѣдуя послѣ слова, нещастія, удобно, однако не справедливо можетъ быть связано съ нимъ. Наконецъ сего рода предложенія, причиняя слушателю затрудненіе съ той стороны, что прерываютъ собою теченіе смысла, въ которомъ находятся, какъ бы вознаграждаютъ сіе тѣмъ, что имѣя Грамматическую связь съ однѣмъ только словомъ, относятся впрочемъ ко всѣмъ содержащимся въ ономъ смыслѣ понятіямъ. *На примѣръ: человѣкъ, сіе живое изображеніе Творца, есть превосходнѣйшее на землѣ существо.* Напротивъ сего крайне грубая не токмо противъ ясности сочиненія, но и противъ благоразумія была бы сдѣлана ошибка, естьли бы сказано было такъ: *человѣкъ, сіе игралище страстей и нещастій, есть превосходнѣйшее на землѣ существо.* Въ одной ироніи связь сего вложеннаго съ главнымъ смысломъ можетъ имѣть мѣсто.

Плавность сочиненія требуетъ,

§ 148. Напослѣдокъ искусный витія не опускаетъ изъ виду и того, что называется плавностію сочиненія, или словотеченіемъ, numerus Oratorius; то есть, чтобы рѣчь его

чтобы речь была приятна слуху и не затруднительна для внимания.

была приятна слуху, и не затрудняла вниманія слушателя его. Для сего онъ старается о томъ, чтобы звуки, которые составляютъ ее, имѣли приличное свободной и естественной рѣчи согласіе, и размѣщаетъ въ ней не только слова, но и цѣлыя предложенія такъ, чтобы другіе безъ труда могли слѣдовать за нимъ своими мыслями.

Приятность рѣчи требуетъ разнозвучія.

Въ разсужденіи перваго онъ вездѣ соображается съ симъ общимъ правиломъ, что ощутительное при произношеніи разнозвучіе politonia, происходящее отъ взаимнаго смѣшенія въ рѣчи разныхъ звуковъ, звукоизмѣненій, разномѣрныхъ слоговъ, разносложныхъ и разное удареніе имѣющихъ реченій, приятно слуху: какъ напротивъ сего онъ оскорбляется единозвучіемъ monotonia происходящимъ отъ слѣдующаго одно за другимъ повторенія однихъ звуковъ, звукоизмѣненій, и проч. исключая однако тѣ случаи, когда сіе повтореніе будетъ имѣть особенную цѣль.

Позволительно и единозвучіе, но болѣе Стихотворцамъ.

Впрочемъ такая цѣль болѣе бываетъ у стихотворцевъ; они дѣлаютъ сіе повтореніе съ нарочнымъ намѣреніемъ, дабы пользуясь естественною нѣкоторыхъ звуковъ и звукоизмѣненій выразительностію, то

есть, сходствомъ ихъ съ качествомъ означаемыхъ ими вещей, тѣмъ ощутительнѣе посредствомъ искуственнаго единозвучія изобразить свой предметъ; и чрезъ то не токмо поразить слухъ, но какъ бы дополнить отношеніе такихъ реченій къ понятіямъ, и даже къ самымъ вещамъ. *На примѣръ:*

Урча и клокоча со щеглой поглощаютъ.

Или:

И устремлялся громъ на громъ.

Для соблюденія разнозвучія должно остерегаться стеченія многихъ согласныхъ, или гласныхъ буквъ,

Обратимся опять къ разнозвучію. Чтобы сохранить его, витія остерегается употребить такія слова, въ которыхъ могутъ быть сряду многія буквы согласныя или гласныя: ибо въ первомъ случаѣ не приятно слуху, что языкъ произносящаго запинается, а во второмъ онъ находитъ нѣкоторую пустоту; *на примѣръ: приношеніе жертвъ въ страхѣ; или: знаніе Философіи и Исторіи:* для сего онъ въ предлогахъ, оканчивающихся безгласною буквою въ, перемѣняетъ ее на о въ томъ случаѣ, когда слѣдующее послѣ него слово начинается съ нѣсколькихъ согласныхъ, особливо когда первая изъ нихъ будетъ та самая, которою предлогъ кончится:

на примѣръ: онъ не скажетъ предъ мною, но предо мною: также въ второмъ, но во второмъ. Равнымъ образомъ витія, зная изъ опыта, что повтореніемъ однихъ или одной мѣры слоговъ, развѣ сіе будетъ сдѣлано также съ особливымъ намѣреніемъ, разрушается словотеченіе, напротивъ сего искуственное ихъ въ рѣчи смѣшеніе услаждаетъ слухъ, остерегается стеченія такихъ словъ, которыя или начинаются, или оканчиваются одними слогами: *на примѣръ: производитъ пріятную пряность; или: твоими привѣтливыми словами и поступками:* а въ разсужденіи соединенія долгихъ съ короткими слоговъ употребляетъ столько искуства, чтобъ оно вмѣсто прозаической не было стихотворческою мѣрою, и не произвело какаго нибудь стиха; *какъ на примѣръ: въ одинъ прекрасный лѣтній день.* Излишне будетъ напоминать здѣсь о правильномъ употребленіи словоудареній, и о томъ, что нарушеніе сего оскорбляетъ слухъ, привыкшій къ должному произношенію реченій своего языка. Но искусный витія съ сей стороны наблюдаетъ еще, чтобы въ началѣ и концѣ періодовъ словоударенія

стеченія словъ, начинающихся, или оканчивающихся одними слогами,

мѣры стихотворческой,

и неправильнаго употребленія словоудареній.

Плавность сочиненія требуетъ еще,

производили въ нашемъ слухѣ особенное нѣкоторое впечатлѣніе. Въ семъ случаѣ, какъ и вездѣ, онъ старается быть вѣрнымъ подражателемъ природы, которая заставляетъ насъ въ своихъ изъясненіяхъ слѣдовать побужденіямъ внутреннихъ ощущеній. Отъ сего произходитъ, что въ періодахъ, изображающихъ состояніе души, занятой страстію или возторгомъ, начальныя реченія, произносимыя возвышеннымъ голосомъ, имѣютъ удареніе на которомъ нибудь изъ первыхъ слоговъ. Напротивъ сего не естественно было бы кончить цѣлую рѣчь возвышеннымъ голосомъ; почему окончательное въ періодѣ слово имѣетъ удареніе не на самыхъ послѣднихъ слогахъ. Сверьхъ сего оно гораздо приятнѣе, когда будетъ многосложно: поелику оно болѣе, какъ говорятъ, наполняетъ собою нашъ слухъ. Что касается вообще до словъ относительно къ составляющимъ ихъ слогамъ; то безъ сомнѣнія приятнѣе слуху рѣчь, состоящая изъ разносложныхъ реченій; и по сему стеченіе многихъ односложныхъ словъ всегда нарушаетъ словотеченіе: *на примѣръ: сонъ насъ всѣхъ вдругъ объялъ.*

чтобы въ изображеніяхъ страсти или возторга удареніе было на первыхъ слогахъ,

и чтобы въ окончательномъ словѣ періода не было оно на послѣднемъ слогѣ.

Слова, составляющія рѣчь, должны быть разносложны: и потому стеченіе односложныхъ нарушаетъ словотеченіе.

Плавность предложеній зависитъ отъ размѣщенія составляющихъ оныя реченій.

§ 149. Какъ воображеніе наше находитъ особеннаго рода изящество въ самомъ теченіи и порядкѣ понятій, составляющихъ цѣлую мысль: то по сей причинѣ не только прозаикъ, но и стихотворецъ, сколько позволяетъ ему мѣра его рѣчи, всегда занимаются разстановленіемъ содержащихся въ каждомъ предложеніи реченій; зная при томъ изъ опыта, что размѣщеніе оныхъ весьма много затрудняетъ, или облегчаетъ вниманіе читателя, кольми паче слушателя. Впрочемъ есть языки, въ которыхъ въ разсужденіи сего наблюдается такой порядокъ, что поставляется прежде всего такое изъ цѣлаго предложенія слово, какое благоугодно сочинителю; за нимъ также другое, третіе, и такъ далѣе. Такимъ образомъ древніе прозаическіе писатели всегда полагали сперва важнѣйшее изъ всѣхъ слово, и низходя въ семъ смыслѣ постепенно, оканчивали каждое предложеніе такимъ, которое менѣе всѣхъ прочихъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе. *Такъ на примѣръ Ливій, говоря о томъ, что случившееся въ Сципіоновомъ войскѣ возмущеніе безпокоило сего полководца, прежде всего говоритъ о самомъ Сци-*

Въ иныхъ языкахъ размѣщеніе реченій зависитъ отъ произволенія говорящаго,

пїонѣ, потомъ о неопытности его въ такихъ случаяхъ, послѣ того о его безпокойствѣ, и наконецъ уже о возмущенiи, которое было причиною сего безпокойства. Вотъ его слова: Сципїона, который къ войнамъ привыкъ, но въ случаѣ бури возмущенiй былъ не знающъ, безпокоило сiе. Scipionem, bellis adsvetum, ad seditionum procellas rudem, sollicitum habuit res. Lib. XXVIII. cap. 25. *Такое расположенiе словъ въ Ливiевомъ перiодѣ основано на томъ, что поелику читатель его уже знаетъ о семъ возмущенiи, равно и о томъ, что оно произошло въ Сципїоновомъ войскѣ; то весьма жадно и всего болѣе любопытствуетъ видѣть въ семъ произшествiи Сципїона, потомъ обращаетъ свое вниманiе на его въ семъ случаѣ состоянiе мыслей, а наконецъ уже хочетъ знать то, что съ нимъ тогда произошло.* Сiе отличительное нѣкоторыхъ, и въ томъ числѣ нашего, языковъ преимущество, въ краснорѣчiи весьма много способствуетъ къ изображенiю живости вображенiя, ускоряющаго сообщить другому то, чемъ оно само поражается; стремленiя восторга, не могущаго скрывать

и въ краснорѣчiи служитъ къ живѣйшему изображенiю мыслей:

страсти его возбудившей; внушаемой вкусомъ приятности рѣчи, и

въ иныхъ оно сообразно теченію понятій, составляющихъ мысль;

проч. Напротивъ сего есть также языки, въ которыхъ каждое въ предложеніи слово полагается тотчасъ за тѣмъ, отъ котораго оно по связи мыслей и по правиламъ Грамматики зависитъ; такъ что обыкновенно вопервыхъ указуется та вещь, о которой идетъ слово, и вмѣстѣ съ нею относящіяся собственно къ ней понятія; потомъ приводятся тѣ обстоятельства, которыя судя по естественному теченію дѣлъ, должны быть прежде того, что объ ней предполагается сказать; наконецъ показывается сіе самое ея качество или измѣненіе, и присоединяются относящіяся къ нему обстоятельства, какъ, на примѣръ, время, мѣсто, причина, и проч. при чемъ однако говорится всегда прежде о тѣхъ, которыя болѣе къ нему принадлежатъ. Вотъ нѣсколько предложеній, въ которыхъ слова разположены такимъ образомъ. *Уже прекрасное свѣтило дня, шествуя во слѣдъ багряныя денницы, озаряетъ возстающую отъ сладкаго сна вселенную животворными своими лучами; и уже хоры нѣжныхъ птицъ*

приносятъ должную жертву сему царю природы согласнымъ пѣніемъ, пестрѣющіеся въ поляхъ цвѣты своимъ благоуханіемъ; спокойныя воды своимъ изпареніемъ. Такое основанное на естественномъ теченіи размышленія, и наблюдаемое въ нѣкоторыхъ языкахъ размѣщеніе въ каждомъ предложеніи реченій болѣе всего преимущественно тѣмъ, что сообщаетъ слову великую ясность, и слѣдственно чрезвычайно облегчаетъ вниманіе читающаго или слушающаго оное: однако и въ сихъ языкахъ при изображеніи вопроса, страсти или восторга слѣдуютъ всегда внушеніямъ внутреннихъ ощущеній, и полагаютъ напереди то слово, которое судя или по его знаменованію, или по приданному къ нему другому реченію выражаетъ главнѣйшую изъ всего предложенія нашу мысль.

и дѣлаетъ рѣчь весьма ясною.

Въ предложеніяхъ, заключающихъ вопросъ или страсть, всѣ языки отступаютъ отъ сего размѣщенія реченій.

§ 150. Поелику всегда болѣе нравится намъ то, въ чемъ болѣе находимъ слѣдовъ природы: то по сей причинѣ воображеніе наше возхищается такою рѣчію, въ которой составляющія оную части размѣщены сообразно тому порядку, какой онѣ, такъ сказать, сами своимъ

Весьма пріятно такое размѣщеніе въ предложеніи реченій, которымъ

явственно изображается естественное отношение, | содержаніемъ опредѣляютъ себѣ. На семъ основаніи искусный витія и стихотворецъ всегда постепенно возвышаются въ разположеніи такихъ словъ, коими изображаемыя вещи слѣдуютъ одна за другою въ порядкѣ времени, или мѣста, или судя по преимущественному ихъ одной предъ другою совершенству. *На примѣръ: юность разпутствами, мужество трудами, старость болѣзнями безпрестанно изнуряютъ наши силы. Или: подвиги, извѣстные Престолу, отечеству, Европѣ, цѣлому свѣту.*

или противоположность означаемыхъ ими вещей. | На томъ же самомъ основаніи нашему воображенію нравится такое слово, въ которомъ реченія, подъ коими содержатся противоположныя себѣ взаимно вещи, такъ бываютъ размѣщены, что весьма явственно можно видѣть взаимное ихъ одной къ другой отношеніе. Отъ сего у искусныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ слова, означающія предметы другъ другу противные, соотвѣтствуютъ себѣ числомъ, порядкомъ, и даже Грамматическими измѣненіями. *На примѣръ: когда склонность къ бережливости и простотѣ замѣнитъ нашъ вкусъ къ разточительности и пышности.* Окан-

чивая симъ правила о размѣщеніи въ каждомъ предложеніи реченій замѣчу, что нѣтъ другой противъ оныхъ погрѣшности, которая была бы скучнѣе и противнѣе просвѣщенному читателю, какъ частое одного слова повтореніе въ рѣчи по причинѣ мнимой въ томъ необходимости. *На примѣръ: какъ скоро храбрый полководецъ явился предъ своимъ войскомъ; то все войско почувствовало въ себѣ новую храбрость, взирая на храбраго своего полководца.* Опытные писатели въ такомъ случаѣ вмѣсто того, чтобы повторять одно слово, или подразумѣваютъ его, или употребляютъ на мѣсто его другое подобнозначащее слово, или мѣстоименіе. Такъ на примѣръ въ предъидущихъ предложеніяхъ можно выразить тѣже самыя мысли такимъ образомъ: *какъ скоро храбрый полководецъ явился предъ своимъ войскомъ; то всѣ почувствовали въ себѣ новую бодрость духа, взирая на мужественнаго своего военачальника.* Всего скучнѣе частое повтореніе одного слова.

§ 151. Какъ нѣсколько понятій, соединенныхъ между собою сообразно естественному, или искуственному ихъ другъ ко другу отношенію, Плавность сложнаго періода

зависитъ частію отъ размѣщенія, частію отъ соотвѣтствія находящихся в немъ предложеній.

составляютъ цѣлую мысль, называемую у Риторовъ предложеніемъ, а иногда простымъ періодомъ; такъ нѣсколько соединенныхъ между собою на такомъ же основаніи мыслей, служащихъ къ подтвержденію или объясненію одной главной цѣли, составляютъ цѣлое размышленіе, которое Риторы называютъ сложнымъ періодомъ. Изъ сего видно, что правила о плавности простаго періода суть тѣ же, которыя показаны о размѣщеніи въ каждомъ предложеніи реченій. Чтожъ касается до плавности періодовъ сложныхъ, то оная зависитъ частію отъ размѣщенія, частію отъ взаимнаго между собою соотвѣтствія предложеній, изъ коихъ они состоятъ.

Размѣщеніе предложеній, составляющихъ сложный періодъ, должно быть основано или на естественномъ порядкѣ вещей,

Самое лучшее ихъ размѣщеніе есть то, когда онѣ слѣдуютъ одно за другимъ также сообразно или естественному порядку тѣхъ вещей, о которыхъ предлагаютъ, или теченію мыслей, составляющихъ одно размышленіе; такъ что въ нихъ бываетъ говорено всегда прежде о томъ, что въ природѣ, или въ связи разсужденія обыкновенно бываетъ прежде. Вотъ періодъ, въ которомъ предложенія расположены сообразно естественному порядку вещей. *Въ*

Иль-де Франсѣ зрѣютъ уже плоды на деревахъ, въ Пикардіи все еще цвѣтетъ и благоухаетъ, въ окрестностяхъ Булони едва разпускаются лучечки цвѣта. Теперь разсмотримъ такой періодъ, въ которомъ предложенія расположены на основаніи размышленія. *Сагунтяне, которыхъ городъ былъ раззоренъ Аннибаломъ за вѣрность ихъ къ Римлянамъ, и опять выстроенъ сими послѣдними, такъ говорятъ въ Римскомъ Сенатѣ. Хотя нѣтъ большаго нещастія, какъ то, которое мы претерпѣли, дабы сколько возможно доказать вамъ свою вѣрность: однако оказанныя намъ вами и вашими полководцами благодѣянія столько велики, что мы болѣе не сожалѣемъ о своихъ бѣдствіяхъ. Они здѣсь говорятъ во-первыхъ о претерпѣнныхъ ими нещастіяхъ, а потомъ о доказанной ими вѣрности, которую сохранить было въ семъ случаѣ единственнымъ ихъ намѣреніемъ: и сіе неоспоримо для того, что дѣйствіе всегда бываетъ прежде, нежели исполняется предполагаемое въ немъ намѣреніе. Далѣе они говорятъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ Римлянами; и также безъ сомнѣ-*

или на теченіи мыслей.

нія для того, что претерпѣнное ими нещастіе было поводомъ къ оказанію имъ оныхъ благодѣяній. Наконецъ не прежде, какъ сказавши уже о благодѣяніяхъ, предлагаютъ о томъ, что они не сожалѣютъ о своихъ бѣдствіяхъ; потому что они не прежде стали равнодушными, какъ послѣ оказанныхъ уже имъ благодѣяній.

Въ разсужденіи соотвѣтствія предложеній наблюдается: 1. чтобы слово постепенно возвышалося;

§ 152. Въ разсужденіи взаимнаго соотвѣтствія предложеній, составляющихъ сложный періодъ, наблюдается: 1) когда онѣ, судя по ихъ содержанію, бываютъ одно важнѣе другаго; то витія размѣщаетъ ихъ такъ, что начиная періодъ самымъ маловажнѣйшимъ изъ нихъ, постепенно возвышается и доходитъ до важнѣйшаго. *На примѣръ: посадить въ оковы Римскаго гражданина есть преступленіе; наказывать тѣлесно, злодѣяніе; умертвить, почти тоже, что отцеубійство; какъ же назвать то, когда пригвождаютъ его ко кресту? Или: они негодуютъ на то, что вы дышете, что вы говорите, что вы имѣете образъ человѣческій.* 2) Искусный писатель наблюдаетъ еще, чтобы такія въ періодѣ предложе-

2, чтобы части періода, въ

нія, въ которыхъ онъ сличаетъ или сходныя, или противныя между собою вещи, соотвѣтствовали одно другому не только своимъ собственнымъ, но даже и заключающихся въ нихъ понятій размѣщеніемъ. *Напримѣръ: просвѣщенный человѣкъ столько свѣдущъ о прошедшемъ, что какъ бы начало его жизни было современно самому міру; а невѣжда столько огорченъ въ настоящемъ, что какъ бы протекшая минута была началомъ его бытія: первый устремляется умомъ своимъ въ предѣлы небесные; а другой не мыслилъ еще обратить его на себя самаго: первый знаетъ свои должности, и чувствуетъ свои добродѣтели и пороки; а другой слѣдуетъ своему навыку, и не видитъ ни добра, ни зла, которое онъ дѣлаетъ: первый въ самыхъ слабостяхъ оказываетъ себя съ нѣкоторой стороны человѣкомъ; а другой въ самомъ добронравіи имѣетъ нѣчто звѣрское.* Впрочемъ сколько ни приятны воображенію такія предложенія, въ которыхъ сходство въ разсужденіи разположенія словъ весьма примѣтно; однако частымъ и продолжительнымъ ихъ употребленіемъ мо-

которыхъ сличаются сходныя, или противныя вещи, совершенно соотвѣтствовали одна другой;

жемъ наконецъ наскучитъ своему читателю. 3) Какъ въ такомъ періодѣ, котораго части весьма не соразмѣрны, но одна другой гораздо пространнѣе, вниманіе слушателя должно итти въ своемъ ходѣ неравными шагами; и сія неравномѣрность никакъ не можетъ нравиться воображенію: то плавность сложнаго періода требуетъ, чтобы составляющія его предложенія были, сколько возможно, равны одно другому.

3. чтобы части періода были между собою соразмѣрны;

4. чтобы части періода дѣлали впечатлѣніе объ одномъ предметѣ рѣчи;

§ 153 4) Не можетъ также нравиться нашему воображенію, когда его водятъ какъ бы безпрестанно отъ одной цѣли къ другой въ такомъ періодѣ, въ которомъ бываетъ почти столько же предметовъ мыслей, сколько самыхъ мыслей. *Напримѣръ: пустъ другіе мыслятъ различно; но когда онъ такъ думаетъ, то и я послѣдую его мнѣнію; потому что мы, какъ вы сами знаете, всегда были единодушны.* Читая, или слушая такой періодъ, при перемѣнѣ въ каждомъ предложеніи дѣйствующаго лица должно, такъ сказать, перемѣнять свое вниманіе. И по сему плавность періода зависитъ между прочимъ и

отъ того, когда въ немъ сколько ни перемѣняются дѣйствія и страданія, но почти всѣ относятся къ одному лицу, или къ одной вещи; и такимъ образомъ всѣ составляющія его предложенія дѣлаютъ въ умѣ читателя впечатлѣніе объ одномъ предметѣ. 5) Подобнымъ образомъ не можетъ разсудокъ нашъ быть доволенъ, когда заставляютъ его заниматься напрасно тѣмъ, что не служитъ къ настоящему предмету слова; то есть, когда въ періодѣ предлагается между прочимъ о такихъ вещахъ, которыя по причинѣ весьма слабой связи съ главнымъ содержаніемъ ни къ чему, кромѣ обремененія вниманія, не служатъ. *На примѣръ*: *Китайцы, сосѣди грубыхъ Татаръ, раздѣляющихся на весьма многія поколѣнія, уже съ давнихъ временъ составляютъ просвѣщенный народъ; не взирая на то, что они еще не давно узнали Европейцевъ, которые охотно оставляютъ свое отечество, когда собственная ихъ польза требуетъ того. Какую здѣсь имѣетъ связь съ просвѣщеніемъ Китайцевъ раздѣленіе Татаръ на многіе роды; и то равнодушіе Европейцевъ, съ какимъ они оставляютъ*

5. чтобы не было въ періодѣ не принадлежащихъ къ существу рѣчи мыслей;

свое отечество въ случаѣ ожидаемой ими пользы?

6. Наконецъ что бы двѣ существенныя части періода удовлетворяли одна другой.

§ 154. 6) Какъ всякой сложный періодъ имѣетъ двѣ существенныя части, изъ коихъ одна, не касаясь главнаго содержанія, служитъ только какъ бы приготовленіемъ читателя къ тому, что будетъ сказано въ другой о самомъ предметѣ періода: то просвѣщеный читатель, который всегда сличаетъ между собою содержанія сихъ двухъ частей, и судя по первой предвидитъ не только то, что должно быть въ другой, но даже и то, чемъ долженъ кончиться весь періодъ, весьма огорчается, когда обманываютъ въ семъ случаѣ его справедливое ожиданіе, и когда періодъ или не доведенъ, или продолженъ далѣе того мѣста, которымъ должно было его окончить. *На примѣръ: страсти и разумъ въ безпрестанной борьбѣ; и первыя тѣмъ побѣдоноснѣе, что мы сами по большой части бываемъ съ ними согласны; а другой тѣмъ безсильнѣе, что онъ часто находитъ въ насъ опасныхъ себѣ враговъ, дерзновенно презирающихъ спасительныя его внушенія противъ оныхъ нарушительницъ на-*

шего спокойствія. Разсудительный читатель изъ двухъ первыхъ предложеній заключаетъ, и потому ожидалъ, что весь періодъ кончится сими словами: находитъ въ насъ опасныхъ себѣ враговъ: и такъ не можетъ быть ему пріятно то, что мы еще далѣе продолжаемъ свою рѣчь, не предуготовивъ его къ тому прежде. Въ заключеніе сего замѣтимъ, что сколь ни пріятна воображенію рачительность витіи о наблюденіи вездѣ плавности слова; однако не доволенъ бываетъ опытный читатель, когда видитъ чрезмѣрное и такое о семъ стараніе, которое стоило сочинителю нѣкотораго себѣ принужденія и которому онъ пожертвовалъ даже изяществомъ нѣкоторыхъ мыслей. Сверьхъ сего во всѣхъ вещахъ весьма примѣтное искуство бываетъ болѣе противно, нежели пріятно.

§ 155. Теперь въ разсужденіи плавности сочиненія остается мнѣ упомянуть только о томъ, что для удобнѣйшаго наблюденія всѣхъ показанныхъ правилъ должно стараться заблаговременно пріучить свой слухъ и разсудокъ чувство- Какъ можно навыкнуть плавности сочиненія?

вать приятность сего рода. А на сей конецъ необходимо нужно читать сочиненія лучшихъ прозаическихъ писателей, и внимательно замѣчать въ нихъ искуство и рачительность въ наблюденіи пріятнаго согласія звуковъ и плавнаго порядка словъ и цѣлыхъ смысловъ. Но всего лучше взявъ одинъ, или нѣсколько изъ какаго нибудь превосходнаго сочинителя періодовъ, разстановить въ нихъ совсемъ иначе тѣже самыя слова и предложенія. Чрезъ то обнаружится, въ чемъ у него состояло словотеченіе, и чемъ мы оное разстроили. Частое сего рода упражненіе можетъ столько усовершить вкусъ, что мы послѣ будемъ въ состояніи наблюдать вездѣ въ своихъ, какъ сочиненіяхъ, такъ и переводахъ сіе качество краснорѣчія, не взирая на множество относящихся къ тому правилъ.

Всѣ совершенства слова, происходящія отъ выраженій, ма-

§ 156. Положимъ теперь, что наше слово имѣетъ всѣ показанныя достоинства, которыя зависятъ отъ выраженій: но все сіе будетъ такое искуство, въ которомъ участвуютъ только наука, навыкъ и вкусъ; и которое при томъ пока-

зываетъ, что говорящій находится въ обыкновенномъ, то есть, равнодушномъ состояніи. Но чтобы рѣчь витіи достигла того намѣренія, которое предполагается въ краснорѣчіи; чтобъ она привела въ восторгъ воображеніе и проникла въ сердце читателя: надобно, чтобъ она была совершеннымъ спискомъ такаго слова, какое употребляетъ человѣкъ, исполненный какихъ либо живыхъ чувствованій; надобно, чтобъ она была изліяніемъ возхищенной души витіи. Тогда она будетъ служить проводникомъ, посредствомъ котораго сіе возхищеніе перельется въ душу читателя; тогда она будетъ казаться какъ бы вдохновенною, и тѣмъ болѣе сильною. Впрочемъ искуство такимъ образомъ изображать свои мысли извѣстно у Ритбровъ подъ именемъ общихъ украшеній; потому что онѣ употребительны какъ у стихотворцевъ, такъ и прозаиковъ, по той причинѣ, что сообщаютъ слову то великолѣпіе и важность, то особенную красоту и приятность. Въ самомъ существѣ украшенія сіи суть такія выраженія, въ которыхъ или одно реченіе изображаетъ вдругъ не только два понятія, но въ

лодѣй-ствительны безъ украшеній;

тоже время даетъ чувствовать читателю и нѣкоторое между ими соотношеніе; или особливый подборъ и разположеніе въ рѣчи не только словъ, но и цѣлыхъ предложеній, кромѣ изображаемыхъ ими вещей представляютъ еще нѣчто нашему вниманію. Первый изъ сихъ родовъ украшеній Риторы называютъ тропомъ, а вторый фигурою, раздѣляя сію послѣднюю по сказанной уже причинѣ на фигуру словъ и фигуру предложеній. Изъ предъидущаго видно, что какъ тропъ, такъ и фигура поражаютъ наше воображеніе не только новымъ и не рѣдко отважнымъ образомъ изъясненія мыслей; но еще тѣмъ, что занимаютъ его гораздо болѣе, нежели сколько оно ожидало отъ одного реченія, или отъ обыкновеннаго размѣщенія словъ и предложеній.

Которыя суть двухъ родовъ, то есть, или тропъ, или фигура.

§ 157. Впрочемъ то реченіе, посредствомъ котораго тропъ изображаетъ два вдругъ понятія, имѣетъ въ семъ случаѣ два знаменованія; одно то, въ которомъ оно обыкновенно и всѣми бываетъ употребляемо, и которое по сему называется собственнымъ; а другое, которое ему въ томъ случаѣ только бы-

Всякое реченіе, въ которомъ находится тропъ, изображаетъ два понятія.

вается дано по причинѣ его отношенія къ собственному, и называется не собственнымъ. Но какъ сіе отношеніе собственнаго и не собственнаго знаменованій того слова, въ которомъ содержится тропъ, бываетъ многоразлично; то отъ сего и тропы бываютъ разныхъ родовъ. А по сему когда замѣтивши въ какомъ нибудь выраженіи тропъ, хотимъ узнать, какой онъ; то необходимо нужно для сего представить себѣ не только какъ собственное, такъ и не собственное знаменованія онаго выраженія, но и находящуюся между ними связь.

От того, что два оныя понятія различное имѣютъ между собою отношеніе, происходятъ различные тропы.

§ 158. И такъ когда слово будетъ употреблено въ не собственномъ значеніи по той причинѣ, что содержащіяся подъ обоими его знаменованіями вещи столько будутъ имѣть между собою сходства, что одну изъ нихъ можно уподобить другой; *на примѣръ, ходъ знанія;* или когда изъ двухъ вещей, которыя сличаемъ между собою въ сходныхъ ихъ свойствахъ, называемъ одну именемъ другой; *на примѣръ, весьма легкую вещь перомъ:* то сей родъ тропа называется метафорою. Онъ гораздо употреби-

Метафора.

тельнѣе прочихъ, и весьма занимаетъ читателя, только напоминая ему о вещахъ уподобляемыхъ, и предоставляя собственному его воображенію разсмотрѣть оное сходство. Благоразумное употребленіе сего тропа служитъ болѣе къ великолѣпію и важности слова; и требуетъ отъ сочинителя той осторожности, чтобъ 1) онъ не сравнилъ въ немъ высокой съ весьма низкою вещію; *на примѣръ, вывѣска отличныхъ достоинствъ;* изключая однако тѣ случаи, когда такое сравненіе употребляется съ нарочнымъ намѣреніемъ, чтобъ изъ того составить острую мысль; *на примѣръ:*

Онъ щитъ, и шлемъ, и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

2) Чтобъ онъ не употребилъ такаго сравненія, котораго выраженіе не свойственно нашему языку; *на примѣръ: дрожди гражданъ, то есть самые низкіе граждане.*

Аллегорія. § 159. Когда въ цѣломъ предложеніи, или въ цѣломъ періодѣ, всѣ, или изключая не многія только, слова будутъ употреблены въ не

собственныхъ значеніяхъ по причинѣ упомянутаго сходства вещей, содержащихся подъ обоими ихъ знаменованіями: то сей тропъ называется Аллегоріею: и въ первомъ случаѣ чистою, а во второмъ смѣшенною. *На примѣръ*:

— Чистая.

— Смѣшенная.

Но тщетно храмы соружаетъ
*На дряхлыхъ при водѣ ****лескахъ:***
Орла ничто не воспящаетъ
Добычу зрѣть въ своихъ когтяхъ.

Или: *Зелену ризу разстилаетъ*
Во срѣтеніе вамъ весна;
Тюльпаномъ, розой испещряетъ
Полей пространныхъ рамена.

Главное Аллегоріи правило состоитъ въ томъ, чтобы всѣ, содержащіяся подъ не собственными значеніями въ ней вещи относилися къ одному роду, или къ одному предмету. Вотъ не большой примѣръ погрѣшности въ семъ случаѣ: *кровавое облако войны возгорѣлося въ самомъ сердцѣ отечества: поелику облако, огнь и сердце, которыя здѣсь соединены въ одной Аллегоріи, суть вещи совершенно разнородныя.* Касательно смѣшенной Аллегоріи замѣтить нужно, что употребляемыя въ ней въ собственныхъ значеніяхъ нѣкоторыя слова

должны служить къ объясненію тѣхъ, которыя приняты въ не собственныхъ знаменованіяхъ.

Катахрезисъ.

§ 160. Когда содержащіяся подъ обоими значеніями тропа вещи будутъ въ одномъ чѣмъ нибудь между собою сходны, а въ разсужденіи другихъ своихъ свойствъ не рѣдко противны, по крайней мѣрѣ разнообразны: то сей тропъ называется Катахрезисомъ: *на примѣръ*: *быстрая минута нашей жизни*. Въ немъ отважное сравненіе болѣе противныхъ, нежели сходственныхъ между собою вещей поражаетъ вниманіе и по сему онъ употребителенъ болѣе у стихотворцевъ.

Синекдоха.

§ 161. Синекдоха есть такой тропъ, которой служитъ болѣе къ пріятности сочиненія. Изъ обоихъ, содержащихся подъ нимъ, значеній одно бываетъ родъ, то есть, приличное многимъ вещамъ свойство, а другое видъ, то есть, одна которая нибудь изъ числа оныхъ вещей; *на примѣръ*, *металлъ вмѣсто золота*: *кусокъ хлѣба вмѣсто содержанія*: или одно изъ нихъ будетъ цѣлое, а другое часть; *на примѣръ*, *человѣкъ вмѣсто души*,

душа вмѣсто человѣка: или одно изъ нихъ будетъ имя нарицательное, а другое имя собственное; *на прим. городъ вмѣсто Рима, Геркулесъ вмѣсто сильнаго.* Равнымъ образомъ когда употребленное во множественномъ числѣ слово должно разумѣть въ числѣ единственномъ; *на прим. Самсоны вмѣсто Самсонъ*, и напротивъ; *на прим. Россіянинъ вмѣсто Россіянъ*: или когда подъ словами, означающими какое нибудь великое и опредѣленное количество должно разумѣть не извѣстное, и при томъ меньшее; *на прим. миліонщикъ вмѣсто богачъ*: то сей родъ тропа также называется Синекдохою.

§ 162. Подобнымъ образомъ наиболѣе къ пріятности сочиненія служитъ весьма многообразный тропъ метонимія. Въ немъ одно которое нибудь изъ обоихъ значеній бываетъ какая нибудь причина, то есть, или дѣйствующая; *на прим. у него глазъ (то есть, зрѣніе) вѣренъ*: или вещественная (матеріальная), *на прим. серебро вмѣсто серебряныхъ вещей*; или орудная, *на прим. перо вмѣсто сочиненія*; а другое изъ сихъ значеній бываетъ произ- Метонимія.

веденіе которой нибудь изъ тѣхъ причинъ; *на прим. жестокосердый Гишпанецъ высадилъ опустошеніе и смерть на берега Американскіе.* На семъ основаніи нерѣдко, особливо у стихотворцевъ имена языческихъ боговъ употребляются вмѣсто тѣхъ вещей, надъ которыми они по мнѣнію язычниковъ имѣли особенную власть; *на прим. Марсъ вмѣсто войны; Перунъ вмѣсто грома.* Также имена сочинителей ставятся вмѣсто ихъ сочиненій; *на прим. Ливій вмѣсто его исторіи*; имя полководца вмѣсто предводимаго имъ войска; *на прим. Суворовъ, побѣдитель непріятелей, торжествуетъ надъ самою природою:* имя владѣтеля вмѣсто той вещи, которая ему принадлежитъ; *на прим. которой у васъ часъ?* Сверьхъ того Метонимія бываетъ еще тогда, когда одно изъ обоихъ значеній того слова, въ которомъ находится тропъ, будетъ знакъ, а другое, вещь означаемая симъ знакомъ: *на прим. Лавры вмѣсто побѣды; ПЕТРЪ I. вмѣсто Его портрета*: или одно будетъ означать время, а другое вещь, бывшую въ то время; *на прим. нынѣшній годъ мнѣ щастливъ*; или, *при Влади-*

мирѣ I.: или одно будетъ означать обстоятельство предъидущее, а подъ другимъ должно разумѣть обстоятельство послѣдующее; *на прим. ожилъ вмѣсто умеръ; всталъ вмѣсто проснулся*: или когда подъ не собственнымъ значеніемъ разумѣется вещь содержимая, а подъ собственнымъ вещь содержащая; *на прим. столъ вмѣсто кушанья; карманъ вмѣсто денегъ*: также когда подъ собственнымъ значеніемъ разумѣется свойство, а подъ не собственнымъ та вещь, которой оное свойство принадлежитъ; *на прим. умъ вмѣсто умнаго человѣка.*

§ 163. Случается, что какому нибудь слову бываетъ дано такое не собственное знаменованіе, которое употреблено вмѣсто другаго не собственнаго, и даже сіе другое не собственное иногда опять вмѣсто не собственнаго же значенія; такъ что между тѣмъ, въ которомъ оное слово будетъ употреблено, и между собственнымъ его значеніями бываетъ еще одно, или два знаменованія, и всегда такія, которыя имѣютъ взаимную между собою связь; а по сему въ одномъ словѣ заключается нѣсколько различныхъ тро- Металепсисъ.

повъ. Въ семъ состоитъ тропъ Металепсисъ; *на прим. обнаженнаго меча не видали въ городѣ. Здѣсь мечъ употребленъ вмѣсто оружія, оружіе вмѣсто пролитія крови, пролитіе крови вмѣсто войны.* Или: *баграми смерть къ себѣ тащатъ; здѣсь смерть поставлена вмѣсто смертоносной вещи, а смертоносная вещь вмѣсто горящаго корабля.* Въ семъ тропѣ поражается вниманіе читателя, или слушателя пылкостію и отважностію сочинителева воображенія, которое представляетъ въ одномъ словѣ вдругъ нѣсколько имѣющихъ между собою связь значеній. По сей причинѣ онъ служитъ болѣе къ великолѣпію слова, и чаще употребляется у стихотворцевъ.

Емфазисъ. § 164. Когда сочинитель о томъ, о чемъ онъ хочетъ сказать, не говоритъ прямо, но даетъ знать посредствомъ какихъ нибудь обстоятельствъ, изъ которыхъ удобно можно понять его мысли: то сего рода выраженіе есть тропъ Емфазисъ. *На примѣръ*:

И оду ужъ его печати предаютъ;
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.

§ 165. Тропъ Гипаллаге состоитъ въ томъ, когда въ предложеніи подлежащее поставлено будетъ на мѣстѣ сказуемаго, а сказуемое на мѣстѣ подлежащаго. *На прим. тамъ ожидаетъ меня надежда;* или: *солнце скрылося отъ насъ.* Гипаллаге.

§ 166. Когда сочинитель даже до невѣроятности увеличитъ, или уменьшитъ, своимъ выраженіемъ то, о чемъ онъ говоритъ: то сей тропъ есть Гипербола; *на прим. дождь ведромъ льетъ;* или: *глупъ какъ стѣна.* Гипербола.

§ 167. Когда слова употребляются въ такихъ знаменованіяхъ, которыя совершенно противны собственнымъ ихъ значеніямъ: то сей тропъ называется Ироніею. *На примѣръ:* Иронія.

Коль святы тѣ народы,
У коихъ полны всѣ богами огороды!

Бываетъ еще другой родъ Ироніи, называемый впрочемъ особливымъ именемъ, Антифразисъ (противоименованіе), состоящій въ томъ, когда собственное имя будетъ употреблено къ названію такаго лица, которое совсемъ противныхъ ка-

чествъ; *на прим. когда малорослаго человѣка назовемъ великаномъ.* Гипербола и Иронія вообще показываютъ чрезвычайный восторгъ сочинителева воображенія; сверьхъ того послѣдняя изъ нихъ болѣе всего употребляется тамъ, гдѣ требуется ѣдкій слогъ.

Сарказмъ.

§ 168. Наконецъ острая, и притомъ язвительная, шутка надъ нещастнымъ человѣкомъ называется Сарказмомъ, въ противномъ же случаѣ Харіентизмомъ. *На прим.*

Харіентизмъ.

Онъ восемь разъ перо въ чернильницѣ купалъ;
И восемь разъ въ нее отъ страху не попалъ.

О различныхъ родахъ фигуръ словъ.

§ 169. Что касается до фигуръ словъ, то иныя изъ нихъ служатъ къ изображенію такой стремительной страсти, которая препятствуетъ достаточнымъ образомъ выразить свои мысли; иныя къ живѣйшему выраженію важнѣйшей предъ прочими мысли; иныя наконецъ единственно къ украшенію и приятности слова. Перваго рода двѣ фигуры: 1) Удержаніе, состоящее въ томъ, когда одно, или нѣ-

— Служащія къ изображенію

сколько словъ, безъ которыхъ не можетъ быть полный смыслъ, и которыя впрочемъ всякой удобно можетъ выразумѣть, оставляемъ подразумѣвать читателямъ, или слушателямъ. *На прим. онъ предпринимаетъ сильныя мѣры; а мы что?* 2) Безсоюзіе, когда оставляются безъ союза съ ряду стоящія или въ одинакихъ Грамматическихъ перемѣнахъ слова, или одного рода краткія предложенія. *На прим.*

страсти. Удержаніе.

Безсоюзіе.

Сгущеннымъ мракомъ свѣтъ отъемлетъ,
Льетъ дождь, громъ мещетъ, твердь колеблетъ,
Недвижныхъ горъ сердца трясетъ.

§ 170. Для живѣйшаго выраженія важнѣйшей мысли или употребляется нѣсколько такихъ словъ, безъ которыхъ смыслъ можетъ быть полнымъ, или повторяется то слово, подъ которымъ содержится оная мысль. Перваго рода три фигуры: 1) Изобилованіе, состоящее въ томъ, когда употребляется одно, или нѣсколько такихъ словъ, которыя служатъ не къ составленію полнаго смысла, но къ сильнѣйшему выраженію содержа-

— Служащія къ выраженію важнѣйшей мысли.

Изобилованіе.

щейся въ нихъ мысли; *на прим. руками взялъ, руками и отдай.*

Многосоюзіе. 2) Многосоюзіе или употребленіе соединительнаго союза предъ каждымъ такимъ словомъ, которыя стоятъ въ одинакихъ Грамматическихъ перемѣнахъ, или предъ каждымъ одного рода, и при томъ краткимъ, предложеніемъ; *на прим. и праздность и дѣла, и печаль и радость, и убожество и богатство; все сіе изтощаетъ наши силы.* 3)

Единознаменованіе. Единознаменованіе, то есть, употребленіе нѣсколькихъ подобнозначащихъ или словъ, или предложеній для сильнѣйшаго выраженія одной мысли; *на прим. веселися, ликуй, торжествуй, блаженная Россія!*

Того же рода фигуры, состоящія въ повтореніи. Усугубленіе. Единоначатіе.

§ 171. Фигуры, служащія къ сильнѣйшему выраженію важнѣйшей мысли посредствомъ повторенія словъ, суть слѣдующія: 1) Усугубленіе, то есть, повтореніе въ одномъ предложеніи слова, выражающаго главную мысль; *на прим. нашъ вѣкъ есть вѣкъ просвѣщенный.* 2) Единоначатіе, то есть, начатіе нѣсколькихъ съ ряду стоящихъ предложеній однѣми словами; *на прим.*

Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ;
Онъ такъ бросалъ за Белтъ свой громъ;

Онъ сильну такъ взносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ.

3) Единоокончаніе, или окончаніе нѣсколькихъ предложеній однѣми словами; *на прим. человѣкъ родится для благополучія, воспитывается для благополучія, безпрестанные несетъ труды для благополучія; при всемъ томъ рѣдко достигаетъ сей цѣли.* 4) Совокупленіе, то есть, и начатіе, и окончаніе нѣсколькихъ съ ряду предложеній однѣми словами; *на прим. спросите разсудокъ, онъ вамъ сіе скажетъ; спросите ваше сердце, оно также сіе скажетъ; спросите опытнаго человѣка, онъ вамъ тоже самое скажетъ* 5) Возвращеніе, или начатіе одного предложенія тѣмъ же словомъ, которымъ окончено предъидущее предложеніе; *на прим.* Единоокончаніе. Совокупленіе. Возвращеніе.

Герои Сѣверной Астреи
Поставивъ на землѣ трофеи,
Трофеи ставятъ на зыбяхъ.

6) Возхожденіе, или начатіе нѣсколькихъ предложеній тѣмъ словомъ, которымъ кончится предъидущее предложеніе; *на прим. мы щитаемъ себя почти безсмертными во* Возхожденіе.

время юности; но послѣ юности не примѣтно наступаетъ мужество; за мужествомъ почти во слѣдъ идетъ старость; а отъ старости одинъ только шагъ до гроба. Или: *тако даровала народамъ царей, царямъ области, областямъ уставы.*) 7 Окруженіе, или окончаніе цѣлаго, но краткаго періода тѣмъ же словомъ, которымъ онъ началъ; *на прим.*

Окруженіе.

Я веселъ, а о чемъ, того не знаю самъ;
Но что мнѣ нужды въ томъ?
Лишь только бъ я былъ веселъ.

Наклоненіе.

8. Наклоненіе, или употребленіе одного слова въ различныхъ Грамматическихъ перемѣнахъ; *на прим.*

Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ.

— Состоящія въ подборѣ сходныхъ словъ, или предложеній. Приложеніе.

§ 172. Служащія къ украшенію и пріятности слова фигуры состоятъ въ подборѣ сходныхъ между собою словъ, или краткихъ предложеній. Ихъ только двѣ: 1) Приложеніе, когда каждому изъ числа многихъ стоящихъ съ ряду существительныхъ именъ дается приличное прилагательное, или каждо-

му изъ числа многихъ глаголовъ пристойное нарѣчіе. *На примѣръ: вождь и министръ Румянцевъ, орелъ въ шествіи и побѣдахъ Суворовъ, дивный въ совѣтахъ Потемкинъ, флотоистребитель Орловъ, твердый Панинъ, осторожный Репнинъ.* 2) Соотвѣтствіе, или употребленіе нѣсколькихъ съ ряду предложеній, состоящихъ изъ одного числа, порядка и качества словъ; *на прим:* Соотвѣтствіе.

Между Кавказскою горой и Льдистымъ понтомъ,
Межъ моремъ Пенжинскимъ и Финскимъ горизонтомъ;
Гдѣ объ и Анадыръ, подъ ледъ сокрывшись, спятъ;
Гдѣ Волга и Нева, лїясь въ моря, шумятъ;
Побѣдоносная въ веселїи Россїя
Подъ кроткимъ Божествомъ ведетъ лѣта златыя.

Или: *Столпы Его — древа столѣтни;*
Куренїе — цвѣты Алпїйски ;
Симфонїя — хоръ птицъ въ лѣсахъ;
Красивость — пестрота цвѣтовъ.

§ 173. Фигуры предложеній состоятъ, какъ выше сказано, въ особ- О различныхъ ро-

дахъ фигуръ предложеній. ливомъ подборѣ, разположеніи и связи цѣлыхъ смысловъ. Иныя изъ нихъ служатъ къ подтвержденію спороны витіи, а иныя къ украшенію и вмѣстѣ разумноженію его слова, иныя же наконецъ къ успѣшнѣйшему возбужденію страстей. Перваго рода суть слѣдующія: 1) Предупрежденіе, состоящее въ томъ, когда сочинитель самъ себѣ предложивъ возраженіе, или вопросъ, которой бы могли предложить ему другіе, на то отвѣтствуетъ, *на прим. публика принимаетъ съ одобреніемъ его стихи: но не уже ли сіе служитъ къ твоему безчестію? Ободрись, пиши самъ, старайся произвести что нибудь лучше его.*

— Служащія къ украшенію.

Предупрежденіе.

Отвѣтствованіе. 2) Отвѣтствованіе, когда сочинитель предлагаетъ себѣ нѣсколько съ ряду вопросовъ, или возраженій, и на каждое изъ нихъ отвѣтствуетъ особливо. *На прим.*

Что жизнь? Игра страстей. Что смерть? Предѣлъ мученья.

Уступленіе. 3) Фигура Уступленіе состоитъ въ томъ, когда сочинитель такимъ образомъ предлагаетъ себѣ возраженіе, что принявъ его за справедливое, потомъ прибавляетъ къ нему еще свою, но такую мысль

которая оное совершенно опровергаетъ. Такъ говоритъ Альзира, (траг. Альз. дѣй. V. явл. 2.) услышавъ отъ своего отца, что супругъ ея Гусманъ, одинъ изъ Гишпанцевъ, утѣснявшихъ Америку, убитъ любовникомъ ея Заморомъ: *я сожалѣю о Гусманѣ; его судьба мнѣ кажется весьма жестокою: но я сожалѣю болѣе о томъ, что онъ сіе заслужилъ.* 4) Фигура Сообщеніе состоитъ въ томъ, когда сочинитель сказавъ такую мысль, о которой не сомнѣвается, что ее примутъ за справедливую, вмѣсто причины ссылается на честность и совѣсть своихъ читателей, или слушателей; *на прим:* Сообщеніе.

Не правда ли, мой другъ! не то же ли ты скажешъ?
Ты скажешъ? Но уже ты взорами сказалъ,
Что мысль о семъ твоя была одна съ моей.

§ 174. Фигуры къ украшенію и вмѣстѣ къ разумноженію служащія суть слѣдующія: 1) Прехожденіе, когда сочинитель такимъ образомъ предлагаетъ нѣсколько къ одному предмету относящихся мыслей, что объ одной только изъ нихъ, Служащія къ украшенію и разумноженію. Прехожденіе.

то есть, о той, которая всѣхъ важнѣе, намѣренъ, кажется, сказать, а о прочихъ не хочетъ и упоминать; *на прим. я могъ бы представить вамъ, государи мои, личные и семейственные пороки его; могъ бы показать вамъ въ немъ разточителя имѣнїй: безпечнаго отца, невѣрнаго супруга, жестокосердаго господина: но я оставляю все сїе, чтобы только изобразить вамъ его вѣроломство и предательство.*

Премѣненїе. 2) Премѣненїе, когда переставивъ слова, составляющїя какое нибудь краткое предложенїе, дѣлаемъ изъ того другое предложенїе, содержащее въ себѣ противную, или по крайней мѣрѣ совсемъ другую мысль; *на прим. за радостїю по большой части слѣдуетъ печаль, но не всегда за печалїю радость.*

Отличенїе. 3) Отличенїе, когда сочинитель содержащїяся подъ словами подобнозначащими понятїя такъ различаетъ между собою, что одно изъ нихъ предпочитаетъ другому: Такимъ образомъ говоритъ Руссо о вѣжливости нашихъ временъ: *никогда похвала не коснется собственнаго достоинства; но добродѣтель ближняго будетъ унижаема; не нанесутъ грубостїю огорченїя ниже своему непрїятелю; но*

удовлетворятъ себѣ замысловатымъ злословїемъ. Или: *онъ объявитъ о семъ всякому, но ни кому не признается.* Сверхъ сего фигура отличенiе состоитъ еще въ томъ, когда единственную въ природѣ вещь принимаемъ за двѣ различныя вещи, и при томъ дѣлаемъ сiе въ одномъ краткомъ предложенiи; *на прим. я видѣлъ столѣтнюю иву, подъ которою любилъ думать философъ, и мечтать стихотворецъ,* (*то есть, Поле*). *Такимъ образомъ Альзира говоритъ Замору, своему любовнику, намѣревающемуся убить ея супруга, Гишпанскаго въ Америкѣ Губернатора, пылавшаго мщенїемъ противъ Замора: отъ тебя зависитъ спасти моего любовника отъ смерти, моего супруга отъ злодѣянїя, и проч.* 4) Невозможность, когда сочинитель, сравнивая какое нибудь трудное дѣло съ дѣломъ не возможнымъ, почитаетъ послѣднее легче перваго. *На примѣръ: скорѣе удержишь стремленїе вихря, нежели изступленїе гнѣва.* 5) Наращенiе, когда сочинитель разполагаетъ свои мысли такъ, что онѣ видимымъ образомъ отвѣтствуютъ или порядку времени, или относительной ихъ важности. *На*

примѣръ: напалъ, сразился, побѣдилъ. или: замыслы, надежды, щастіе; вотъ занятія празднаго.

Противоположеніе. § 175. Важнѣйшія сего рода фигуры суть: 6) Противоположеніе, то есть, продолжительное сличеніе въ одномъ предложеніи противныхъ между собою понятій, или въ одномъ періодѣ противныхъ между собою предложеній; *на прим. отъ перваго шалаша до Луврской колонады, отъ первыхъ звуковъ простой свирѣли до симфоній Гайдена, отъ перваго начертанія деревъ до картинъ Рафаелевыхъ, отъ первой пѣсни дикаго до Поемы Клопштоковой, человѣкъ слѣдовалъ сему стремленію, (врожденному желанію*

Раздѣленіе. *улучшить свое бытіе).* 7) Раздѣленіе, то есть, вычисленіе или видовъ вмѣсто рода, или частей вмѣсто цѣлаго; *на прим.*

Речешь, и двигнется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета;
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ:
Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ.

Изображеніе. 8) Изображеніе или подробное и слѣдовательно самое живое описаніе какого нибудь лица, вещи, или

произшествія; *на прим. преклоняеть колѣна и выю не повинный, мечь возносится, блещеть, на выю устремляется, ударяеть, сь жизнію кровь изливается, и трепещущій трупь сь блѣдною главою упадаеть.*

Или: *Между трещинь стѣнь валящихся*
Лишь сверкають очи огненны
Звѣря дикаго, пустыннаго.

9) Определеніе Риторическое, то есть, описаніе какого нибудь лица, или вещи, посредствомъ вычисленія въ видѣ определенія свойствъ, дѣйствій, обстоятельствъ, подобій, и прочая; *на прим. совѣсть есть первый плодь разверзающагося разсудка; совѣсть есть первая наставница человѣка, начинающаго мыслить; совѣсть есть та тяжесть, которая, соединившися сь нашимь сердцемь, дѣлаеть равновѣсіе между имь и страстями; совѣсть есть данное намь природою оружіе, которое защищаеть вь нась любовь кь ближнему противь нашего самолюбія; однимь словомь, совѣсть есть тоть благодѣющій* Сократов*ь Духь, то не извѣстное божество, которое управляло его жизнію, и разполагало его судьбою,* Определеніе Риторическое.

даже въ то время, когда онъ не блѣднѣя пилъ смертоносную чашу.

Сравненіе. 10) Сравненіе, то есть, продолжительное сличеніе подобныхъ между собою вещей, или лицъ въ сходственныхъ свойствахъ, дѣйствіяхъ, обстоятельствахъ, и прочая; *на прим. Гомеръ былъ великій умъ, Виргилій лучшій художникъ; въ одномъ мы удивляемся рѣдкимъ дарованіямъ, а въ другомъ рѣдкому творенію; Гомеръ возбуждаетъ съ нѣкоторымъ повелительнымъ насиліемъ, Виргилій ведетъ за собою съ нѣкоторымъ приятнымъ величествомъ; Гомеръ великодушно разточаетъ свое изобиліе, Виргилій равнодушно раздѣляетъ свое богатство; Гомеръ подобно Нилу внезапно разливаяся, разверзаетъ всѣ свои сокровища, Виргилій подобенъ рѣкѣ, одинаково текущей въ своихъ брегахъ.*

Напряженіе. 11) Напряженіе, или помѣщеніе самымъ краткими образомъ важныхъ, относящихся къ одному предмету мыслей. *На прим. и такъ могъ ли онъ (Генрихъ IV) противиться утвердившемуся заговору, враждующей ему Испаніи, толь страшнымъ, толь опаснымъ стрѣламъ Ватиканскимъ, золоту новаго*

міра, которое оныхъ еще сильнѣе? *Генріада.*

§ 176. Опытность замѣтила, какъ человѣкъ изъясняется во время сильной страсти; а наставники краснорѣчія употребили сіи замѣчанія въ свою пользу. Они предписываютъ сочинителю также говорить въ томъ случаѣ, когда онъ намѣревается произвести въ другихъ страсть. Сей подражательный родъ слова составляетъ тѣ фигуры, которыя служатъ съ возбужденію страстей. Онѣ суть слѣдующія: 1) Поправленіе, состоящее въ томъ, когда показывая видъ, что мы не довольно точно выразили свою мысль, употребляемъ для сильнѣйшаго изображенія оной другія гораздо важнѣйшія слова; *на прим. приятный, или лучше сказать, волшебный языкъ краснорѣчія.* 2) Сомнѣніе, то есть, пріятное изображеніе недоумѣнія и нерѣшимости, бывающей во время дѣйствія или двухъ противныхъ между собою страстей, или одной только, но весьма сильной страсти. Такъ говоритъ своему офицеру Оросманъ, одинъ изъ Принцевъ Американскихъ, перехвативъ пись-

— Служащія къ возбужденію страстей.

Поправленіе.

Сомнѣніе.

мо, писанное къ плѣнницѣ и любовницѣ его Заирѣ, отъ ея брата Нерестана, котораго онъ почиталъ ея любовникомъ: *бѣги къ ней тотчасъ, иди, лети, Коразминъ; и потомъ пронзи не вѣрную сто ударами кинжала. Но прежде, нежели ее поразишъ... Ахъ, любезный другъ! остановись, остановись! еще не время. Я хочу, чтобы сей Христіанинъ предъ ея глазами... Нѣтъ: я не хочу болѣе ничего: я умираю; я упадаю подъ бременемъ своего отчаянія. (Траг. Заир. Дѣйствіе VI. явлен. 5.)* 3.) Заимословіе, то есть рѣчь влагаемая сочинителемъ въ уста отсутствующихъ, или умершихъ лицъ, или приписуемая бездушнымъ вещамъ. Примѣръ будетъ предложенъ ниже. 4) Обращеніе, или рѣчь, произносимая къ отсутствующимъ, или умершимъ лицамъ, или къ бездушнымъ вещамъ. Примѣръ также предложенъ будетъ ниже. 5) Вопрошеніе, или предложеніе вопросительною рѣчію такихъ мыслей, которыя можно сказать безъ вопроса. Примѣромъ трехъ предъидущихъ фигуръ можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ рѣчи писанной противъ наукъ извѣстнымъ сочинителемъ. *О Фабрицій! что помы-*

Заимословіе.

Обращеніе.

Вопрошеніе.

слила бы великая душа твоя, когда бы къ твоему нещастїю, возставъ изъ мертвыхъ, ты увидѣлъ въ семъ пышномъ видѣ Римъ, который спасла рука твоя, и который почтенное твое имя болѣе прославило, нежели всѣ его завоеванїя? Боги! сказалъ бы ты, куда дѣвались соломенныя тѣ кровли и грубыя горнила, гдѣ обитали нѣкогда умѣренность и добродѣтель? — Несмысленные!... И такъ вы омыли своею кровїю Грецїю и Азїю токмо для того, чтобъ обогатить зодчїевъ, живописцевъ, истуканщиковъ и комедїантовъ? 6) Умолчаніе, то есть, пресѣченіе не доконченнаго смысла по причинѣ весьма сильной страсти; *на прим. здѣсь, въ сихъ прелестныхъ мѣстахъ... Прости моему заблужденїю... Его уже здѣсь нѣтъ болѣе.* 7) Восклицаніе, или изъявленіе сильной какой нибудь страсти, которую сочинитель не можетъ въ себѣ сокрыть; *на прим. о буйство отличить себя, чего ты не въ силахъ сдѣлать?* Несравненно приятнѣе сія фигура, когда она полагается въ концѣ какаго нибудь повѣствованія, или размышленія, и содержитъ въ себѣ относящееся къ то-

Умолчаніе.

Восклицаніе.

му мнѣніе. Такъ Руссо, описавъ развратность нравовъ, своихъ современниковъ, говоритъ: *вотъ какую непорочность снискали нравы наши! Вотъ сколько добродѣтельными сдѣлались мы?* 8) Желаніе, то есть, изъясненіе сильнаго желанія себѣ, или другому, чрезвычайнаго какаго нибудь добра, или зла. Примѣромъ сего можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ Трагедіи, Магометъ, дѣйст. V. явлен. 2. гдѣ Пальмира, дочь Зопира Мекскаго Шерифа, похищенная и воспитанная вмѣстѣ съ братомъ своимъ Зеидомъ въ станѣ Магометовомъ, не зная о томъ, чьи они были дѣти, говоритъ Магомету, узнавъ послѣ, что Зопиръ ихъ отецъ, и что братъ ея, прежде нежели о семъ узналъ, умертвилъ его по наущенію Магометову. Вотъ ея слова.

Желаніе.

О естьлибъ я могла, злодѣй, въ твоей утробѣ
Всю внутренность твою рукой сей разтерзать!
Увидѣть ближнихъ всѣхъ твоихъ теперь во гробѣ,
И въ ихъ дымящейся крови здѣсь утолать!
О естьли бы могли узрѣть глаза мои,

Чтобъ Мекка, Азїя, Медина безъ боязни,
За лицемѣрїе, за звѣрства всѣ твои,
Излили на тебя всѣ вдругъ свой гнѣвъ и казни!
Чтобъ миръ, который ты ограбилъ, обольстилъ,
Увидѣлъ со стыдомъ свои теперь оковы,
И ихъ разторгнувши, тебѣ за нихъ отмстилъ!
Чтобъ сей, основанный на лжи, законъ твой новый,
Былъ посмѣянїемъ грядущимъ временамъ!
Чтобъ адъ, чѣмъ ты грозилъ отважнымъ тѣмъ умамъ,
Которы сей законъ сомнѣнью подвергали,
Чтобъ адъ, вмѣстилище всѣхъ ужасовъ, печали,
Который ты одинъ изъ всѣхъ насъ заслужилъ,
Твоимъ наслѣдїемъ по смерти вѣчно былъ!
Вотъ чувствїя души, обязанной тобою!
Вотъ гласъ желанїй, клятвъ, произносимыхъ мною!

Конецъ I го отдѣленїя.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О слогѣ, или о совершенствахъ слова, зависящихъ вообще отъ украшеній, изобрѣтенія и разположенія.

О слогѣ вообще.

§ 177. Прочитавъ со вниманіемъ нѣсколько сочиненій одного рода, не можно не примѣтить, что въ нихъ есть нѣчто особливое, чѣмъ свойственное имъ краснорѣчіе отлично отъ краснорѣчія употребляемаго въ сочиненіяхъ другаго рода; и что сіе отличіе состоитъ не въ одномъ только искуствѣ употреблять такія выраженія и украшенія, и послѣднія въ такой мѣрѣ и степени, что все сіе, соотвѣтствуя одно другому взаимно, дѣлаетъ какъ бы особливое нарѣчіе языка; но сверхъ сего внимательный читатель примѣчаетъ еще въ сочиненіяхъ одного рода нѣчто, имъ однѣмъ принадлежащее, въ разсужденіи самыхъ мыслей, то есть, ихъ образа произхожденія, ихъ совершенствъ, размѣ-

щенія и связи. Впрочемъ когда выраженія и украшенія во всемъ сочиненіи имѣютъ нѣчто особливое; то не возможно, чтобъ изображаемыя ими мысли не имѣли тогоже самаго качества. Такое отличіе краснорѣчія примѣтно даже въ твореніяхъ одного писателя. Въ произведеніи мыслей всегда одно наиболѣе дѣйствуетъ у него дарованіе; сообщаемыя имъ чувствованія по большой части изъ одного произтекаютъ източника, дѣйствующаго на чувствительность его; въ разположеніи, выраженіяхъ, украшеніяхъ, видно болѣе искуство одного рода; однимъ словомъ, все, кажется, изъ одной вышло формы: а сіе отъ того, что все произведено одною господствующею въ душѣ писателя силою. Истинну сего подтверждаетъ то, что краснорѣчіе, свойственное одному народу, всегда имѣетъ нѣчто, чѣмъ оно различно отъ краснорѣчія, употребляемаго другимъ народомъ. Какъ же витіи называютъ сей особливый образъ краснорѣчія, какъ бы принадлежащаго въ особенности какому нибудь или роду сочиненій, или сочинителю? Сіе есть не что иное, какъ слогъ. А по сему все то входитъ

въ понятіе о слогѣ, что токмо участвуетъ въ составленіи того, чѣмъ краснорѣчіе одного рода отличается отъ другаго; то есть все, что сочиненіе со стороны и мыслей и выраженій имѣетъ хорошаго или худаго, превосходнаго или не достаточнаго.

Слогъ долженъ отвѣчать намѣренію сочиненія.

§ 178. Главное совершенство всякаго зданія состоитъ въ томъ, чтобъ оно отвѣтствовало тому намѣренію, съ какимъ выстроено: подобнымъ образомъ самое важное и самое нужнѣйшее качество сочиненія есть то, чтобы слогъ, то есть употребленныя въ немъ мысли и выраженія, былъ сообразенъ главному намѣренію всего слова; такъ что чѣмъ болѣе ощутительны излишество или недостатокъ краснорѣчія въ отношеніи къ той цѣли, которой сочинитель долженъ достигнуть; тѣмъ менѣе онъ можетъ ожидать желаемаго имъ успѣха. Въ самомъ дѣлѣ совершенно не возможно возпламенить сердце слушателя, говоря о предметѣ возбуждаемой страсти языкомъ равнодушія: не возможно плѣнить его воображеніе такою рѣчію, которая не изпещре-

на никакими искуственными красотами; и нѣтъ ничего обыкновеннѣе и справедливѣе, какъ его негодованіе въ такомъ случаѣ, когда о дѣлахъ весьма важныхъ предлагаютъ ему или нерадиво, или легкомысленно; и напротивъ сего говоря о дѣлахъ простыхъ и обыкновенныхъ изтощаютъ все искуство краснорѣчія.

§ 179. Но чтобы слогъ отвѣтствовалъ всегда главному намѣренію сочиненія; то стоитъ только напередъ заняться нѣсколько матеріею слова. Сіе не большое размышленіе тотчасъ покажетъ и ту цѣль, къ которой должно клониться все сочиненіе, и то искуство, какое долженъ въ немъ употребить сочинитель. Положимъ на примѣръ, что онъ хочетъ пересказать своимъ слушателямъ или читателямъ нѣкоторое, впрочемъ не рѣдкое, но обыкновенное произшествіе; первое въ семъ случаѣ его намѣреніе должно быть то, чтобъ ясно начертать, и надолго оставить въ ихъ памяти сообщаемое имъ произшествіе; а для сего конечно не нужно высокопарное краснорѣчіе, но достаточно почти одно простое и естествен- Намѣреніе сочиненія бываетъ трояко.

ное слово. Но когда содержаніемъ сочиненія будетъ гораздо болѣе занимающая вниманіе мысль; тогда долгъ писателя не только изтолковать ее сколько можно яснѣе, но еще увѣрить и убѣдить въ ней своихъ слушателей: и по сему онъ сверхъ ясности и твердости доказательствъ употребитъ въ помощь искуство краснорѣчія; дабы чрезъ то плѣнивъ воображеніе, удобнѣе повелѣвать умомъ и сердцемъ. Послушаемъ теперь витію предлагающаго о какомъ нибудь не обыкновенномъ, важномъ и весьма занимающемъ его слушателей предметѣ: онъ разточаетъ всѣ сокровища витійства, и такъ сказать, миновавъ разумъ, говоритъ единственно сердцу.

Слогъ есть троякаго рода.

§ 180. Отъ сего произходятъ три различные между собою рода слоговъ. Когда сочинитель или повѣствуетъ, или разсуждаетъ о чемъ нибудь не весьма важномъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы только оставить сіе въ памяти или въ умѣ своихъ читателей; то употребляемое въ семъ случаѣ краснорѣчіе называется низкимъ или простымъ сло-

гомъ: но когда онъ старается услаДить и плѣнить ихъ воображеніе своимъ словомъ, соединяя съ природными искуственныя красоты; то употребляемое на сей конецъ краснорѣчіе извѣстно подъ именемъ посредственнаго слога: наконецъ когда писатель возхищаетъ разумъ, проницаетъ въ сердце, и самовластно имъ повелѣваетъ посредствомъ своего слова; то сего рода краснорѣчіе называется высокимъ слогомъ.

§ 181. Низкій или простый слогъ есть такое краснорѣчіе, которое по видимому весьма мало различно отъ повседневнаго разговора. Естественная простота, тонкая замысловатость, не рѣдко нѣжность, составляютъ главное его совершенство. Естьли сочинитель, который пишетъ симъ слогомъ, употребляетъ мнѣнія, то онѣ бываютъ болѣе вкрадчивы нежели сильны; естьли употребляетъ описанія, то онѣ болѣе приятны, нежели высоки. Не увидите также у него такихъ выраженій, въ которыхъ бы очень примѣтно было искуство и рачительность; даже встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у- Низкій слогъ.

крашенія кажутся родившимися сами собою безъ всякаго съ его стороны раченія: при всемъ томъ вездѣ найдете въ немъ чистоту и совершенную точность слова и выраженій: однимъ словомъ, онъ кажется намъ такимъ природнымъ Риторомъ который совсемъ не знаетъ искуственныхъ украшеній; однако тѣмъ болѣе плѣняетъ сею естественною простотою, чѣмъ менѣе, кажется, старается о томъ, и чѣмъ скрытнѣе употребляетъ правила краснорѣчія.

Примѣръ низкаго слога.

Слѣдующее писмо Рускаго путешественника можетъ служить примѣромъ сего слога.

Въ Иль-де-Франсѣ зрѣютъ уже плоды на деревахъ, — въ Пикардіи все еще цвѣтетъ и благоухаетъ, — въ окрестностяхъ Булони едва разпускаются пучечки цвѣта. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ; и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ Юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ Сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ дватцати отъ почтоваго двора; смотрю чрезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городокъ Кале, окруженный болотами и лесками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я приѣхалъ на край свѣта. Тамъ не оброзримое море, — конецъ земли, — природа хладѣетъ, умираетъ, — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? Кто беретъ участіе въ моей горести? Кому изъясню чувства свои? Я одинъ... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? Гдѣ рука ваша? Гдѣ сердце ваше? Ахъ! кому подкрѣпить слабаго? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милые узы отечества, родства и дружбы! Я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе; — чувствую и лобызаю съ нѣжностію!

Дикой, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣлный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ искуствъ, видитъ богатство и пышность; — видитъ и плѣняется: — но чрезъ минуту очарованіе изчезаетъ, — хладъ остается въ его сердцѣ; и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Разные роды низкаго слога.

§ 182. Какъ низкій слогъ есть подражаніе повседневныхъ разговоровъ; то и употребляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда матеріею сочиненія бываетъ что нибудь такое, что служитъ содержаніемъ обыкновенныхъ въ общежитіи разговоровъ; и слѣдовательно когда писатель долженъ говорить языкомъ природнаго словесника. Такимъ образомъ изъясняется онъ въ разговорахъ, въ пріятельскихъ писмахъ, въ повѣствованіяхъ, и даже

въ учебныхъ книгахъ: а по сей причинѣ низкій слогъ называется иногда разговорнымъ, иногда писменнымъ, иногда историческимъ, иногда же поучительнымъ, и хотя всѣ сіи виды въ существенныхъ своихъ качествахъ одинаковы; при всемъ томъ каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто особенное, чѣмъ онъ отъ другаго отличается.

Слогъ разговорный.

§ 183. Слогъ разговорный есть самое ближайшее подражаніе употребляемаго въ общежитіи слова; потому что въ немъ сочинитель, скрывая себя подъ именами разговаривающихъ лицъ, долженъ говорить приличнымъ каждому изъ нихъ языкомъ; дабы чрезъ то совершенно изобразить предполагаемыя въ нихъ качества души и чувствованія сердца; а на сей конецъ не только выраженія, но и самыя мысли должны, такъ сказать, отзываться ихъ состояніемъ. Сверхъ сего разговоръ долженъ изобразить такое двухъ или многихъ лицъ между собою обращеніе, которое казалося бы занимающимъ разговаривающихъ, а чрезъ то занималобы н слушателей сего сочиненія. По сей причинѣ въ раз-

говорѣ употребительны пристойныя пословицы, острыя шутки, замысловатая игра словъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже простонародныя выраженія. По чему сочинитель разговора долженъ быть весьма свѣдущъ во всемъ, что касается до взаимнаго между собою обращенія людей всякаго состоянія. Наставники витійства примѣтивъ, что чрезмѣрное сходство сочиненнаго по правиламъ разговора съ ежедневнымъ нашимъ обращеніемъ весьма пріятно занимаетъ слушателя или читателя, ввели въ обычай иногда о чемъ нибудь важномъ предлагать въ видѣ разговора, дабы чрезъ то болѣе привлечь любопытства и вниманія. Въ семъ случаѣ слогъ писателя, чтобы соотвѣтствовать матеріи, болѣе бываетъ поучительный, нежели разговорный. Самымъ лучшимъ примѣромъ слога собственно разговорнаго могутъ служить комическія превосходныхъ творцевъ сочиненія.

Слогъ письменный. § 184. Переписка двухъ пріятелей, замѣняющая личное ихъ между собою обращеніе, должна быть точнымъ подражаніемъ онаго. Со-

чинитель такаго писма долженъ его писать такъ, какъ бы онъ сталъ говорить, но говорить чисто и исправно. И по сему въ такихъ писмахъ все то не можетъ имѣть мѣста, что не свойственно личному обращенію, на примѣръ, плодовитое изобрѣтеніе, философское глубокомысліе, величественныя описанія, избранныя выраженія, длинные періоды, отзывающееся раченіемъ словотеченіе, и проч. Напротивъ вездѣ простота и откровенность, съ какою обращаются между собою пріятели; вездѣ естественность мыслей и слова, которая не стоила сочинителю никакаго труда, суть истинныя качества писменнаго слога. Даже нѣкоторыя не большія погрѣшности въ немъ извинительны. При всемъ томъ употребляемый въ писмахъ слогъ долженъ быть нѣсколько выше и рачительнѣе разговорнаго: потому что въ разговорѣ сочинитель говоритъ такъ, какъ будто онъ ни мало о томъ напередъ не думалъ, но слѣдовалъ только одной случайной связи мыслей: напротивъ сего въ писмахъ онъ долженъ быть нѣсколько разборчивѣе, зная, что каждое выраженіе, каж-

дая мысль будетъ отнесена на щетъ не случая, но его собственный; тѣмъ болѣе, что всякой читатель предполагаетъ, что онъ довольно имѣлъ времени обдумать все то, что содержитъ въ себѣ его писмо. Всякой чувствуетъ, что такой слогъ употребителенъ въ однѣхъ приятельскихъ писмахъ: напротивъ сего въ ученыхъ, которыя введены по тойже причинѣ, по какой начали писать и разговоры о важныхъ матеріяхъ, слогъ естественно долженъ быть почти одинъ съ поучительнымъ, съ не большими и при томъ въ приспойныхъ мѣстахъ оттѣнями писменнаго. Сочинитель писма высокаго болѣе бываетъ, какъ уже сказано прежде, витіею, нежели подражателемъ личнаго разговора. Къ показаннымъ родамъ писемъ можно еще присовокупить тѣ, которыя составляютъ переписку между людьми мало знакомыми, и иногда не равнаго состоянія, о дѣлахъ собственныхъ, или касающихся ихъ должности. Сей родъ писемъ составляетъ нѣчто среднее между высокими и приятельскими, и болѣе всего требуетъ яснаго и чистаго слова при

свойственной въ нынѣшнія времена благовоспитанному гражданину вѣжливости, въ разсужденіи которой однако сочинитель сообразуется съ положеніемъ какъ своимъ, такъ и того, съ кѣмъ переписывается. Человѣкъ низшаго состоянія изъясняется предъ тѣмъ, кто его выше, съ нѣкоторою почтительностію, а высшій своими выраженіями, такъ сказать, сближаетъ сколько можно свое состояніе съ состояніемъ того, къ кому пишетъ; наблюдая при томъ оба, чтобы не унизить себя чрезмѣрно, и остаться въ округѣ приличнаго каждому изъ нихъ рода мыслей и слова. Когдаже равный пишетъ къ равному; вездѣ отзывается о немъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, даже предпочтеніемъ.

§ 185. Слогъ историческій есть тотъ родъ витійства, который употребляется во всѣхъ, какія только бываютъ, описаніяхъ, повѣствованіяхъ и исторіяхъ. Главныя онаго совершенства суть со стороны изобрѣтенія чрезмѣрная естественность мыслей, то есть существенное къ предмету сочиненія оныхъ отношеніе, по которому ихъ при- Слогъ историческій.

обрѣтеніе никакаго не стоитъ сочинителю напряженія и усилія, но только показываетъ, что онъ весьма тонко и подробно знаетъ свой предметъ; со стороны разположенія, строгое наблюденіе природнаго порядка дѣлъ, и такая связь частей сочиненія, что возбужденное одною изъ нихъ любопытство читателя не можетъ иначе быть удовлетворено, какъ съ окончаніемъ уже всего сочиненія; наконецъ со стороны выраженій ясная и при томъ свободная рѣчь, при украшеніяхъ соразмѣрныхъ содержанію сочиненія, и большею частію такихъ, какія свойственны естественному слову. Впрочемъ не возможно, чтобъ историческій слогъ во всѣхъ выше сказанныхъ сочиненіяхъ былъ одинаковъ, по причинѣ великой ихъ между собою разнообразности. Поелику вопервыхъ содержаніемъ оныхъ бываетъ иногда что нибудь обыкновенное въ природѣ или человѣческомъ общежитіи, иногдаже что нибудь рѣдкое, важное и занимающее всѣхъ; во вторыхъ самыя сіи сочиненія пишутся или для прочтенія одного, по крайней мѣрѣ не многихъ, или для удовлетворенія

любопытства цѣлаго общества просвѣщенныхъ. Сверхъ сего творцы такихъ сочиненій различное въ разныхъ случаяхъ предполагаютъ произвести ими въ своихъ читателяхъ дѣйствіе: такъ что иногда хотятъ токмо сообщить ясное и достаточное о какомъ нибудь предметѣ свѣдѣніе; иногдаже, слѣдуя существу своей матеріи, занять приятнымъ образомъ воображеніе читателей, а иногда, особливо въ описаніяхъ стихотворческихъ, произвести чувствованія страсти. И такъ когда бываетъ описуемо что нибудь такое, что можетъ быть, или и бываетъ, содержаніемъ разговора одного приятеля или знакомца съ другимъ; и при томъ когда извѣстно, что сочиненіе будетъ имѣть одного, по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ, и при томъ знакомыхъ читателей; или когда оно должно быть написано такъ, какъ пишутъ въ такомъ случаѣ, то есть не для цѣлаго общества, но для не многихъ только: то обыкновенно бываетъ употребляемъ родъ слова, свойственный разговорамъ и приятельскимъ писмамъ. Но когда содержаніемъ описанія будетъ что нибудь важнѣе, то есть когда сочинитель

онаго имѣетъ цѣлію, представить воображенію или чувствительности читателей нѣчто разительное, и при томъ пишетъ для цѣлаго общества: то безъ сомнѣнія онъ долженъ быть гораздо рачительнѣе, и употреблять болѣе, нежели сколько свойственно низкому слогу, витійственнаго искуства; долженъ болѣе входить въ достоинство мыслей и чувствованій, и объясняться съ такимъ краснорѣчіемъ, которое видимо приобрѣтено наукою, а не навыкомъ и силою природы; наблюдая, что бы все отвѣчало важности матеріи, и клонилося къ единству намѣренія описанія, то есть чтобы цѣлое сочиненіе внушало читателю одно общее о предметѣ описанія понятіе. Почти также пишутся описанія вымышленныя: различіе только въ томъ, что онѣ, будучи сочиненія стихотворческія, требуютъ красотъ свойственныхъ витійству сего рода. Наконецъ слогъ собственно историческій, то есть употребляемый въ исторіяхъ, долженъ отвѣтствовать тому важному объ исторіи понятію, что она есть училище современниковъ и потомковъ; и по сему долженъ имѣть важность,

основательность и благоразумie, свойственное таковому наставнику. Слѣдовательно сочинитель исторіи вездѣ долженъ помнить, что онъ имѣетъ дѣло не съ воображенiемъ, но съ разсудкомъ читателей; и потому въ изобрѣтеніи почерпаетъ изящныя мысли не изъ риторическихъ мѣстъ, не изъ мечтаній воображенія, но изъ существенныхъ обстоятельствъ самаго дѣла; когда въ чемъ нибудь распространяется, то не съ тѣмъ, чтобы приятнымъ образомъ занять своихъ читателей, но чтобы поразить ихъ вниманiе подробнымъ изображенiемъ самой, такъ сказать, внутренности представляемаго важнаго произшествія; когда открываетъ свои чувствованія, то онѣ изъ его собственнаго, какъ говорятъ, изливаются сердца; такъ что онъ прежде и сильнѣе всѣхъ, кажется, былъ пораженъ повѣствуемыми бытіями: въ расположеніи и соединеніи предлагаемыхъ имъ дѣяній вездѣ слѣдуетъ взаимному ихъ отношенію, и строго наблюдаетъ, чтобы послѣдующія всегда рождалися изъ предшествовавшихъ, дабы его сочиненіе при всей разнообразности содержащихся въ

немъ дѣлъ и вещей, казалося однимъ непрерывнымъ цѣлымъ, и внушало, сколько возможно, одно общее понятіе о томъ народѣ или человѣкѣ, котораго дѣянія бываютъ предметомъ повѣствованія. Наконецъ въ разсужденіи выраженій, не блескъ реченій, не мастерскій оныхъ подборъ, не игривые обороты словосочиненій, но точность, пристойность и сильная краткость составляютъ главныя достоинства историческаго слога. Онъ принимаетъ, правда, и украшенія, даже иногда высокія и стремительныя, особливо въ рѣчахъ вводныхъ; но онѣ всегда бываютъ произведеніемъ сильныхъ чувствованій, рожденныхъ въ душѣ историка повѣствуемыми дѣяніями. Однимъ словомъ, свойственное историямъ витійство есть такое слово, въ которомъ видны отличныя природныя, но возвышенныя и усовершенныя великою опытностію и наукою дарованія.

Слогъ поучительный.

§ 186. Поучительный слогъ (style didactique) употребляется въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя содержатъ въ себѣ какую нибудь науку, или одну только часть оной. По-

елику писатель сего рода со стороны изобрѣтенія почти никакаго не имѣетъ себѣ дѣла, кромѣ наблюденія основательности мыслей: то все свое вниманіе обращаетъ токмо на разположеніе сочиненія и на способъ выраженія. Въ разсужденіи перваго главное искуство его состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себѣ такое какъ всего сочиненія, такъ и каждой части онаго, предначертаніе, которое, будучи сколько можно естественнѣе и понятнѣе, заключало бы все нужное, и при томъ въ не прерывной связи. По избраніи такаго разположенія долгъ сочинителя остерегаться прервать оное, какимъ нибудь особливо къ существу дѣла мало относящимся и пространнымъ отступленіемъ; стараться самымъ лучшимъ образомъ связывать относящіяся къ главному предмету подробности; изъяснять рачительно все, что можетъ быть не удобопонятно, присовокупляя къ тому достаточные примѣры; и наконецъ, естьли предлагаемы бываютъ первыя токмо основанія науки, удаляться тонкихъ и глубокомысленныхъ размышленій. Что касается до

выраженій, то вразумительность, краткость и важность составляютъ отличительныя свойства поучительнаго слога. Вразумительность требуетъ отъ сочинителя, чтобъ онъ не употреблялъ ни одного искуственнаго реченія и выраженія, котораго знаменованіе не было прежде имъ изъяснено и чтобъ вездѣ изъяснялся чисто, но при томъ сколько возможно сходственнѣе съ обыкновенною въ обращеніи просвѣщенныхъ людей рѣчію. Впрочемъ онъ не пренебрегаетъ такихъ украшеній, которыя вопервыхъ естественны, и сверхъ того нѣкоторымъ образомъ вознаграждаютъ то, что называется сухою матеріею, и способствуютъ къ преодолѣнію той скуки, которую многіе чувствуютъ при чтеніи сочиненій сего рода. Но въ такихъ поучительныхъ твореніяхъ, которыхъ содержаніе должно занимать единственно вниманіе, и ничего не представляетъ ни для воображенія, ни для чувствительности, никакія витійственныя украшенія не могутъ имѣть мѣста. Краткость выраженія, изключая всякое многословіе, требуетъ, чтобы каждая мысль была изображена такимъ

количествомъ реченій, какое для того необходимо, чтобы мысль была выражена точно. Наконецъ важность поучительнаго слога состоитъ въ удаленіи шуточныхъ мыслей и выраженій, колкихъ насмѣшекъ, и вообще всего, что можетъ подать предосудительное о сановитости писателя мнѣніе.

Поучительный стихотворческій слогъ.

Есть примѣры, что великіе стихотворцы иногда пишутъ цѣлыя сочиненія, въ которыхъ предлагаютъ наставленія въ какой нибудь наукѣ, или въ какомъ нибудь упражненіи; такъ, на примѣръ, Горацій и Боало въ стихотвореніи, Виргилій въ земледѣліи, и проч. Главныя качества слога, свойственнаго стихотворческимъ сего рода твореніямъ, суть тѣже, какихъ требуетъ и употребляемый въ прозѣ поучительный слогъ: но въ стихотвореніи онъ гораздо болѣе, нежели въ прозѣ, имѣетъ раченія о пріятномъ занятіи воображенія искусственными красотами. Предлагая о самыхъ простыхъ и весьма обыкновенныхъ вещахъ, возвышаетъ ихъ избранными обстоятельствами и выраженіями; слѣдуя предназначен-

ному разположенію сочиненія, иногда прерываетъ оное отступленіями (épisodes,) когда сіи могутъ сильно подѣйствовать на воображеніе или чувствительность, наблюдая токмо, что бы сіи отступленія всегда естественно въ началѣ и концѣ ихъ соединялися съ главнымъ содержаніемъ сочиненія; наконецъ въ выраженіяхъ стихотворецъ наставникъ, при ясности и важности оныхъ, не сравненно болѣе, нежели прозаикъ, употребляетъ украшеній. *Писмо Г. Ломоносова о пользѣ стекла можетъ быть для любителей Россійской словесности нѣкоторымъ образцемъ стихотворческаго поучительнаго слога.*

Слогъ сухой.

§ 187. Изъ всего того, что сказано по сіе мѣсто о низкомъ слогѣ, явствуетъ, что въ сочиненіи которое писано такимъ слогомъ, витія большею частію столь умѣренно и такъ осторожно употребляетъ искуство науки, что кажется, будто онъ совсемъ не знаетъ правилъ красноречія. Напротивъ сего когда онъ говоритъ единственно языкомъ природы, изъясняяся въ самомъ дѣлѣ безъ всякаго искуства и украшеній,

то сего рода его слово называется сухимъ слогомъ. Въ немъ нигдѣ не можно примѣтить рачительности писателя о томъ, чтобы сколько нибудь плѣнить воображеніе читателей: такъ что въ немъ нѣтъ ничего отличнаго отъ обыкновенной въ общежитіи рѣчи ни въ выраженіяхъ, ни въ мысляхъ; нѣтъ чувствительной плавности сочиненія; нѣтъ служащихъ къ украшенію слова троповъ и фигуръ, а еще менѣе замысловатости: чтожъ касается до расположенія, то части сего сочиненія бываютъ связаны такъ видимо, что всякой сіе примѣтить можетъ; словомъ, сего рода писатели ни о чемъ болѣе не стараются, какъ только о томъ, чтобъ ихъ хорошо понимали. По маломъ размышленіи видно, что такой слогъ тамъ токмо можетъ имѣть мѣсто, гдѣ или слабыя способности слушателей, или весьма высокая матерія ничего болѣе не требуютъ, какъ возможной ясности сочиненія. При всемъ томъ грубыя выраженія, простонародныя мнѣнія не въ разговорѣ, а разсѣянность въ размѣщеніи и несвязность въ соединеніи мыслей, вездѣ составляютъ не сносный по-

Грубый, или не чистый слогъ.

рокъ, называемый грубымъ или не чистымъ слогомъ.

Слогъ посредственный, или ораторическій.

§. 188. И такъ собственно низкій слогъ употребляется тогда, когда писатель говоритъ почти съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы сообщить свои мысли другимъ; но когда онъ хочетъ при томъ убѣдить и тронуть своимъ словомъ, въ такомъ случаѣ, питая разумъ слушателей или читателей справедливостію и основательностію своихъ мыслей, старается еще плѣнить ихъ воображеніе красивою и приятною рѣчію; дабы тѣмъ успѣшнѣе войти въ ихъ сердце. На сей конецъ онъ употребляетъ все то, что только краснорѣчіе имѣетъ плѣнительнаго, и даже не скрываетъ сего искуства. Онъ изобилуетъ отличными мыслями, приятными описаніями, остроумными сравненіями, громкими фигурами, отважными метафорами, новыми и при томъ отборными выраженіями, и такою плавностію слова, которая плѣняя слухъ приводитъ разумъ въ нѣкоторый родъ восторга. Между тѣмъ не мало занимаетъ его и то, чтобы все сіе изобиліе и бо-

ганство краснорѣчія казалося не произведеніемъ его изобрѣтенія, но естественнымъ слѣдствіемъ матеріи; а съ его стороны чтобъ видно было токмо какъ просвѣщеніе и вкусъ въ выборѣ сихъ красотъ, такъ искуство и рачительность въ ихъ употребленіи. Наконецъ онъ представляя себѣ, что непрерывными и одного рода украшеніями можетъ наскучить своему читателю, то оставляя воображеніе говоритъ разуму только, то изпестряетъ свое слово различными красотами. Такое краснорѣчіе называется посредственнымъ или ораторическимъ слогомъ. Оно употребляется обыкновенно въ такихъ случаяхъ, когда матерія сочиненія не представляетъ воображенію никакой сильной страсти, (point de pathetique), и не содержитъ въ себѣ ничего величественнаго и поражающаго, (point d'heroique;) однако такаго свойства, что не благоразумно было бы говорить о ней простымъ слогомъ: или когда сочинитель пишетъ съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы дать воображенію своихъ читателей такое упражненіе, которымъ бы оно могло заняться съ удоволь-

Гдѣ употребляется?

Слогъ не постоянный. ствіемъ. При употребленіи сего слога надобно остерегаться, чтобы не выпти изъ естественныхъ его предѣловъ, изъясняяся то гораздо красивѣе, то гораздо простѣе, нежели сколько требуетъ матерія сочиненія и содержащіяся подъ тѣми выраженіями мысли. Сія погрѣшность называется не постояннымъ слогомъ.

Примѣръ ораторическаго, или посредственнаго слога. *Превосходнымъ образцемъ ораторическаго слога можно почесть Руссову рѣчь противъ наукъ, особливо нѣкоторыя въ ней мѣста, какъ на примѣръ слѣдующее.*

Вотъ какъ распутство нравовъ, непремѣнное послѣдствіе роскоши, влечетъ за собою и поврежденіе вкуса! Но естьли случится, что посреди сихъ великихъ мужей, отличныхъ чрезвычайными дарами, явится кто нибудь такой, который столько покажетъ твердости, что не захочетъ подражать вкусу своихъ современниковъ, и унизить себя дѣтскими произведеніями; то, горе тому! онъ умретъ въ бѣдности и въ неизвѣстности. Ахъ, для чего самый опытъ, а не предвѣщанія токмо, я предлагаю здѣсь! О Шарль, о Піеррь!

Се настала та минута, въ которую кисть ваша, произведенная для усугубленія величества храмовъ нашихъ превосходными и священными изображеніями, падетъ изъ рукъ вашихъ; или подвергнется поношеніямъ, украшая колесницы любострастною живописію. А ты, соперникъ Фидіевъ и Праксителевъ, ты, котораго рѣзецъ древніе употребили бы для произведенія Боговъ, могущихъ извинить въ глазахъ нашихъ ихъ идолопоклоненіе, не подражаемый Пигалъ! рука твоя должна теперь рѣшиться или обтесывать чрево обезьяны, или вовсе пребыть праздною.

Размышляя о нравахъ, не льзя не привести себѣ на память простоты древности. Она подобна прекрасному брегу, украшенному не хитрою рукою природы, къ которому глаза наши безпрестанно обращаются, и съ которымъ мы разстаемся съ сожалѣніемъ. Когда люди провождая дни свои въ невинности и добродѣтели, желали имѣть Боговъ свидѣтелями дѣлъ своихъ; тогда обитали съ ними вмѣстѣ въ однѣхъ хижинахъ: но скоро сдѣлавшись

злыми, не могли болѣе терпѣть толь докучливыхъ зрителей; они водворили ихъ въ великолѣпныхъ храмахъ. Наконецъ изгнали ихъ и оттуда, дабы поселиться тамъ самимъ; или лучше сказать, храмы Боговъ не отличались болѣе отъ жилищь человѣческихъ. Тогда то развращенїе достигло высочайшей степени; и пороки никогда не простирались далѣе, когда стали быть видимы, такъ сказать, при вратахъ чертоговъ покоящимися на мраморныхъ столпахъ, и изсѣченными на Коринѳскихъ капителяхъ.

Слогъ красивый. § 189. Разсматривая свойства и примѣры ораторическаго слога можно примѣтить, что сего рода краснорѣчіе занимаетъ и даетъ пищу вдругъ разуму и воображенію. Но есть такіе образцы сего слога, въ которыхъ писатели или болѣе возхищаютъ воображеніе, или болѣе удовлетворяютъ разуму читателей. Въ первомъ случаѣ краснорѣчіе называется красивымъ, (stylus floridus, style fleuri,) а во второмъ философскимъ слогомъ. И такъ красивый слогъ есть такое слово, въ которомъ, такъ сказать, на

каждомъ шагу видно искуство науки; вездѣ плѣняющія украшенія; вездѣ великая рачительность и разборчивость въ разсужденіи словъ и выраженій; вездѣ плодовитость изобрѣтенія, изобилующая отличными мыслями; вездѣ чрезвычайно ясныя и весьма удовлетворяющія описанія: однимъ словомъ, вездѣ богатое и рѣзвое воображеніе сочинителя, употребивъ себѣ въ помощь всѣ пособія искуства, приводитъ въ движеніе и возторгъ самое медленное и томное воображеніе читателя. Изъ примѣровъ видно, что сей слогъ употребляютъ такіе писатели, которые отъ природы получили отмѣнно быстрое воображеніе.

Такимъ слогомъ писано похвальное Г. Ломоносова слово Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. Для примѣра возмемъ нѣсколько изъ него періодовъ. Примѣръ красиваго слога.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предприемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за не сказанное благодѣяніе величайшей

на свѣтѣ Государынѣ благодаренїе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерїю сыскать краснорѣчїе, гдѣ обширнѣе разпространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великїя Монархини? Когда языкъ мой, щедротами ЕЯ ободренный, удобнѣе обращаться, когда голосъ мой, великодушїемъ ЕЯ укрѣпленный, громчае возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя достоинства ЕЯ? Не снисканїемъ многословнаго мыслей разпространенїя увеличено, не витїеватымъ сложенїемъ замысловъ, или пестрымъ преложенїемъ реченїй украшено, ниже Риторскимъ паренїемъ возвышено будетъ сїе мое слово; но все мое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ ЕЯ добродѣтелей, и все свое возвышенїе отъ устремленїя къ ней искреннїя ревности приметъ. Ибо приносится благодаренїе Государынѣ Благочестивѣйшей; свидѣтельствуютъ со-

зидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносится благодареніе Государынѣ мужественной; свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами ЕЯ преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной; свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе ЕЯ злодѣевъ. Приносится благодареніе Государынѣ премудрой; свидѣтельствуютъ прозорливо предприемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой; свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ ЕЯ снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой; свидѣтельствуетъ безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти, и данный ЕЙ отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще не обагренный. Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой; свидѣтельствуетъ преизобильное снаб-

деніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, сложеніе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обрѣтается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны! Всѣ прелюбезны!

Слогъ философскій.

§ 190. Напротивъ сего слогъ философскій есть тотъ, въ которомъ болѣе разумъ, нежели воображеніе читателя находитъ себѣ упражненія; потому что въ немъ болѣе видно глубокомыслія приличнаго философу, нежели пріятности и красоты свойственной оратору; и сочиненіе сего рода плѣняетъ болѣе тѣмъ, что почти вездѣ находимъ въ немъ такія мысли, которыя должны быть изобрѣтены твердымъ и мужественнымъ умомъ; что размѣщеніе и связь мыслей показываетъ намъ зрѣлое размышленіе писателя; и что встрѣчающіяся украшенія кажутся родившимися сами собою подъ его перомъ, безъ всякаго съ его стороны о томъ помышленія: словомъ, что мы видимъ

вдругъ съ одной стороны нѣкоторую естественную простоту, изпестренную въ приличныхъ мѣстахъ мужественными красотами, а съ другой высокій и основательный разумъ.

Такимъ слогомъ написано слѣдующее размышленіе одного изъ нашихъ проповѣдниковъ. Примѣръ философскаго слога.

Разумъ есть путеводитель воли. Его впечатлѣнія предшествуютъ нашимъ склонностямъ и желаніямъ. И такъ утвержденіе его въ истиннѣ есть источникъ и основаніе правоты сердца. Тогда не токмо намѣренія, но и самыя помышленія наши не уклоняются отъ стези законовъ и добродѣтели. Ибо всякій законъ въ существѣ своемъ есть начертаніе, и всякая добродѣтель есть исполненіе справедливости. Кто соображается съ нею; тотъ никогда не можетъ укорить себя излишнею любовію къ самому себѣ. Онъ далекъ отъ того, чтобы внимать внушеніямъ пристрастія. Никто должностей гражданина не исполняетъ съ большею точностію, какъ человѣкъ правдолюбивый. Онъ никогда не возхититъ чуждаго пра-

ва. Ибо воздавать каждому по достоянїю, есть не премѣнный и всегдашнїй его законъ.

Слогъ высокїй.

§ 191. Наконецъ высокїй слогъ есть слово, исполненное витїйственнаго искусства самой верховной степени. Слогъ посредственный плѣняетъ, даже возхищаетъ; избранными красотами воображенїе, умъ и сердце; высокїй поражаетъ ихъ величественнымъ паренїемъ: первый, постепенно вкрадываяся въ душу читателя, не чувствительно дѣлается повелителемъ ея; вторый такое сильное дѣлаетъ вдругъ въ ней впечатлѣнїе, которому не возможно противиться, и которое весьма долго въ ней остается; первый, исполняя прiятными чувствованїями, приводитъ ее въ забвенїе обыкновеннаго ея состоянїя; вторый, поставляя насъ какъ бы выше самихъ себя, не рѣдко исторгаетъ слезы удивленїя, чувствительности, и проч: въ первомъ все избранно и изящно; во второмъ все чрезвычайно и не обыкновенно. Касательно мыслей, мужественная оныхъ зрѣлость, поражающая новость, обширное просвѣщенїе, бла-

городныя и высокія чувствованія, сильныя описанія, рѣзкія противоположенія, во всемъ тонкій и правильный вкусъ, — представляютъ сочинителя какъ бы вдохновеннымъ: со стороны выраженій все, что витійство имѣетъ самаго сильнаго въ искуствѣ изъясняться; все, что рождаютъ въ нашемъ словѣ самаго разительнаго страсти; свойственныя парящему воображенію иперболы, метафоры; дающія всему въ природѣ чувства, душу, языкъ фигуры, самыя избраныя, (у насъ по большой части славянороссійскія,) слова и выраженія, — заставляютъ думать, что витія говоритъ какимъ то языкомъ боговъ.

Небесное ученіе! Ты не образуешь ни Титовъ, ни Философовъ, ни Витіевъ; но изъ смертныхъ творишь насъ безсмертными; съ земли переселяешь насъ на небо! Ты дѣлаешь насъ причастниками естества Божія; ты въ восторгѣ привлекло все мое удивленіе, ты заставило меня оставить прежнія мои заблужденія, и принять чистое и превосходное ученіе Евангелія. Придите ко мнѣ, научитесь отъ меня чему Примѣръ слога посредственнаго.

я учился. Я былъ то, что вы по нынѣ; не отчаявайтесь и вы учинитъся нѣкогда тѣмъ, что я сталъ нынѣ. Ученїе Евангельское подкрѣпляется собственною своею силою. Сила сїя есть тайная, но дѣйствительная; ибо она очищаетъ сердце, укрощаетъ чувственныя побужденїя, обращаетъ насъ ко свѣту, и, удаляя отъ насъ мятежъ страстей, даетъ вкушать миръ и спокойствїе.

(Юстинъ.)

Примѣръ высокаго слога.

Совсемъ другое усмотримъ въ слѣдующихъ Г. Ломоносова стихахъ.

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ;
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли,
И бурей ярость презирали.

Другой примѣръ высокаго слога.

Вотъ еще примѣръ высокаго слога, взятый изъ с. писанїя, изображающїй дѣйствїя гнѣва Божїяго. Псал. 17.

Внегда скорбѣти ми, призвахъ Господа, и къ Богу моему воззвахъ: услыша отъ храма святаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ нимъ — внидe во уши его. И подвижеся и трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася и подвигошася: яко прогнѣвася на ня Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ его, и огнь отъ лица его возпламенися, углiе возгорѣся отъ него. И приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногами его. И взыде на херувимы, и летѣ, летѣ на крылу вѣтреню. И положи тьму закровъ свой; окрестъ его селеніе его - темна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Отъ облистанія его облацы прiидоша, градъ и углiе огненное. И возгремѣ съ небесе Господь, и Вышній даде гласъ свой; низпосла стрѣлы, и разгная, и молніи умножи, и смяте я. И явишася источницы воднiи, открышася основанія вселенныя отъ запрещенія твоего, Господи, отъ дохновенія духа гнѣва твоего.

§ 192. Есть сочиненія, которыя требуютъ сего высокаго краснорѣчія. Онѣ суть тѣ, коихъ содержаніемъ бываетъ или весьма важная мысль, или сильная страсть, Употребленiе высокаго слога.

или героическое дѣйствіе. Ибо объ однихъ только истинно высокихъ предметахъ должно и можно говорить высокимъ слогомъ; для того что они одни могутъ привести воображеніе витіи въ тотъ восторгъ, который бываетъ единственнымъ источникомъ мыслей, чувствованій, паренія слова, составляющихъ собственно высокій слогъ. А по сему кто намѣренъ писать онымъ, тотъ долженъ имѣть превосходный вкусъ; чтобы могъ явственно и правильно различать не только дѣйствительно высокіе предметы отъ другихъ мнимо таковыхъ; но еще и въ высокомъ предметѣ то, что составляетъ истинное его величіе, отъ всего притворнаго. Сверхъ сего тотъ долженъ имѣть въ великой степени чувствительную душу; чтобъ изящества и совершенства высокаго предмета могли произвести въ немъ впечатлѣніе въ надлежащей силѣ. Безъ сихъ дарованій онъ удобно можетъ впасть въ одну изъ двухъ погрѣшностей, которымъ бываютъ подвержены старающіеся писать высокимъ слогомъ: его краснорѣчіе будетъ тотъ родъ слова, который называется или холоднымъ (style

froid), или надутымъ (style guindé) слогомъ. Первое бываетъ тогда, когда слово, котораго содержаніемъ будетъ дѣйствительно высокій предметъ, мало содержитъ величественныхъ его свойствъ, коихъ сочинитель по недостатку вкуса не могъ замѣтить: или отличныя качества высокаго предмета гораздо слабѣе, нежели сколько должно и можно, будутъ изображены; отъ того что витія по недостатку чувствительности не былъ пораженъ ими въ надлежащей степени. Что касается до надутаго слога, онъ состоитъ въ томъ, когда сочинитель, имѣя содержаніемъ слова что нибудь такое, чего не можно назвать истинно высокимъ, силится принужденными мыслями, и болѣе громкими выраженіями, стремительными украшеніями дать своему слову видъ высокаго слога. Случается, что сему пороку бываютъ подвержены иногда великіе, но гораздо чаще молодые, малоопытные писатели, которые, стараяся во всякомъ случаѣ отличить себя чѣмъ нибудь отмѣннымъ, предаются полету быстраго своего воображенія, не совѣтуяся со вкусомъ, потому что его еще не имѣютъ.

Слогъ холодный.

Слогъ надутый.

О томъ, что въ красноречіи называется высокимъ.

§ 193. Въ твореніяхъ великихъ словесниковъ, которыя писаны высокимъ слогомъ, встрѣчаются такія мѣста, которыя, содержа въ себѣ нѣчто выше онаго слога, дѣлаютъ въ душѣ читателя не сравненно сильнѣйшія впечатлѣнія; то есть которыя, будучи произведеніемъ восторга самой высокой степени, рождаютъ въ читателѣ или слушателѣ ощущенія, превышающія, кажется, человѣческую природу. Сіе верховное витійство есть то, что великіе учители сего искуства называютъ собственно высокимъ (le sublime). Извѣстный Лонгинъ, изъясняя сущность его, говоритъ, что оно даетъ слову такую власть и силу, которая всѣхъ слушателей противъ ихъ воли внѣ себя приводитъ; а новѣйшіе наставники витійства къ сему прибавляютъ, что оно состоитъ изъ такихъ понятій и чувствованій, кои показываютъ, что человѣкъ, который ихъ имѣетъ, почитаетъ себя выше человѣка. Чтобъ изъяснить сіе, и вмѣстѣ существенныя качества высокаго; нужно замѣтить 1е. предметы, рождающіе оное, 2е. происхожденіе его въ нашей душѣ, и 3е. способъ выраженія его словомъ. Предметы,

Предметы, бы-

бывающіе источникомъ высокаго. суть тѣ не обычайныя своими совершенствами произведенія природы или искуства, которыя рождаютъ въ насъ нѣкоторое не обыкновенное изумленіе, смѣшенное съ уваженіемъ къ онымъ: какъ на примѣръ чрезвычайной огромности, весьма хитраго устроенія вещи; приводящія въ содроганіе отъ страха или удовольствія силы и явленія, и проч. Какъ высокое, произведенное предметами сего рода, состоитъ въ тѣхъ не обыкновенно живыхъ умоначертаніяхъ, какія они рождаютъ въ насъ о себѣ: то оно и называется высокимъ понятій (le sublime des pensées). Вовторыхъ источниками его бываютъ такія нравственныя явленія, кои, будучи основаны или на истинной добродѣтели, превышаютъ человѣческое состояніе и въ слабомъ смертномъ показываютъ нѣчто богоподобное; или на злонравіи, дышатъ не слыханною и едва вѣроятною развратностію сердца. Въ сихъ обоихъ случаяхъ высокое называется высокимъ чувствованій (le sublime des sentimens). Касательно произхожденія вообще высокаго, оно, подобно великой и яркой молніи, продолжа-

вающіе источникомъ высокаго.

Произхожденіе высокаго.

ющейся только одно мгновеніе, рождается въ минуту самаго сильнаго восторга, и бываетъ въ душѣ витіи весьма короткое время: поелику сіи не обычайныя ощущенія суть такое состояніе души, въ которомъ она не можетъ быть долго. По сей причинѣ высокое, о коемъ идетъ слово, не можетъ быть ни въ какомъ сочиненіи отъ начала до его конца, но на подобіе драгоцѣнныхъ камней сіяетъ только въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ.

Способъ выраженія высокаго. Наконецъ въ разсужденіи выраженій, не нѣжность и сладость рѣчи, не блескъ и величіе украшеній, но самое простое, не имѣющее даже признаковъ витійственнаго искуства, слово есть языкъ высокаго. Оно показываетъ, что душа витіи такъ наполнена тѣми понятіями и чувствованіями, которыя составляютъ высокое, что онъ въ то время не могъ ни чемъ другимъ, кромѣ оныхъ, заниматься, а всего менѣе красотами выраженій.

Примѣръ высокаго понятій. *Высокое понятій находится въ слѣдующихъ словахъ богодухновеннаго повѣствователя о сотвореніи міра: рече Богъ, да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ.*

Подобнымъ образомъ говоритъ Г. Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Государю Императору ПЕТРУ I. Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, который всесильнымъ мановенїемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ. Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятїю, сыскать надобно; кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣтаю.

Другой примѣръ.

Вотъ примѣры высокаго добродѣтельныхъ чувствованїй. Престарѣлый Римлянинъ Горацїй, услышавъ, что изъ трехъ его сыновей, сражавшихся за спасенїе отечества противу трехъ же непрiятелей, двое пали мертвы на полѣ сраженiя а третїй обратился въ бѣгство, весьма вознегодовалъ на поступокъ послѣдняго; и въ отвѣтъ своей дочери, говорившей въ извиненїе брата: чтожъ осталось ему одному дѣлать противу трехъ: хладнокровно сказалъ: умереть. (Изъясненїе сего

Примѣры высокаго добродѣтельныхъ чувствованїй.

произшествія можно видѣть въ примѣрѣ, приведенномъ въ 107 §.)

Подобно сему когда Нерина, наперстница Медеи, совѣтовала ей умѣрить свое отчаяніе, и сказала сіи слова: ваше отечество васъ ненавидитъ; вашъ супругъ васъ оставилъ: чтожъ остается вамъ въ семъ великомъ нещастіи: дрожащая отъ ярости Медея отвѣствуетъ: я.

Примѣръ высокаго порочныхъ чувствованій. *Примѣръ высокаго порочныхъ чувствованій находится въ слѣдующихъ словахъ Димитрія Самозванца, (въ Трагедіи называемой симъ же именемъ), которыя онъ говоритъ, предавая самъ себя въ отчаяніи смерти.*

Ступай во адъ, душа; и буди вѣчно плѣнна!
О естьли бы со мной погибла вся вселенна!

О смѣшеніи слоговъ. § 194. Съ тѣхъ самыхъ временъ, какъ искуство краснорѣчія приведено въ точныя правила, всѣ раздѣляли слогъ на три главные рода, то есть, на низкій, посредственный и высокій. Сіе раздѣленіе тѣмъ справедливѣе, что оно основано на

существенныхъ качествахъ матерій и сочиненій. Но разсматривая со всею строгостію разныхъ родовъ сочиненія, часто встрѣчаемъ въ нихъ такой слогъ, который не можно совершенно отнести къ одному которому нибудь изъ оныхъ, и который бываетъ подобенъ цвѣту смѣшенному изъ двухъ главныхъ цвѣтовъ. Сіе происходитъ отъ того, что бываютъ иногда такія матеріи, о которыхъ, судя по ихъ свойству, не можно писать совершенно однимъ которымъ нибудь изъ оныхъ трехъ слоговъ. Такое разнообразіе слога не рѣдко видно бываетъ даже и въ одномъ сочиненіи, въ которомъ благоразумный писатель то возвышается, то унижается соразмѣрно содержанію слова. Великаго требуется вниманія, разборчивости, особливо опытности, дабы въ сихъ случаяхъ употреблять такой слогъ, который бы вездѣ отвѣтствовалъ содержанію сочиненія.

§ 195. Сверхъ сего различія слоговъ, о которомъ мы говорили по сіе мѣсто, изъ сочиненій самыхъ превосходныхъ писателей примѣтить можно, что нѣкоторые изъ нихъ плѣняютъ насъ не оскудѣвае- Другое различіе слога.

мою плодовитостію, нѣкоторые напротивъ сего зрѣло обдуманною сокращенностію, а иные наконецъ скромною умѣренностію своихъ мыслей. Первые хотятъ все, о чемъ ни говорятъ, представить своимъ читателямъ живо и ясно, не предоставляя почти ничего собственному ихъ вниманію и размышленію: и для того при помощи пылкаго своего воображенія разпространяются въ изображеніи всякаго предмета, вычисляя подробно соединенныя съ нимъ обстоятельства, которыя служатъ къ живѣйшему онаго начертанію въ мысляхъ читателя, и соединяя съ тѣмъ всякаго рода украшенія: тѣмъ болѣе, что пространство ихъ слова удобно можетъ вмѣщать въ себѣ оныя. Само собою видно, что періоды и составляющія ихъ предложенія отъ изобилія содержащихся въ нихъ мыслей должны быть длинны; и потому затруднительно было бы читателю, особливо слушателю связывать ихъ въ своихъ мысляхъ, естьли бы они не были связаны вездѣ нужными союзами. Сей родъ краснорѣчія извѣстенъ у древнихъ подъ названіемъ Азіати-

Слогъ изобильный.

ческаго, а нынѣ подъ именемъ изобильнаго, или періодическаго слога.

Чтобъ имѣть образецъ сего рода краснорѣчія, довольно прочитать нѣсколько токмо періодовъ изъ похвальнаго Г. Ломоносова слова Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. На примѣръ: Примѣръ изобильнаго слога.

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою Всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ЕЯ на Всероссійскій Престолъ, возшествіи возможно было намъ, радостію возхищеннымъ, вознестися до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ЕЯ владычества, и слышать отъ возходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ ЕЛИСАВЕТЫ: коль прекрасное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылося! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился;

когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ, крѣпче миромъ нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ, плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ, отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ, изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ, верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ, радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками, Едину превозносятъ, о Единой веселятся, Единою Всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся.

Слогъ сокращенный.

§ 196. Противоположный изобильному слогу называется у древнихъ Аттическимъ, а у нынѣшнихъ риторовъ сокращеннымъ или прерывистымъ, le style coupé. Главное намѣреніе писателей сего рода состоитъ въ томъ, что бы сколько возможно сильнѣе выразить, и глубоко впечатлѣть въ умѣ другихъ свои мысли: и по тому они въ изображеніи каждаго предмета помѣщаютъ только самыя избранныя, самыя вы-

разительныя его черты, предоставляя собственному размышленію читателя тѣ, которыя хотя нужны къ составленію полнаго смысла, но при помощи вниманія удобно могутъ быть дополнены имъ самимъ: такъ что они хотятъ словомъ своимъ болѣе возбудить, нежели совершенно удовольствовать его воображеніе. Даже самыя украшенія употребляютъ они не съ тѣмъ, чтобы пріятнѣе, но по большой части чтобы сильнѣе изъясниться. Что касается до выраженій; они часто нѣсколько понятій изображаютъ однимъ словомъ; кольми паче удаляются повторенія одной мысли. Слѣдовательно періоды ихъ кратки, и связаны бываютъ между собою болѣе мыслями, нежели союзами.

Для примѣра сего слога довольно, по моему мнѣнію, слѣдующихъ только періодовъ изъ рѣчи Г. Борда. **Примѣръ сокращеннаго слога.**

Римъ, повелитель вселенныя, не находилъ болѣе непріятелей. Онъ произвелъ ихъ въ собственномъ своемъ нѣдрѣ. Его величіе содѣлало ему погибель. Законы не большаго города не съ тѣмъ были положены,

чтобъ ими управлять цѣлый міръ. Они были достаточны противу возмущеній Манліевъ, Кассіевъ и Гракховъ; но уступили арміямъ Силлы, Цесаря и Октавія. Римъ потерялъ свою вольность, однако сохранилъ свою силу. Будучи угнѣтаемъ войсками, которымъ онъ платилъ, при всемъ томъ былъ ужасомъ народовъ.

Слогъ сильный.

§ 197. И такъ можно сказать, что краснорѣчіе, называемое сильнымъ слогомъ, весьма свойственно слогу сокращенному: однако не должно изъ того заключить, чтобы витіи, писавшіе изобильнимъ и умѣреннымъ слогами, не могли при томъ писать сильно. Цицеронъ, будучи въ своихъ рѣчахъ превосходнѣйшимъ образцемъ пространнаго краснорѣчія, часто въ тѣхъ же самыхъ рѣчахъ бываетъ примѣромъ сильнаго слога; поелику не стѣсненіе и не разширеніе писателева воображенія составляетъ сей родъ слога: онъ состоитъ въ той поразительности, когда мысли и умствованія писателя въ умѣ, а сего чувствованія въ сердцѣ читателя такъ глубоко и твердо впечатлѣваются, что по прочтеніи такаго

сочиненія, его содержаніе, особливо лучшія его мѣста, долго не могутъ выпти изъ нашихъ мыслей. Само собою видно, что тогда токмо сочинитель можетъ писать толь сильно, когда онъ будетъ писать о томъ, что самъ живѣйшимъ образомъ себѣ представляетъ, или чѣмъ дѣйствительно поражается его собственное сердце. Тогда въ его сочиненіи не увидишь пустыхъ словъ и выраженій; и, естьли можно сказать такъ, не додуманныхъ и не дозрѣлыхъ мыслей; не увидишь, чтобы размышленіе, которое нужно было при размѣщеніи оныхъ, было имъ не докончано, а по сей причинѣ не увидишь слабой между ними связи. Противныя сему погрѣшности, которыя равномѣрно произходятъ отъ того, когда писатель не довольно ясно и не живо самъ представляетъ себѣ то, о чемъ другимъ предлагать намѣренъ, называются у риторовъ слабымъ слогомъ.

Въ примѣръ сильнаго слога я предложу нѣкоторыя мѣста изъ упомянутаго мною въ § 23. писма руского путешественника с француз-скихъ театрахъ. Агл. кн. 2: Примѣръ сильнаго слога.

Вы видите здѣсь,... какъ Дїана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Ендимїона, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ: какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможныя очарованїя, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя милыя Нимфы, — одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе, — окружаютъ его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь;.... какъ нѣжный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты мудрости, и — сверженный благодѣтельною рукою Мантора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море; летитъ вмѣстѣ съ душею зрителей.....

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ сїяетъ между ими, какъ Сирїусъ между звѣздами. Всѣ его движенїя такъ приятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь, и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствїя, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ. Легкость, стройность, гармонїя, чувство, жизнь; — все соединяется вмѣстѣ; — и есть-ли можно быть риторомъ безъ словъ;

то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакія стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ; что выражаетъ игра его мускуловъ когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: люблю! когда онъ бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положитъ кисть, и скажетъ только: Вестрисъ! Гардель безподобенъ въ трагической пантоминѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ! Герой въ каждомъ движенїи!

Чрезъ нѣсколько страницъ такъ описана игра лучшихъ актеровъ.

Вотъ декламацїя! вотъ жесты! Благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношенїи, и въ каждомъ словѣ душа; то есть, всякая Поетова мысль оттѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармонїи съ игрою глазъ, съ движенїемъ руки; вездѣ живописецъ, вездѣ картины; — и естьли зритель, не смотря на сїе утонченїе искуства, остается холоденъ; то конечно не актеры виноваты.

Слогъ умѣренный.

§. 198. Показавъ свойства изобильнаго и сокращеннаго слоговъ, нужно сказать, что какъ между двумя крайностями всегда есть средина, то сверхъ оныхъ двухъ слоговъ есть еще посредствующій между ними третій, который у древнихъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Родійскаго, а нынѣ подъ названіемъ умѣреннаго слога. Отличительное его свойство состоитъ въ томъ, что онъ не удивляя читателя плодовитостію сочинителева воображенія, и не останавливая ихъ вниманія, такъ сказать, полувыраженными мыслями, даетъ однако имъ достаточное понятіе о каждомъ предметѣ, котораго касается его слово; не опуская ни одного обстоятельства, которое служитъ къ составленію полнаго разума. А отъ сего произходитъ, что выраженія въ немъ всегда равночисленны содержащимся подъ ними мыслямъ; и какъ самые періоды, такъ и составляющія ихъ предложенія не обременяютъ вниманія читателей множествомъ заключающихся въ нихъ понятій; и притомъ бываютъ по большой части между собою соразмѣрны. Однимъ словомъ, великая рѣка, извивающая-

ся на пространной долинѣ, и раздѣляющаяся на безчисленные почти протоки, можетъ быть изображеніемъ изобильнаго слога; напротивъ сего сокращенный подобенъ той же самой рѣкѣ весьма стремительно и съ шумомъ текущей между узкими и при томъ утесистыми берегами; а умѣренный наконецъ весьма сходствуетъ съ рѣкою тихо и всегда единообразно текущею въ такихъ берегахъ, которые достаточны ко вмѣщенію ея водъ.

Примѣръ умѣреннаго слога.

Такимъ слогомъ между прочими писалъ Непотъ, изъ котораго я предлагаю для примѣра слѣдующее мѣсто. Жизнь Милтi. гл. 3.

Въ тоже самое время Персидскій Царь Дарій перешедъ со своимъ войскомъ изъ Азіи въ Европу, хотѣлъ итти войною противу Скиѳовъ. Онъ сдѣлалъ мостъ на рѣкѣ Дунаѣ, чтобы переправить по немъ войско. Охранителями сего моста, пока онъ самъ будетъ въ отсутствіи, оставилъ тѣхъ знатнѣйшихъ изъ Грековъ, которыхъ онъ взявъ изъ Іоніи и Еоліи имѣлъ съ собою, которымъ для того далъ всегдашнюю власть каждому въ своей отчизнѣ. Онъ былъ

тѣхъ мыслей, что весьма удобно можетъ удержать подъ своею властію всѣхъ живущихъ въ Азіи Грековъ, ежели приверженнымъ къ нему отдастъ въ храненіе ихъ города; потому что симъ послѣднимъ въ случаѣ его смерти ни малой не останется надежды щастія. Въ семъ числѣ былъ тогда Милтіадъ, которому также ввѣренно было оное охраненіе. Но какъ частыя приходили извѣстія, что Дарій имѣетъ худый успѣхъ, и утѣсняемъ Скиѳами; то Милтіадъ охранителямъ моста предложилъ, не опускать даннаго имъ щастіемъ случая къ освобожденію Грецій. Онъ говорилъ, что ежели Дарій погибнетъ; то не только Европа останется безопасною, но и всѣ Греческаго рода Азійскіе жители сдѣлаются свободными отъ господствованія и опасности со стороны Персовъ: что сіе легко можно сдѣлать; поелику когда разломанъ будетъ мостъ, то Дарій въ короткое время долженъ будетъ погибнуть или отъ оружія непріятелей, или отъ не достатка во всемъ нужномъ.

Вообще о изобиль-номъ, со-

§ 199. Кто хочетъ имѣть твердый и сходствующій всегда съ самимъ собою слогъ; тотъ долженъ,

замѣтивъ напередъ, къ которому онъ изъ показанныхъ трехъ слоговъ болѣе расположенъ, стараться заниматься чтеніемъ такихъ сочинителей, которые употребляютъ слогъ по его мыслямъ. Но вообще примѣчено, что изобильный слогъ весьма сроденъ молодымъ людямъ; потому что ихъ воображеніе гораздо живѣе, нежели въ людяхъ другихъ лѣтъ: напротивъ сего когда съ теченіемъ нашей жизни зрѣлость разсудка займетъ мѣсто сей пылкой способности, а вкусъ къ простотѣ и бережливости замѣнитъ прежнюю нашу склонность къ пышности и изобилію; то самая природа располагаетъ насъ къ употребленію умѣреннаго, а потомъ не рѣдко и сокращеннаго слоговъ. Впрочемъ такимъ сочиненіямъ, которыя мы бываемъ намѣрены произносить живымъ голосомъ, приличенъ умѣренный, по крайней мѣрѣ изобильный слогъ; напротивъ сего сокращенный съ большею пристойностію можетъ быть употребляемъ въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ для чтенія: поелику слушатель не имѣетъ столько, сколько читатель, времени дополнять своимъ размышленіемъ то,

кращенномъ и умѣренномъ слогахъ.

что въ сокращенномъ слогѣ предоставляется его вниманію.

Слогъ легкій, или вольный, или естественный

§ 200. Наконецъ въ разсужденіи всѣхъ до единаго слоговъ нужно замѣтить, что каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе поражаетъ вниманіе читателя или слушателя, чѣмъ болѣе походитъ на естественное и обыкновенное въ общежитіи слово. Не должно думать, чтобы сіе приближеніе къ природѣ было не совмѣстно съ искуствомъ и украшеніями: напротивъ сего изобилующій всѣми риторическими красотами витія не только можетъ, но и долженъ быть всегда ближайшимъ подражателемъ естества. Сіе общее всѣхъ слоговъ свойство мы обыкновенно называемъ легкимъ, вольнымъ, или естественнымъ слогомъ. Онъ состоитъ въ томъ, когда, не взирая что въ сочиненіи вездѣ рачительность, вездѣ искуство, однако нигдѣ не видно, чтобы все то стоило труда оратору, нигдѣ не видно усилія и напряженія его способностей. Судя со стороны изобрѣтенія кажется, что писателю нужно токмо было представить себѣ матерію, дабы приискать тѣ изящныя мысли, какими изобилуетъ его сочиненіе; столько онѣ близки

къ матеріи, и толь съ малымъ трудомъ изобрѣтены. Что касается до ихъ размѣщенія и связи; то нѣтъ нигдѣ такихъ прехожденій, въ которыхъ съ нѣкоторымъ насиліемъ бываютъ, такъ сказать, сближаемы и соединяемы части сочиненія одна съ другою. Наконецъ въ разсужденіи словъ: по причинѣ совершенной ихъ точности и выразительности, онѣ кажутся произведеніемъ болѣе самыхъ мыслей, нежели разборчивости оратора; а разсѣянныя вездѣ украшенія плодомъ болѣе навыка, нежели рачительности его. Однимъ словомъ: читая писанное такимъ слогомъ сочиненіе, кажется, что не сочиненіе читаешь, но слышишь разговаривающаго съ тобою краснорѣчиваго собесѣдника. Должно сказать, что сія естественность слога есть предѣлъ успѣха въ краснорѣчіи, и что всѣ превосходные ораторы ею почти единственно отличаются отъ посредственныхъ. *Предложенные выше въ § 107 и 127 примѣры могутъ служитъ и въ семъ случаѣ образцами.* Теперь вообразите сочиненіе съ такими недостатками, которые противны показаннымъ свойствамъ легкаго, или вольнаго слога; то есть, когда въ разсужденіи или укра-

Слогъ принужденный.

шенія, или изобрѣтенія, или разположенія, примѣтно нѣкоторое усиліе и напряженіе оратора; сего рода краснорѣчіе называется принужденнымъ слогомъ.

Слогъ стихотворческій.

§ 201. Остается только показать главныя отличительныя свойства слога стихотворческаго. Изъясненіе его принадлежитъ собственно Поэзіи; но естьли хотя одинъ прозаикъ, который бы не имѣлъ о немъ понятія? Оно ему необходимо нужно: потому что онъ долженъ рачительно остерегаться всего того, что отзывается стихотворческою вольностію. Чрезмѣрно живо поражающія красоты слова, будучи свойственны піиту, показываютъ еще не очищенный вкусъ въ прозаикѣ. Ибо первый изтощаетъ все то, что только пылкое и стремительное воображеніе находитъ привлекательнаго и поражающаго; а второй въ разсужденіи сего столько умѣренъ, что его слово при всѣхъ искуственныхъ украшеніяхъ всегда кажется естественнымъ: первый говоритъ по большой части воображенію, а второй по большой части разуму: проза подобна прекрасному полю, изпестренному отъ природы

различнаго рода цвѣтами; слово стихотворца есть великолѣпнѣйшій садъ, въ которомъ рачительно собраны, и съ отмѣннымъ вкусомъ разположены самыя лучшія растѣнія. По сей причинѣ стихотворецъ, вездѣ изобилуя описаніями, составляетъ ихъ изъ такихъ токмо свойствъ описуемаго предмета; которыя служатъ къ живѣйшему онаго начертанію въ умѣ читателя, такъ что его описанія почти тоже для воображенія, что самый предметъ для чувствъ.

Въ семъ увѣриться можно слѣдующими стихами:

На темноголубомъ ефирѣ
Златая плавала луна;
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Или:

Дамонъ, мой другъ Дамонъ! конечно илъ влюбился,
Иль въ мысли разныя далеко углубился,

Лежишъ опершися на мягкой муравѣ;
Свирѣлка во устахъ, вѣнокъ на головѣ;
Чуть слышно, какъ въ свирѣль ты
тихо подуваешь.

Равнымъ образомъ піитъ часто употребляетъ такіе тропы и фигуры, которые своею новостію и отважностію сочинителя весьма сильно поражаютъ воображеніе читателя. На примѣръ:

Нагнувшись дерева въ источники
глядятся.

Или:

И солнца первый лучь по ружьямъ
ихъ скользитъ.

Но чаще и болѣе всего стихотворецъ возхищаетъ читателя своими вымыслами, которые большею частію состоятъ въ томъ, что онъ, оживотворяя бездушныя вещи, даетъ имъ приличныя разумному токмо существу дѣйствія; и не рѣдко естественныя произшествія приписываетъ вымышленнымъ отъ него самаго причинамъ.

Обоего рода вымыслы находятся въ слѣдующимъ стихахъ.

Зефиры сей примѣтя плѣнъ,
Къ свободѣ красоты приспѣли,

Свилися цѣпью, зашумѣли,
Спустились, вкругъ Ельмиры сѣли,
И начали въ косынку дуть
Такъ сильно, что ее сорвали,
Свертѣли, скомкали, помчали,
Взвились, побѣду засвистали;
И въ первый разъ открыли грудь.
Увидя солнце удивилось
Собранїю такихъ красотъ:
Покрывъ стыдомъ небесный сводъ,
Свой пламень утушить стремилось
Отъ зависти въ прохладѣ водъ:
И темно становиться стало.

Объ усовершенїи себя въ слогѣ.

§ 202. Теперь извѣстны намъ всѣ употребительнѣйшїе роды слога. Но знать только, въ чемъ каждый изъ нихъ состоитъ, не довольно для того, кто хочетъ приобрѣсти искуство краснорѣчїя. Ему нужно дойти до того, чтобы самому сдѣлаться, ежели не во многихъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ которомъ нибудь изъ нихъ, совершеннымъ. Ибо какъ съ одной стороны успѣть во всѣхъ родахъ слога почти не возможно; такъ съ другой, доколѣ мы по причинѣ недостатка опытности пишемъ такимъ образомъ, что лучшїя въ нашемъ сочиненїи красоты будутъ большею частїю не нашего изобрѣтенїя, но занятыя нами то изъ

того, что изъ другаго сочинителя, не взирая что каждый изъ нихъ писалъ особливымъ слогомъ; такъ что нашъ слогъ не только ни на который изъ всѣхъ выше показанныхъ, но ниже самъ на себя вездѣ походить не будетъ: дотолѣ мы не можемъ сказать о себѣ, что успѣли въ которомъ нибудь слогѣ; потому что еще и не знаемъ, какой тотъ слогъ, въ которомъ хотимъ усовершиться. Впрочемъ узнать его весьма удобно, когда откроется въ насъ не токмо склонность, но даже дарованіе и не большой навыкъ къ одному которому нибудь изъ всѣхъ извѣстныхъ слоговъ. Сіи открытіе составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ первую степень образованія нашего слога: ибо тогда мы бываемъ удостовѣрены, на который изъ нихъ должны обратить всю свою рачительность, дабы усовершить себя

Способы къ тому. въ немъ при помощи 1е. благоразумнаго и частаго упражненія въ сочиненіи, 2е. не токмо чтенія хорошихъ писателей, но и 3е. мужественнаго имъ подражанія, и наконецъ 4е. вкуса, творческаго дара и критики.

Упражненіе въ § 203. Всякое искуство снискивается долговременнымъ упражне-

ніемъ, и всегда такимъ, которое бываетъ управляемо благоразуміемъ. Слѣдовательно тоже должно сказать и въ разсужденіи усовершенія слога. Потребное на сей конецъ благоразуміе состоитъ вопервыхъ въ томъ, дабы заниматься такими сочиненіями, коимъ сроденъ тотъ слогъ, къ которому мы уже примѣтили въ себѣ нѣкоторое расположеніе: поелику въ противномъ случаѣ мы ни малаго не будемъ имѣть способа образовать и возвысить оное. Но ничто столько не препятствуетъ сему, какъ скороспѣшность въ такихъ сочиненіяхъ, посредствомъ которыхъ мы стараемся усовершить свой слогъ: она не даетъ намъ времени остерегаться отъ тѣхъ погрѣшностей, какими бываютъ наполнены малоопытные писатели; и по сему рождаетъ въ насъ навыкъ не къ совершенствамъ, но къ безобразіямъ слога. Напротивъ сего когда мы, приступая къ такому упражненію, разсмотримъ вопервыхъ матерію сочиненія; то удобно поймемъ, что въ ней всего важнѣе, и потому что болѣе должно быть нами, такъ сказать обработано. Сверьхъ сего поелику ни яснаго понятія о предметѣ сочиненія, ни

сочиненіи.

сильныхъ въ разсужденіи его чувствованій не можно получить иначе, какъ посредствомъ долговременнаго и зрѣлаго о немъ размышленія: то для сего нужно заниматься имъ дотолѣ, пока чрезъ то не разгорячится и не придетъ въ нѣкоторый родъ восторга наше воображеніе: поелику оно въ семъ токмо состояніи можетъ произвести изящныя мысли и отличныя чувствованія. Между тѣмъ разсудительность вездѣ должна сопровождать воображеніе: ея долгъ остеречь насъ отъ тѣхъ излишествъ, какимъ оное бываетъ подвержено во время своего возхищенія; ея долгъ показать намъ, какое изобрѣтенныя мысли могутъ имѣть лучшее разположеніе; какія приличнѣе имъ выраженія и украшенія. Но и при всей таковой осмотрительности не можно избѣгнуть совершенно всѣхъ погрѣшностей: по сей причинѣ весьма полезно вновь разсмотрѣть свое сочиненіе уже тогда, когда совсемъ потухнетъ жаръ воображенія, то есть когда мы забудемъ все то, что наше сочиненіе въ себѣ содержитъ, даже до самыхъ выраженій. Наконецъ дабы таковое упражненіе надежнѣе могло послужить къ усовершенію нашего

слога; по сколько можно болѣе и чаще должно имъ заниматься: многократныя и при томъ вскорѣ одно за другимъ слѣдующія сего рода повторенія могутъ не токмо родить, но и усилить въ насъ навыкъ.

§ 204. Впрочемъ сколько ни нужно къ усовершенію слога благоразумное и частое упражненіе въ сочиненіи; однако кто хочетъ при помощи сего единственно средства приобрѣсти себѣ способность краснорѣчія, не занимаяся между тѣмъ чтеніемъ лучшихъ твореній; тотъ подобенъ младенцу, не имѣющему ни отъ кого себѣ помощи. Сіе послѣднее упражненіе обогащаетъ нашъ разумъ изящными мыслями, представляетъ намъ множество примѣровъ благоразумнаго оныхъ размѣщенія и искусной связи, доставляетъ изобиліе выраженій для всякаго понятія; однимъ словомъ, предлагаетъ намъ превосходнѣйшіе образцы краснорѣчія. Не льзя оспорить, что не токмо прозаики, но и стихотворцы въ семъ случаѣ полезны; естьли токмо будемъ притомъ рачительно остерегаться отъ свойственныхъ симъ послѣднимъ вольностей: однако въ то время, Чтеніе книгъ.

когда мы еще начинаемъ образовать свой слогъ, гораздо благоразумнѣе избирать для чтенія не только превосходно писавшихъ тѣмъ же слогомъ прозаическихъ писателей, но еще самыя лучшія ихъ творенія: ибо изъ такихъ токмо источниковъ можно почерпнуть ясное и точное понятіе, въ чемъ состоитъ истинное витійство; и притомъ полученныя нами въ то время понятія остаются въ насъ почти навсегда. Всякой и безъ моего напоминовенія знаетъ, что въ семъ случаѣ бѣглость и скороспѣшность лишаютъ насъ показанной выше пользы: одно только внимательное и разсудительное чтеніе можетъ ее доставить; таково только, говорю, чтеніе даетъ намъ время и способы твердо замѣтить находящіяся въ сочинителѣ красоты и совершенства, или безобразія и недостатки.

Упражненія, кои полезно соединять со чтеніемъ. Разборъ витій-

§ 205. Опытные наставники Словесности предлагаютъ соединять со чтеніемъ нѣкоторыя весьма полезныя для достиженія показанной цѣли упражненія. Вопервыхъ извѣстный Батё совѣтуетъ, по прочтеніи витійственнаго сочиненія, написать о

ственнаго сочиненія.

немъ свое сужденіе, въ которомъ показать сперва главное всего слова разположеніе, потомъ сокращенно представить употребленныя въ немъ какъ доказательства, такъ и возраженія съ отвѣтами; изъяснить основанія, на коихъ онѣ размѣщены и соединены; войти въ разумноженіе и разположеніе каждаго изъ нихъ особенно; и наконецъ все сіе заключить своимъ мнѣніемъ о слогѣ писателя. Такое упражненіе можетъ открыть намъ явственно все употребленное имъ искуство въ изобрѣтеніи, разположеніи, выраженіи и украшеніи, даже показать [illegible]рованія, коими онъ преимущественно дѣйствовалъ. А сіе сколько можетъ способствовать къ усовершенію собственнаго нашего слова, всякой ясно можетъ видѣть.

Переводъ иностраннаго языка на природный.

§ 206. Другое не менѣе полезное въ семъ случаѣ упражненіе состоитъ въ переводѣ превосходныхъ витійственныхъ сочиненій, описанныхъ на иностранномъ языкѣ, или по крайней мѣрѣ избранныхъ изъ нихъ мѣстъ на природный нашъ языкъ. Чтобы видѣть пользу сего, которая впрочемъ очевидна, стоитъ только вникнуть въ слѣдующія о семъ предметѣ замѣ-

чанія младшаго Плинія, извѣстнаго изъ древнихъ Римлянъ любителя Словесности. Полезно, говоритъ онъ, кн. VII письмо 9 (а), да и многіе совѣтуютъ переводить или съ Греческаго на Латинскій, или съ Латинскаго на Греческій языкъ (б). Сей родъ упражненія, продолжаетъ онъ, вводитъ насъ въ познаніе точности и красоты словъ, доставляетъ изобиліе украшеній, способность изъясняться, и подражая лучшимъ мѣстамъ писателя, изобрѣтать самимъ что нибудь подобное. Во время перевода, заключаетъ онъ, не можетъ уже укрыться отъ нашего вниманія то, что иногда укрывается отъ него во время чтенія. Наконецъ, по его признанію, посредствомъ сего упражненія пріобрѣтается внимательность и разсудительность. Толь великая польза, какую приноситъ намъ упражненіе въ переводахъ, убѣждаетъ меня предложить объ оныхъ нѣсколько пространнѣе.

(а) Все сіе письмо достойно вниманія упражняющихся въ Словесности.

(б) Извѣстно, что во время Плинія Греческій языкъ у Римлянъ былъ самый употребительный послѣ ихъ природнаго.

§ 207. Все достоинство перевода зависитъ отъ того, когда упражняющійся въ ономъ удовлетворитъ въ полной мѣрѣ тремъ главнымъ своимъ обязанностямъ: 1е. выразумѣетъ хорошо подлинникъ; и 2е. выразить его вѣрно; и 3е. чисто на томъ языкѣ, на который переводитъ. Первое онъ исполнитъ тогда, когда 1е. вразумится въ точное значеніе всякаго въ подлинникѣ реченія; 2е. ясно пойметъ всѣ отношенія между реченіями въ одной рѣчи находящимися; и 3е. наконецъ рачительно замѣтитъ и разсмотритъ также употребленное въ ономъ риторское искуство. Сколь нужно въ семъ случаѣ твердое познаніе значенія каждаго реченія; можно быть убѣждену тѣмъ, что часто не выразумѣвъ хорошо знаменованія одного только слова, не можно явственно понять смысла цѣлой рѣчи. Впрочемъ узнавать значенія реченій изъ употребленія ихъ лучшими писателями и просвѣщеннѣйшею частію народа, или отыскивать ихъ въ хорошихъ словаряхъ, довольно для обучающагося языку, но не довольно для упражняющагося въ переводѣ. Сей долженъ часто истинное знаменованіе нѣкоторыхъ коренныхъ или первообраз-

Упражняющійся въ переводѣ имѣетъ три главныя обязанности:

I. Выразумѣть подлинникъ, то есть

Узнать знаменованіе каждаго въ подлинникѣ реченія.

ныхъ реченій, такъ сказать, извлекать изъ ихъ произхожденія и состава, то есть, иногда обстоятельно узнать то историческое произшествіе, или тѣ установленія народа, кои произвели въ его языкѣ принадлежащее собственно ему реченіе; *на примѣръ помѣстье, цѣловальникъ*; иногда знать тѣ разныя значенія, кои слово имѣло въ разныхъ вѣкахъ; *на примѣръ въ древнемъ Славянскомъ языкѣ зеліе, и въ Россійскомъ зелье во времена Царя Іоанна Васильевича и въ наши*; а иногда и гораздо чаще вникать въ тѣ качества изображаемой реченіемъ вещи, кои служатъ какъ бы основою онаго; *на примѣръ острогъ отъ острый, денница отъ дня*. Сіе обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія у размышляющаго переводчика, что онъ, зная такимъ образомъ основу кореннаго или первообразнаго слова, будетъ въ состояніи безъ затрудненія и вѣрно узнать знаменованіе каждаго производнаго отъ онаго слова, обративъ нѣкоторое токмо вниманіе на его окончаніе; ибо всѣ производныя реченія одинаковаго окончанія означаютъ понятія одного рода или отдѣленія; *на примѣръ: у насъ кончащіяся на*

ня значатъ мѣсто особенно опредѣленное для какого нибудь искуственнаго дѣйствія, какъ токарня хлѣбня, караульня. Равнымъ образомъ твердо зная основу простаго слова, почти безошибочно можетъ знать знаменованіе произшедшаго отъ него сложнаго, когда будетъ извѣстно ему значеніе реченія приданнаго къ простому; ибо оно къ какому бы простому ни было присоединено, знаменованія своего не измѣняетъ. Узнавъ такимъ образомъ, что значитъ каждое въ особенности реченіе, переводчикъ долженъ потомъ ясно понять, что онѣ вмѣстѣ изображаютъ, или простѣе сказать, всю содержащуюся подъ ними мысль. Для сего онъ входитъ во взаимныя понятія одного къ другому отношенія, то есть разсматриваетъ, которое къ которому относится, и какъ одно зависитъ отъ другаго; а съ симъ вмѣстѣ рачительно замѣчаетъ, какимъ родомъ грамматическаго словоизмѣненія или словосочиненія выражено въ подлинникѣ каждое такое отношеніе понятій; и что всего важнѣе, одному ли тому языку, на которомъ писанъ подлинникъ, или и тому, на который дѣлается переводъ, свойствен-

Узнать содержащуюся подъ ними всѣми мысль.

ны оныя словосочиненія, употребленныя для изображенія связи понятій составляющихъ цѣлую мысль. Сверхъ сего грамматическаго разбора подлинника, благоразумный переводчикъ разсматриваетъ также и находящееся въ ономъ риторское искуство, то есть старается узнать совершенно слогъ писателя, изобильной ли онъ или краткой, равнодушной ли или страстной, обыкновенной ли или сильной, и проч.; входитъ въ искуство размѣщенія, соединенія и выраженія мыслей, замѣчаетъ также дарованія, коими писатель преимущественно дѣйствуетъ; замѣчаетъ украшенія, кои онъ предпочтительно и чаще другихъ употребляетъ; внимательно отличая тѣ, кои свойственны токмо языку подлинника, и не приличны тому, на который дѣлается переводъ.

И войти въ риторское искуство.

II. Вѣрность или точность перевода.

§ 208. Вѣрность или точность перевода, то есть сходство его съ подлинникомъ, будетъ соблюдена, когда въ переводѣ находимъ все то, что содержитъ въ себѣ подлинникъ; когда находимъ подъ каждымъ реченіемъ тѣ же понятія, подъ каждымъ словосочиненіемъ тѣ же отношенія и связи понятій, тѣ же качества

мыслей, то же искуство въ ихъ размѣщеніи и соединеніи, ту же степень слова или языка, тѣ же роды украшеній; однимъ словомъ, тѣ же мысли, то же разположеніе, тотъ же слогъ, даже тѣ же дарованія писателя, какія видны въ подлинникѣ. Слѣдовательно въ вѣрномъ и точномъ переводѣ ни одна мысль, находящаяся въ подлинникѣ, ни возвышена, ни унижена, то есть посредствомъ выраженія, коимъ она изображена въ переводѣ, не представлена ни въ вышшей, ни въ низшей степени противу того, какъ стоитъ въ подлинникѣ. Равнымъ образомъ въ исправномъ переводѣ ни одна мысль подлинника ни разширена, ни стѣснена, то есть посредствомъ выраженія, которое употреблено для нея въ переводѣ, не придано ей ничего, чего она тамъ не имѣетъ, и также не отнято у ней ничего, что она тамъ въ себѣ заключала. *Вотъ примѣръ, въ которомъ мысль подлинника и унижена и стѣснена.*

Подлинникъ.

Mais au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l' homme reste,
Et le héros s' evanouit.

Переводъ.

Но только лишь оно (щастіе) отстанетъ,
Геройска похвала увянетъ,
И смертный будетъ всѣмъ открытъ.

Другой переводъ того же подлинника:

Щастье только упадетъ,
Все геройство увядаетъ,
Остается человѣкъ.

Вотъ другой примѣръ, въ коемъ мысль подлинника разширена и возвышена.

Подлинникъ.

Колоссъ Родосскій! свой смири надменный видъ.

Переводъ.

Exuat elatos animos frontemque superbam
Vertice pertrectans Rhodiorum coela Colossus.

III. Соблюденіе свойства, или чистоты языка въ переводѣ.

§ 209. Сохранить свойства языка, на который переводимъ, есть такое достоинство перевода, которое, такъ сказать, увѣнчеваетъ другія предъ симъ показанныя. Положимъ, что переводчикъ весьма хорошо выразумѣлъ все, что есть въ подлинникѣ; что онъ все вѣрно и точно выразилъ въ

переводѣ; но когда выразилъ такимъ изкаженнымъ словомъ, что дабы ясно понять сказанное на немъ, надобно съ нѣкоторымъ затрудненіемъ мысленно прибѣгать къ языку подлинника, или иначе оставаться въ сомнѣніи, точно ли такъ, какъ должно, мы поняли переводъ: то кто можетъ быть доволенъ такимъ переводомъ? Впрочемъ свойство, или что все равно, чистота языка будетъ соблюдена въ переводѣ, когда въ немъ не будетъ ничего такого, что свойственно токмо языку подлинника, но будутъ употреблены такія реченія и выраженія, кои приняты и одобрены всѣми, основательно знающими языкъ перевода; такія словосочиненія, коихъ въ Грамматикѣ его находимъ правила, а въ словѣ лучшихъ на немъ писателей примѣры. Слѣдовательно погрѣшаетъ противъ сего правила переводчикъ, когда, слѣдуя примѣру другихъ или собственному пристрастію, находящееся въ подлинникѣ понятіе выражаетъ реченіемъ иностраннымъ, имѣя для того достаточное въ собственномъ языкѣ. Могутъ, правда, встрѣтиться въ подлинникѣ такія реченія, съ коими сознаменательныхъ въ природномъ я-

— Въ разсужденіи реченій, особенно иностранныхъ.

зыкѣ или вовсе нѣтъ, или хотя и есть, но принадлежащія къ слогу низкому, а подлинникъ требуетъ возвышеннѣйшихъ. Въ семъ случаѣ переводчикъ на Россійскій языкъ имѣетъ два пособія: или прибѣгнуть къ коренному своему, то есть Славянскому языку, въ которомъ множество есть превосходныхъ реченій, не вошедшихъ въ Россійскій языкъ, но нимало ненарушающихъ его свойства, и при томъ всякому Россіянину внятныхъ. *Такъ на примѣръ: естьли Греческое слово* melodia *не прилично выразить Россійскимъ реченіемъ, напѣвъ, можно будетъ, можетъ быть, употребить Славянское, пѣснопѣніе.* Другое въ показанномъ обстоятельствѣ пособіе состоитъ въ искуствѣ составить новое въ природномъ языкѣ слово, которое значило бы то же, что и иностранное. Но сей способъ принадлежитъ токмо тѣмъ, кои совершенно зная свойство своего языка, способны производить въ немъ такія новыя реченія, коимъ, судя по ихъ значенію и окончанію весьма много есть подобныхъ въ нашемъ языкѣ, и кои отъ того кажутся болѣе давно уже въ немъ существующими, нежели новыми. Такъ отъ первообразнаго

И вновъ составляемыхъ природныхъ.

производится такое реченіе производное, кое сообразно многимъ другимъ производнымъ, происходящимъ отъ подобныхъ первообразныхъ; *на примѣръ любочествовать сообразно глаголу ненавиствовать; досвѣтки сообразно слову посидѣлки.* Подобнымъ образомъ составляется вновь сложное реченіе изъ простыхъ, по примѣру другихъ сложныхъ, кои составлены изъ подобныхъ простыхъ; *на примѣръ самоистинна по примѣру самомнѣніе; правомысліе по примѣру правосудіе; буевѣріе по примѣру суевѣріе.* Другая (весьма обыкновенная у насъ) въ переводахъ погрѣшность противу свойства языка состоитъ въ томъ, что плѣняяся выразительностію какого нибудь реченія въ подлинникѣ, равносильное съ онымъ въ своемъ языкѣ слово почитаютъ недостаточнымъ; а сіе по большой части отъ того, что оно не отъ того же произходитъ корня, или не ту же имѣетъ основу, какую оное иностранное въ подлинникѣ, и потому стараются въ своемъ языкѣ составить такое реченіе, которое произходило бы отъ одного съ симъ иноязычнымъ корня, или одну съ нимъ имѣло бы основу. *Такая сдѣлана была бы погрѣшность, естьлибъ*

кто Французское слово disculper *перевелъ на Руской языкъ развинить, вмѣсто равносильнаго Французскому оправдать.* Трешія отъ нетвердаго знанія языка, или иногда отъ неосмотрительности произходящая погрѣшность въ переводахъ бываетъ въ словосочиненіяхъ (dans des constructions), то есть, въ согласованіи находящихся въ рѣчи слоговъ въ разсужденіи родовъ, числъ, падежей, залоговъ, временъ, и проч. Какъ весьма часто одно совершенно между словами составляющими одну рѣчь отношеніе въ разныхъ языкахъ бываетъ изображаемо разными грамматическими способами, какъ-то разными измѣненіями словъ, разными предлогами, и проч., то исправный переводчикъ въ такихъ случаяхъ всегда слѣдуетъ правиламъ того языка, на который переводитъ, а не того, на которомъ писанъ подлинникъ, только бы употребленное имъ словосочиненіе удовлетворяло притомъ вѣрности перевода. Наконецъ свойство языка въ переводѣ бываетъ не соблюдено еще иногда въ томъ случаѣ, когда въ подлинникѣ употреблено такое витійственное украшеніе, какъ на примѣръ Метафора, Аллегорія и проч., которое родив-

— Въ разсужденіи словосочиненій.

— И Риторскихъ украшеній.

шися въ языкѣ подлинника, ему одному токмо свойственно; но переводчикъ не хотя, такъ сказать, разстаться съ нимъ, переводитъ его не равнозначащимъ съ нимъ выраженіемъ, но буквенно. *Такъ на примѣръ далеко совершеннѣе вмѣсто гораздо совершеннѣе. Я заключу все сіе примѣрами, въ коихъ самымъ лучшимъ образомъ соблюдено свойство или чистота языка въ переводѣ.*

Подлинникъ.

Regia solis erat sublimibus alta columnis,
Clara micante auro flammasque imitante pyropo,
Cujus ebur nitidum fastigia summa tegebat;
Argenti bifores radiabant lumine valvae
Materiam superabat opus: nam Mulciber illic
Aequora caelarat medias cingentia terras,
Terrarumque orbem coelumque, quod imminet orbi.

Переводъ.

Поставленъ на столпахъ высокихъ солнцевъ домъ;
Блистаетъ златомъ вкругъ, весь въ яхонтахъ горитъ;

Слоновый чистый зубъ верхи его покрылъ,
У вратъ на вереяхъ сїяетъ серебро,
Но выше мастерство матерїи самой:
Тамъ море изваялъ кругомъ земли Вулканъ
И землю и надъ ней пространны небеса.

Подлинникъ.

Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божїю изъ устъ Екатерины,
Во градъ Петровъ пришла чрезъ Невскїя пучины.

Переводъ.

Intonuit superus Catherinae voce benigna,
Ecce! ruit moles digitis intacta peritis,
Petropolimque petit per spumea flumina Nevae.

Опытъ написать что нибудь о такой матерїи, о которой писалъ какой-либо превос-

§ 210. Кромѣ разбора витїйственнаго сочиненїя и перевода съ иностраннаго языка на природный, есть еще родъ упражненїя, предлогаемый (въ упомянутомъ выше письмѣ) Плинїемъ. Онъ совѣтуетъ, прочитавъ со вниманїемъ два или три раза лучшее мѣсто въ сочинителѣ, и отложивъ книгу, самому заняться

тѣмъ, о чемъ тотъ писалъ; и самому такъ же написать о томъ что нибудь подобное, дабы потомъ свое произведеніе сравнить съ онымъ мѣстомъ сочинителя; поелику посредствомъ сего сличенія узнаемъ не только недостатки своего слога, но и способы ихъ исправить. Но тотъ же Плиній сей родъ занятія признаетъ (тамъ же) весьма затруднительнымъ, по причинѣ великаго неравенства способностей упражняющагося съ дарованіями писателя. А по моему мнѣнію въ семъ случаѣ должно быть великимъ препятствіемъ и то, что живо представляемыя мысли и красоты писателя столько будутъ занимать упражняющагося, что его воображеніе не будетъ въ состояніи произвести отъ себя что нибудь изящное. ходный сочинитель.

§ 211. Сверхъ того отъ такаго упражненія остается сдѣлать одинъ только шагъ до подражанія, которое безъ сомнѣнія чрезвычайно способствуетъ къ образованію слога. Я разумѣю здѣсь не то дѣтское подражаніе, чтобы замѣченныя нами въ прочитанномъ писателѣ красоты вносить въ свое собственное сочиненіе: но говорю здѣсь о томъ му- Подражаніе. — Дѣтское. — Мужественное.

жественномъ и разсудительномъ подражаніи, которое состоитъ въ искуствѣ написать свое сочиненіе такимъ слогомъ, который бы почти не можно было различить отъ слога того сочинителя, которому подражаемъ. Повторенное не однократно такое подражаніе не чувствительно сдѣлаетъ нашъ слогъ навсегда подобнымъ слогу изящныхъ ораторовъ, естьли только они писали такимъ, къ которому мы имѣемъ склонность и дарованіе. И по сему благоразуміе предписываетъ строго наблюдать сіе весьма полезное замѣчаніе при избраніи себѣ превосходныхъ писателей для подражанія. Впрочемъ оно дѣлается слѣдующимъ образомъ. Вопервыхъ должно весьма подробно разобрать то сочиненіе, которому намѣрены подражать, то есть разсмотрѣть вопервыхъ, изъ какихъ именно источниковъ и какія изобрѣтены у писателя къ матеріи мысли; дабы мы къ прінсканной нами подобной матеріи изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ и того же точно рода могли ихъ изобрѣсти. По семъ внимательно разсмотрѣвъ и ясно понявъ расположеніе какъ всего вообще, такъ и каждой въ особенности части того сочиненія,

которому подражаемъ; такимъ же именно способомъ въ собственномъ сочинении размѣстить и связать присканныя нами къ своей матеріи мысли. Наконецъ, замѣтивъ, что и въ какихъ точно мѣстахъ, у сочинителя есть отличное въ разсужденіи словъ и украшеній, стараться употребить такія же отличныя красоты, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя отвѣтствуютъ замѣченнымъ нами съ сей стороны мѣстамъ писателя.

Примѣръ подражанія.

Я предлагаю здѣсь на всѣ сіи правила не большой примѣръ, предоставляя однако самимъ читателямъ разсмотрѣть всѣ соединенныя съ нимъ подробности.

Подлинникъ.	Подражаніе.
Честолюбецъ ничемъ не услаждается:	*Герой въ отчаяніи ни на что не взираетъ:*
ни своею славою, которую онъ всегда почитаетъ еще не достаточною;	*ни на свое нещастіе, которое онъ надѣется еще преодолѣть;*
ни своими чинами, поелику онъ хочетъ еще болѣе	*ни на свое изнеможеніе, поелику онъ увѣренъ всегда*

возвыситься;	найти въ себѣ нѣкоторый остатокъ силъ;
ни своимъ благоденствіемъ, онъ сохнетъ и чахнетъ посредѣ изобилія;	ни на разстроенное свое положеніе, самыя препятствія его ободряютъ и укрѣпляютъ;
ни воздаваемымъ ему почтеніемъ, оно превращается для него въ ядъ, какъ скоро вспомнитъ, что онъ самъ обязанъ воздавать его другимъ;	ни на отважность побѣдоноснаго своего непріятеля, она затмѣвается въ его мысляхъ, какъ скоро представитъ себѣ, что непостоянство щастія равно и его вознести можетъ;
ни благосклонностію къ нему высшихъ, она не менѣе огорчаетъ его, какъ скоро онъ долженъ бываетъ раздѣлять ее со своими соучастниками;	ни на многочисленность враговъ, они кажутся ему въ часы его геройскаго возхищенія робкимъ стадомъ;
ни своимъ отдохновеніемъ, ибо онъ по мѣрѣ спокойствія дѣлается	ни на противоборствіе самой природы, ибо по мѣрѣ предстоящихъ за-

болѣе нещастнымъ.	*трудненій возпламеняется въ немъ мужество.*
Но сего мало: честолюбіе дѣлаетъ его еще гнуснымъ и низкимъ.	*Но сего мало: отчаяніе дѣлаетъ его страшнымъ и опаснымъ.*
Ибо сколько долженъ онъ употребить подлостей для достиженія своего намѣренія!	*Ибо сколько онъ долженъ презрить смертей, дабы отвратить зло ему угрожающее!*
Онъ долженъ казаться не такимъ, каковъ на самомъ дѣлѣ, но такимъ, какимъ хотятъ его видѣть.	*Онъ бываетъ уже не тотъ герой, какимъ былъ обыкновенно, но дѣлается такимъ, какаго требуютъ крайнія обстоятельства.*

§ 212. Наконецъ заключимъ сіи правила слѣдующимъ замѣчаніемъ, что всѣ показанныя средства къ достиженію совершенныхъ въ краснорѣчіи успѣховъ останутся мало дѣйствительными, естьли въ употребленіи оныхъ не будемъ руководствуемы **вкусомъ**. Когда быть краснорѣчивымъ значитъ искуство посредствомъ слова вѣрно и трога-

Наконецъ къ усовершенію себя въ краснорѣчіи потребенъ вкусъ.

тельно изображать, какаго бы ни было рода, изящество: то можетъ ли быть способнымъ къ сему тотъ, кто не въ состоянiи не токмо внушаемыя онымъ ощущенiя, такъ сказать, влить въ свое слово; не токмо находить въ произведенiяхъ другаго успѣхи или недостатки сего рода; но ниже понимать и чувствовать дѣйствiя изящнаго надъ нашимъ сердцемъ? Я уже имѣлъ случай, во введенiи въ кругъ словесности § 2), сказать, что онымъ вообще называется все то, что преимущественными своими совершенствами столько занимаетъ нашу чувствительность, что на то время перестаютъ всѣ прочiя дѣйствiя нашей души. Я кратко показалъ также тамъ, что сiи отличныя качества имѣютъ вещи, принадлежащiя и къ чувственнымъ, и къ умственнымъ, и къ нравственнымъ, и въ тѣсномъ смыслѣ принятымъ искуственнымъ существамъ. Впрочемъ Естетика, (наука, необходимая для всѣхъ, которые упражняются въ искуствахъ изображающихъ изящное,) должна пространно показать качества, источники и всѣ роды онаго. Но здѣсь довольно замѣтить только то, что

Общее понятiе объ изящномъ, какъ предметѣ вкуса.

Что есть вкусъ?

изящное всякаго рода производитъ надъ нами двоякое дѣйствіе, то есть рождаетъ въ дарованіяхъ познанія не обыкновенно живое изображеніе о себѣ, и въ тоже время поражаетъ нашу чувствительность самымъ пріятнымъ ощущеніемъ; такъ что занимаетъ собою вдругъ и нашъ умъ и наше сердце. Сей даръ, сія способность нашей души не только быстро постигать преимущественныя совершенства, но въ тоже время и живѣйшее отъ нихъ чувствовать удовольствіе, какъ скоро въ произведеніяхъ природы или человѣческаго искуства встрѣчаемъ что нибудь изящное, есть то, что разумѣется подъ толь общимъ именемъ вкуса. Никто не можетъ сомнѣваться, что его въ различной мѣрѣ и разныхъ видахъ имѣютъ люди. Но два главныя его отличія, изъ коихъ одно зависитъ болѣе отъ степени дарованій познанія, и слѣдственно отъ ихъ образованія, другое отъ степени нашей чувствительности, и потому единственно отъ природы, достойны особеннаго вниманія. Первое состоитъ въ томъ, что иные всегда поражаются истинными, то есть основанными на не измѣняемыхъ зако-

— правильный;

нахъ повсемѣстнаго совершенства вещей, красотами, и при томъ соразмѣрно степени сихъ красотъ; при внутреннемъ нѣкоторомъ отвращенiи отъ всего, чему хотятъ не справедливо приписать изящество: иные напротивъ сего, будучи увлечены какими нибудь предубѣжденiями, находятъ совершенства тамъ, гдѣ ихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ; или воображаютъ ихъ въ вещи гораздо болѣе, нежели сколько она имѣетъ. Вкусъ первыхъ есть тотъ, который называется правильнымъ; вторыхъ не правильнымъ или ложнымъ. Часто случается, что въ теченiи нѣкотораго времени люди находятъ отличное изящество въ такихъ вещахъ, въ которыхъ послѣ ихъ потомство ничего подобнаго не усматриваетъ: или что одинъ народъ почитаетъ преимущественно совершеннымъ и красивымъ въ своемъ родѣ то, въ чемъ другiе ничего того не находятъ. Перваго рода вкусъ называется вкусомъ времени или вѣка, а во второмъ народнымъ (нацiональнымъ.) Должно признаться, что подражатель изящнаго, имѣя даръ слѣдовать въ своихъ произведенiяхъ тому или другому изъ сихъ двухъ вкусовъ, прiобрѣтетъ

— неправильный; — времени или вѣка; — народный;

отъ своихъ современниковъ или соотечественниковъ скорыя и блестящія похвалы: но какъ сіи его руководители суть преходящіе и частные; то обыкновенно вмѣстѣ съ нимъ увядаетъ и его слава. Отъ степени чувствительности зависящее различіе вкуса состоитъ въ томъ, что въ однихъ самыя сокровенныя, самыя, такъ сказать, мѣлкія черты и точки изящества производятъ всегда живое нѣкоторое ощущеніе удовольствія; а другихъ — и довольно явственныя красоты или ни мало, или весьма мало поражаютъ удовольственными впечатлѣніями. Чувствованія первыхъ называются тонкимъ или нѣжнымъ; вторыхъ, грубымъ вкусомъ.

— тонкій или нѣжный, — грубый.

§ 213. Способность живо и правильно чувствовать красоты въ природѣ и человѣческихъ произведеніяхъ, еще не составляетъ всего, чего требуется на тотъ конецъ, дабы сдѣлаться превосходнымъ въ какомъ нибудь искуствѣ. Мы видимъ людей съ весьма тонкимъ и здравымъ вкусомъ въ разсужденіи предметовъ сего рода; но при всемъ томъ не имѣющихъ способности быть лучшими исполнителями своихъ

При вкусѣ нужны творческій даръ

чувствованій. Служащая въ такихъ случаяхъ орудіемъ вкуса способность нашей души, приводящая въ дѣйствіе какимъ нибудь посредствомъ внушаемыя красотами и изяществами ощущенія, называется творческимъ даромъ, или творческимъ умомъ (génie). Онъ впрочемъ не ограничивается исполненіемъ единственно чувствованій, производимыхъ однѣми существующими красотами; но не рѣдко родитъ ихъ въ собственомъ нѣдрѣ, и по образцу дѣйствительныхъ созидая вымышленныя, но гораздо разительнѣйшія изящества, приводитъ оныя въ исполненіе. (Мы говоримъ здѣсь только о томъ видѣ творческаго дара, который дѣйствуетъ въ подражающихъ изящной природѣ искуствахъ: Впрочемъ извѣстно, что есть другіе многочисленные онаго виды, изъ коихъ каждый состоитъ въ такомъ дарованіи души, посредствомъ котораго она съ отлично превосходными успѣхами занимается какимъ нибудь родомъ познаній или дѣлъ.) Нѣтъ сомнѣнія, что творческій умъ есть даръ единственно природы; но когда онъ въ упомянутыхъ искуствахъ предается един-

ственно полету своихъ силъ; то его произведенія при всемъ величіи, которое насъ удивляетъ, часто не имѣетъ того изящества, которымъ возхищается правильный и тонкій вкусъ. Таковы бываютъ творенія великихъ умовъ, жившихъ во время, такъ сказать, младенчествующаго еще вкуса. Но сей причинѣ какъ вкусъ безъ творческаго дара, о чемъ уже сказано, такъ и сей безъ онаго, не достаточны для того, чтобъ усовершиться въ какомъ нибудь искуствѣ. Первый руководствуетъ послѣднимъ, его усовершаетъ, и даже даетъ ему иногда почувствовать всѣ его способности. Но чтобы творческому дару показать путь определяемый вкусомъ: весьма полезно доставить ему способъ видѣть образцы, какъ другіе въ произведеніяхъ искуства дѣйствовали своими дарованіями по внушеніямъ вкуса. На сей конецъ нужна здравая критика. Она съ правилами, извлеченными изъ многихъ одного рода произведеній творческихъ умовъ, дѣйствовавшихъ подъ руководствомъ изящнаго вкуса, сличая все, что находится въ искуственномъ какомъ нибудь твореніи похвальнаго или худаго, превосходнаго

и здравая критика.

*2

или посредственнаго, дает истинную цѣну всему; а тѣм самым не чувствительно, но вѣрнѣйшим образом направляет ход дарованій по слѣдам правильнаго вкуса.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОБОЗРѢНІЕ

содержанія сего опыта Риторики.

Стран.

Краснорѣчіе 5

— *Чего требуетъ?* 6

— *Раздѣляется на прозаическое и стихотворческое* 9

Ихъ сличеніе —

О Риторикѣ и Поезіи 10

Часть первая о совершенствахъ слова, которыя произходятъ отъ мыслей, или о изобрѣтеніи 11

Зависящія отъ мыслей совершенства слова —

О изобиліи мыслей 12

— *изобрѣтеніи* 14

— — *для большихъ сочиненій, или риторическихъ мѣстахъ* . 18

— — *отъ рода* . . . 19

— — *отъ видовъ* . . . 21

— — *отъ жизненныхъ свойствъ* . 23

— — *отъ цѣлаго и частей* . . 25

— — *отъ свойствъ матеріальныхъ* . 27

— — *отъ дѣйствія и страданія* . 29

— — *отъ обстоятельствъ* . . 33

— — *отъ времени* . . 35

— — *отъ мѣста* . . 36

— — *отъ причины дѣйствующей* . 37

— — — *конечной* . . 39

Стран.

О изобрѣтеніи отъ признаковъ . . 41
— — отъ противныхъ . . 43
— — отъ подобія . . 44
— — отъ сравненія . . 47
— — отъ примѣра . . —
— — отъ свидѣтельства . 49
— — отъ имени . . 50
— справедливости мыслей . 53
— новости мыслей . . 55
— естественности мыслей . 59
— благоразумномъ сокращеніи мыслей 60
— ясности мыслей . . 61
Объ отличныхъ мысляхъ . 63
— острыхъ — . 65
— отважныхъ — . . 66
— тонкихъ — . 67
— простодушныхъ — . . 68
— выразительныхъ — . . 69
— сильныхъ — . . 70
— искренности мыслей . 72
— искуствѣ витіи пользоваться знаніемъ нравовъ . . . 74
— — знаніемъ страстей . 77
О страстяхъ . . . 79
Правила, наблюдаемыя витіею предъ возбужденіемъ, или уничтоженіемъ страстей . . 86
— — во время самаго возбужденія, или уничтоженія страстей . 88
Часть вторая о разположеніи, и о различныхъ родахъ прозаическихъ сочиненій . . 96

Стран.

О расположеніи . . . 96
— размѣщеніи и связи мыслей . 97
— составленіи грамматическаго смысла 98
— риторическихъ предложеніяхъ . 104
періодѣ . . . —
— составѣ и частяхъ сложнаго періода . 105
— разныхъ родахъ сложнаго періода 107
— періодѣ винословномъ . —
— — сравнительномъ . . 108
— — противоположительномъ . 109
— — уступительномъ . . 110
— — условномъ 112
— — изъяснительномъ . . 113
— — относитльномъ . 115
— — соединительномъ . 116
— — послѣдовательномъ . 117
— — постепенномъ . . 118
— — раздѣлительномъ . 120
— — смѣшенномъ . . 121
— — называемомъ естественною рѣчїю 122
— употребленіи и связи періодовъ . 123
— хріи . . . 124
— — Автоніанской . 130
— — не правильной . 132
— — превращенной . . 134
— краткихъ рѣчахъ . . 136
— писмахъ . . . 138
— — ученыхъ . . —
— — высокихъ . 139
— — просительныхъ, благодарственныхъ и поздравительныхъ . 143

		стран.
О письмахъ приятельскихъ	.	144
— — — одного содержанія	.	145
— — — различнаго содерженія	.	149
— — — отвѣтственныхъ	. .	153
— Риторическихъ силлогизмахъ	.	—
— — — правильныхъ	.	154
— — — наведеніяхъ	.	161
— — — двучленныхъ	.	164
— — — многосложныхъ	.	166
Объ описаніяхъ	. .	168
— — Физическихъ	. .	170
— — Нравственныхъ	. . .	175
— — Историческихъ	.	177
О разговорахъ	. .	183
— частяхъ разговора	.	184
— разговаривающихъ лицахъ и о имени разговора	. .	185
— большихъ рѣчахъ	. .	192
— частяхъ ея	. .	193
— приступѣ	. .	194
— повѣствованіи	. .	198
— предложеніи	. .	199
— излѣдованіи	. .	—
— доказательствахъ	. .	200
— ихъ изобрѣтеніи	. .	201
— разумноженіи и расположеніи		203
— опроверженіи возраженій	.	208
— украшеніи изслѣдованія	.	209
— заключеніи	. .	—
— разныхъ родахъ большихъ рѣчей		214
— проповѣдяхъ	. .	215

Стран.

О рѣчахъ надгробныхъ . . . 216
— — Гражданскихъ . . . 218
— — Судебныхъ . . . 220
— — Академическихъ, или торжественныхъ . . . 221
— Диссертацїяхъ . . . 223
— Панегирикахъ, или похвальныхъ словахъ . . . 224
— Историческихъ сочиненїяхъ . . . 226
— совершенствахъ Историческихъ сочиненїй . . . 227
— выборѣ дѣянїй и произшествїй . . . 228
— обстоятельствъ . . . 229
— справедливости дѣянїй и правдивости писателя . . . 231
— изображенїи описуемыхъ лицъ . . . 232
— отступленїяхъ и вводныхъ рѣчахъ . . . 235
— наставленїяхъ . . . 246
— расположенїи Историческихъ сочиненїй . . . 248
— различныхъ видахъ Исторїи . . . 249
— Исторїи всеобщей и частной . . . —
— одного народа . . . 250
— одного бытїя . . . —
— одного человѣка . . . —
— Историческихъ запискахъ . . . 251
Часть третїя Отдѣленїе I. о совершенствахъ слова, которыя происходятъ отъ выраженїй, или объ украшенїяхъ . . . 252
О чистотѣ языка . . . —

Стран.

О пристойности словъ и выраженій . 254
— точности словъ и выраженій . 257
— ясности сочиненія . . 258
— плавности сочиненія . . 261
— разнозвучіи въ рѣчи . . 262
— размѣщеніи въ предложеніяхъ реченій 266
— плавности сложнаго періода . . 271
Объ украшеніяхъ . . 281
О тропахъ . . . 282
— Метафорѣ . . . 283
— Аллегоріи . . . 284
— Катахрезисѣ . . . 286
— Синекдохѣ —
— Метонимiи . . . 287
— Металепсисѣ . . . 289
— Емфазисѣ 290
— Гипаллагѣ . . . 291
— Гиперболѣ —
— Ироніи —
— Сарказмѣ 292
— Харіентизмѣ . . . —
— фигурахъ словъ . . . —
Объ Удержаніи . . . 293
— Безсоюзіи . . . —
— Изобилованіи —
— Многосоюзіи 294
— Единознаменованіи . . —
— Усугубленіи . . . —
— Единоначатіи . . . —
— Единоокончаніи . . . 295
— Совокупленіи —

Стран.
Объ Возвращенїи . . . 295
— Возхожденїи . . . —
— Окруженїи . . . 296
— Наклоненїи —
— Приложенїи . . . —
— Соотвѣтствїи . . . 297
О фигурахъ предложенїй . . —
— Предупрежденїи . . . 298
— Отвѣтствованїи . . . —
— Уступленїи . . . —
— Сообщенїи 299
— Прехожденїи . . . —
— Премѣненїи . . . 300
— Отличенїи . . . —
— Невозможности . . . 301
— Наращенїи . . . —
— Противоположенїи . . 302
— Раздѣленїи . . . —
— Изсбраженїи . . . —
— Опредѣленїи риторическомъ . 303
— Сравненїи 304
— Напряженїи —
— Поправленїи . . . 305
— Сомнѣнїи —
— Заимословїи . . . 306
— Обращенїи . . . —
— Вопрошенїи . . . —
— Умолчанїи . . . 307
— Восклицанїи . . . —
— Желанїи . . . 308
Отдѣленїе II. о слогѣ, или о совершенствахъ слова, зависящихъ вообще

Стран.

отъ украшенiй, изобрѣтенiя и расположенiя 310
О слогѣ вообще —
— томъ, что слогъ долженъ отвѣчать намѣренiю сочиненiя . . 312
— что намѣренiе сочиненiя бываетъ трояко . . . 313
— что слогъ есть трояваго рода . 314
— низкомъ слогѣ . . . 315
— разныхъ родахъ низкаго слога . 318
— слогѣ разговорномъ . . . 319
— писменномъ . . . 320
— Историческомъ . . . 323
— Поучительномъ . . . 328
— — — Стихотворческомъ . . 331
— сухомъ 332
— Грубомъ или не чистомъ . . 333
— Посредствомъ или ораторическомъ 334
— Не постоянномъ . . . 336
— Красивомъ . . . 338
— Философскомъ . . 342
— Высокомъ . . . 344
— употребленiи высокаго слога 346
— слогѣ холодномъ . : 349
— — надутомъ . . . —
— томъ, что въ краснорѣчiи называется высокимъ . . 350
— предметахъ, бывающихъ источникомъ высокаго . . 351
— произхожденiи высокаго . . . —
— способѣ выраженiя высокаго . . 352

Стран.

О смѣшенїи слоговъ 354
— другомъ различїи слога . . 355
— слогѣ изобильномъ 356
— — сокращенномъ . . . 358
— — сильномъ 360
— — умѣренномъ 364
— вообще о изобильномъ, сокращенномъ и умѣренномъ слогахъ . . 366
— слогѣ легкомъ, или вольномъ, или естественномъ . . . 368
— — принужденномъ . . . 369
— — Стихотворческомъ . . 370
— усовершенствованїи себя въ слогѣ . 373
— способахъ къ тому . . 374
— упражненїи въ сочиненїи . . —
— чтенїи книгъ . . . 377
— разборѣ витїйственнаго сочиненїя при чтенїи . . . 378
— переводѣ съ иностраннаго языка на природной . . 380
— выразумѣнїи подлинника . 381
— вѣрности или точности перевода 384
— соблюденїи свойствъ или чистоты языка въ переводѣ . 386
— подражанїи . . . 393
— — дѣтскомъ . . . —
— — мужественномъ . . . —
— вкусѣ 397
— изящномъ, какъ предметѣ вкуса . 398

	Стран.
О томъ, что есть вкусъ? . .	399
— — — правильный .	399
— — — не правильный .	400
— — — времени или вѣка .	—
— — — народный . .	—
— тонкій или нѣжный .	401
— — — — грубый .	—
— томъ, что при вкусѣ нужны творческій даръ и здравая критика .	403

Конецъ обозрѣнія.

Bayerische Staatsbibliothek München

Buchbinderei
Marktplatz 23

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Rižskij, Ivan S.

Opyt ritoriki

Char'kov 1822

L.eleg.g. 592 f
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10575609-6